

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Дьяченко Юлия Васильевна

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XX – XXI ВВ.: ПРОБЛЕМА ПОВЕСТВОВАНИЯ**

10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Новикова Елена Георгиевна

Томск – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ.	28
1.1. История жизни и творчества сестер Бронте.....	28
1.2. Феномен сестер Бронте	31
1.3. Повествовательные стратегии в романах сестер Бронте: постановка проблемы	35
1.4. Творчество сестер Бронте в англоязычной литературной критике и литературоведении.	44
ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ В XIX – XXI ВВ.	62
2.1. История рецепции творчества сестер Бронте в русской литературе и культуре XIX - XXI вв.	62
2.2. Сопоставительный анализ изучения повествовательных стратегий романов сестер Бронте в англоязычном и русском литературоведении.	82
ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕЛОЖЕНИЙ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	88
3.1. Особенности повествования в романе «Джейн Эйр»	88
3.2. Переводы и переложения романа «Джейн Эйр» XIX в. Особенности перевода нарративных конструкций.....	92
3.3. Специфика переводов романа «Джейн Эйр» XX в.	102
3.4. Переводы романа «Джейн Эйр» XX в. в аспекте проблемы повествования.....	111
ГЛАВА 4. РОМАН Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» В РОССИИ XX – XXI ВВ.	125
4.1. Особенности повествования в романе «Грозовой перевал».	125
4.2. Специфика переводов романа «Грозовой перевал» XX - XXI вв.	137
4.3. Переводы романа «Грозовой перевал» XX - XXI вв. в аспекте проблемы повествования.....	141
ГЛАВА 5. РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА ЭНН БРОНТЕ «НЕЗНАКОМКА ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ-ХОЛЛА»	167

5.1. Особенности повествования в романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла».....	167
5.2. Функционирование повествовательных конструкций в тексте письма.....	171
5.3. Функционирование повествовательных конструкций в тексте дневника.....	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
ЛИТЕРАТУРА	190

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении двух столетий жизнь и творчество замечательных английских писательниц сестер Бронте вызывает активный интерес у читателей и литературоведов во всем мире. Это связано со вниманием не только к их выдающемуся творчеству, но и к самим фигурам писательниц, к их жизни. Со времени появления первого романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в 1847 г. вышло огромное количество трудов, посвященных сестрам Бронте.

История изучения творчества сестер Бронте в России и популярность их произведений среди читателей дает основание полагать, что творчество этих английских романисток занимает особое место в русской литературе.

Изучение отдельной национальной литературы невозможно без обращения к опыту мировой литературы. На каждом этапе своего развития литература любой нации и страны неизбежно взаимодействует с культурой и литературой других стран. «Сейчас уже невозможно изолированное, узконациональное изучение литературы»¹. Взаимные литературные связи проявляются во многих аспектах: традиционно к ним относят литературно-критическую и научную, переводческую и культурную рецепцию. Произведения иностранных авторов всегда, прямо или опосредованно, влияют на национальную литературу, принося в нее бесценный опыт и обогащая ее.

В каждую эпоху вхождение зарубежной литературы в национальную обусловлено рядом культурно-исторических и социально-политических причин. О закономерностях вхождения явлений зарубежной литературы в литературу национальную точно и для данного исследования принципиально высказался В. И. Кулешов: «Перевод (зарубежного произведения – Ю. Д.) означает, что данная общественная проблема уже созрела в «воспринимающей» литературе, но до собственного оригинального решения ее заменит перевод. Но

---

¹ Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1976. С. 5.

и впоследствии перевод функционирует как вариант решения проблемы или как факт ее «истории» в данной культуре»¹.

Именно так произведения сестер Бронте впервые появились в русской литературе в середине XIX в. в период зарождающегося в стране движения женской эмансипации. Российское общество нуждалось в литературе, которая давала бы ответы на вопросы, которые возникали в связи с ним, однако, русская литература того времени, в основном, еще не располагала подобными ресурсами. Потребность русского читателя в произведении, которое освещало бы актуальный «женский» вопрос, и удовлетворил роман Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Романы сестер Бронте остаются популярными в России до настоящего времени. На каждом этапе развития русской литературы и культуры произведения английских романисток оказываются актуальными и востребованными читателями и исследователями.

Актуальность предпринятого диссертационного исследования определяется стремлением осмыслить процесс вхождения и бытования творчества сестер Бронте в русской литературе XIX – XXI вв. и выявить особенности развития русской культуры и литературы, обусловившие высокую популярность творчества сестер Бронте в России на протяжении уже трех столетий. Также данное исследование актуально в контексте теории современного российского литературоведения, в котором в настоящее время активно разрабатывается проблематика нарратива, рецептивной эстетики и переводоведения, и в рамках проблематики взаимодействия русской и европейской литературы в XIX – XXI вв.

Сестры Шарлотта (21.04.1816 – 31.11.1855), Эмили (01.08. 1818 – 19.12.1848) и Энн (17.11.1820 – 28.05.1849) Бронте оставили после себя богатое литературное наследие. К творчеству старшей из сестер Шарлотты Бронте относятся пять романов: «Учитель» (1846), который был опубликован уже

---

¹ Кулешов В. И. Указ. соч. С. 89.

после смерти писательницы в 1855 г., «Джейн Эйр» (1847), «Шерли» (1849), «Вильетт» (1852) и незаконченный роман «Эмма» (1855), а также большое количество стихотворений. Художественное наследие средней сестры Эмили Бронте составляют стихотворения (около 200) и один роман «Грозовой перевал» (1847). Перу самой младшей сестры Энн Бронте принадлежат стихи и два романа, «Агнесс Грэй» (1847) и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» (1848). (Из данного перечня мы сознательно исключаем детские произведения сестер Бронте, которые, преимущественно, носили коллективный характер и до наших дней дошли лишь фрагментарно.)

В целом, вхождение творчества сестер Бронте в мировую культуру было связано не только с актуализацией «женского вопроса», но и с появлением и развитием такого явления мирового литературного процесса, как «женская литература». Романы сестер отличаются острой постановкой проблемы женской эмансипации, решением которой занимается героиня – женщина. Образ сильной, самостоятельной женщины находится в центре всего творчества сестер Бронте. Кроме эмансипирующего вызова современному обществу, романы сестер Бронте вскрывают те пороки, которые были связаны с местом и положением женщины в обществе, в произведениях сестер большое значение придается вопросам религии и семейной жизни.

В России творчество сестер Бронте становится известным вскоре после выхода в свет Ш. Бронте «Джейн Эйр»: его первое переложение на русский язык появилось уже в 1849 г., и в настоящий момент существует 9 вариантов перевода и переложения романа на русский язык.

Термин «переложение» в переводоведении определяется следующим образом: «Переложение – изложение содержания чего-либо в другой форме»¹, он подразумевает воспроизведение оригинального произведения на иностранном языке в любой форме. Использование данного термина в настоящем исследовании определяется спецификой материала, поскольку не

---

¹ Переложение // Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М., 2009. С. 152.

все имеющиеся переложения романа «Джейн Эйр» на русский язык могут быть определены собственно как «перевод». В связи с этим уместно ввести определения понятий «перевод» и «пересказ». Известное определение перевода: «Перевод художественный – передача художественного произведения, написанного на одном языке, средствами другого при сохранении (по возможности) стилистических особенностей подлинника <...> важным в переводе является не лингвистический, а художественно – образный момент, т. е. способность переводчика воссоздать образный мир произведения»¹. В свою очередь, Т. Н. Гурьева в «Новом литературном словаре» определяет перевод и пересказ следующим образом: «Литературный перевод – это вид литературного творчества, в процессе которого произведение, написанное на одном языке, воссоздается на другом»²; «пересказ – это письменное или устное изложение какого-либо текста»³. В настоящем исследовании будет также фигурировать определение «пересказ с элементами перевода». Под этим понятием понимается пересказ произведения на другой язык с вкраплениями в него фрагментов переведенного текста подлинника, что также обусловлено спецификой материала.

Первый пересказ романа с элементами перевода под названием «Дженни Ир» был осуществлен анонимно в журнале «Библиотека для чтения» в апреле 1849 г.⁴ В мае того же 1849 г. в журнале «Отечественные записки» появился первый перевод романа под названием «Дженни Эйр», выполненный И. И. Введенским⁵. В 1850 г. в журнале «Современник» выходит очередной анонимный пересказ романа с элементами перевода под названием «Джен Эйр, роман Коррер Белля»⁶. Следующим вариантом переложения романа на русский

---

¹ Перевод художественный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 735.

² Литературный перевод // Новый литературный словарь / Т. Н. Гурьева. Ростов н/Дону, 2009. С. 214.

³ Там же. С. 215.

⁴ Литературные новости в Англии: Дженни Ир: Автобиография // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. Ч. 2. Отд. 7. Апрель. С. 151 – 172.

⁵ Дженни Эйр. Перевод с английского И.И. Введенского // Отечественные записки СПб., 1849. Т. 64. С. 175 – 250. Т. 65. С. 67 – 158, 179 – 262. Т. 66. С. 65 – 132, 193 – 330.

⁶ Дженнь Эйр, роман Коррер Белля // Современник. СПб., 1850. Т. 21. № 6. Отд. 4. С. 31 – 38.

язык является также пересказ с элементами перевода, выполненный С. И. Кошлаковой и опубликованный в 1857 г. в журнале «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог, собрание романов, повестей и рассказов новых и старых, оригинальных и переводных» под названием «Дженни Эйр, или записки гувернантки»¹. В 1893 г. выходит еще один перевод романа «Джейн Эйр» в исполнении В. Д. Владимирова в журнале «Моя библиотека» под названием «Дженни Эйр, Ловудская сирота, роман – автобиография»².

В XX в. в России роман «Джейн Эйр» был переведен еще четыре раза. В 1901 г. в иллюстрированном научно-популярном журнале для семьи и школы «Юный читатель» роман публикуется под названием «Джэни Эйр, история моей жизни, Шарлоты Бронте. Сокращенный перевод с английского»³ без указания имени переводчика.

В 1950 г. произведение переведено В. О. Станевич под названием «Джейн Эйр»⁴. Безусловно, это качественно новый перевод. Из всех существующих вариантов это наиболее полный и адекватный перевод романа. Хотя и здесь переводчик, в силу определенных обстоятельств, продиктованных эпохой, опускает целые фрагменты текста, прежде всего, посвященные религиозной проблематике. Однако, именно перевод В. О. Станевич будет популярен долгие годы и будет переиздан десятки раз (даже и сейчас, в XXI в., хотя уже существует поздний более полный перевод произведения, роман «Джен Эйр» в переводе В. О. Станевич можно легко найти в книжных магазинах). И далее прославленный роман Шарлотты Бронте переводится в России еще два раза: в 1990 г. выходит собрание сочинений сестер Бронте в трех томах (составитель Е. Ю. Гениева), в котором публикуется перевод романа со следующим уточнением: «перевод В. Станевич, пропуски восстановлены И. Гуровой»⁵. В

---

¹ Дженни Эйр или записки гувернантки. Сочинение Курер-Белль. Перевод С. К...вой // Библиотека для дач, пароходов и железных дорог. Собрание романов, повестей и рассказов новых и старых, оригинальных и переводных. СПб., 1857. – в 3-х частях.

² Бронте Ш. Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман – автобиография в 2-х частях. СПб., 1893.

³ Бронте Ш. Джэни Эйр история моей жизни. Шарлоты Бронте сокращенный перевод с английского // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. СПб., 1901. № 3 – 1 февраля, № 5 – 1 марта.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. М., 2008.

⁵ Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман; Стихотворения. М., 1990.

этой версии романа И. Г. Гурова восстанавливает пропуски перевода В. О. Станевич. Данный вариант перевода можно охарактеризовать как переходный или комбинированный, но теперь русская литература получает долгожданный полноценный перевод романа. Наконец, полный перевод романа был выполнен И. Гуровой в том же 1990 г.¹

Остальные романы Ш. Бронте были также достаточно популярны в России. Первый роман Ш. Бронте «Учитель» впервые был переведен на русский язык в 1857 г. и опубликован в «Отечественных записках» без указания переводчика². В XX в. перевод этого произведения был сделан в 1997 г., переводчик – Н. Флейшман³. В XXI в. роман «Учитель» переведен У. Сапциной⁴.

Роман «Шерли» впервые был переведен в 1851 г. для журнала «Библиотека для чтения», автор перевода не указан⁵. Второй раз произведение переведено уже в 1963 г. И. Грушецкой и Ф. Мендельсон⁶.

Роман «Вильетт» впервые был переведен в 1853 г. для той же «Библиотеки для чтения», переводчик не указан⁷. Следующий перевод произведения выходит в 1856 г.⁸ Очередной перевод появляется в 1860 г. в исполнении Н. Новосильского под названием «Наставница, или Пансион в Брюсселе»⁹; читатели XX в. познакомились с этим романом в 1983 г., он вышел под названием «Городок» в переводе Л. Орел и Е. Суриц¹⁰.

В 2001 и 2003 гг. в России появляются переводы незаконченного романа Ш. Бронте «Эмма»: в варианте К. Сейвери (перевод Т. Казавчинской и В. С.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман. Бронте Э. Грозовой перевал: Роман. М., 2003.

² Бронте Ш. Учитель: роман // Отечественные записки. 1857. Т. 115. Отд. 1. № 11. С. 107 – 202. № 12. С. 621. – 730.

³ Бронте Ш. Учитель: роман. СПб., 1997.

⁴ Бронте Ш. Учитель. М., 2013.

⁵ Бронте Ш. Шэрли: повесть // Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Январь. С. 1 – 68. Февраль. С. 167 – 226. Т. 106. Март. С. 1 – 122. Апрель. С. 153 – 214. Т. 107. Май. С. 1 – 172. Отд. 2: Иностранная словесность.

⁶ Бронте Ш. Шэрли. М., 1963.

⁷ Бронте Ш. Вильетт: роман // Библиотека для чтения. 1853. Т. 120. С. 1 – 145. Т. 121. С. 1 – 164. Т. 122. С. 1 – 122, 193 – 267. Отд. 2: Иностранная словесность.

⁸ Бронте Ш. Наставница, или пансион в Брюсселе // Пантеон. 1856. Т. 25. Кн. 1. Раздел 9. С. 1 – 42. Т. 26. Кн. 3. Раздел 13. С. 43 – 74. Т. 26. Кн. 4. Раздел 10. С. 75 – 100. Т. 27. Кн. 5. Раздел 8. С. 101 – 174.

⁹ Бронте Ш. Наставница, или пансион в Брюсселе. СПб., 1860.

¹⁰ Бронте Ш. Городок. М., 1983.

Кулагиной-Ярцевой, 2001¹) и варианте К. Бойлен (перевод Е. Никитиной, 2003²).

В отличие от творчества Шарлотты Бронте, произведения ее младших сестер Эмили и Энн остались за рамками интереса русского читателя девятнадцатого столетия. Первые переводы их произведений на русский язык были осуществлены только в XX в. и продолжают уже в XXI в.

Единственный роман Э. Бронте «Грозовой перевал» впервые был переведен на русский язык в 1956 г., переводчик – Н. Вольпин³; в 2009 г. произведение выходит в новом переводе У. Сапциной⁴.

В свою очередь, романы Энн Бронте «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» были впервые переведены на русский язык в 1990 г. И. Г. Гуровой⁵.

Наконец, в 1990 г. в собрании сочинений сестер (сост. Е. Ю. Гениева) выходит в свет перевод всех стихотворений сестер Бронте, выполненный Т. Гутиной⁶.

Таким образом, специфика русскоязычной рецепции произведений сестер Бронте состоит в том, что русский читатель впервые получил возможность познакомиться с творчеством всех трех сестер Бронте только в XX в., и только в конце XX-начале XXI вв. в русской культуре окончательно сформировалось представление о творчестве сестер Бронте как о целостном явлении, о едином «феномене сестер Бронте». Так, например, Н. П. Михальская в предисловии к собранию сочинений Энн Бронте пишет: «триединый в своей сущности историко-литературный феномен, обозначаемый понятием “сестры Бронте”»⁷.

---

¹ Ш. Бронте and Another Lady. Эмма: роман. М., Харьков, 2001.

² Бронте Ш. Эмма Браун / Ш. Бронте, К. Бойлен. Харьков; Белгород. 2008.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман. Бронте Э. Грозовой перевал: Роман. М., 2003.

⁴ Бронте Э. Грозовой перевал. М., 2009.

⁵ Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения. М., 1990.

⁶ Бронте Э. Агнес Грей... М., 1990; Бронте Э. Грозовой перевал... М., 1990; Бронте Ш. Джейн Эйр... М., 1990.

⁷ Бронте Э. Агнес Грей... С. 5.

А. А. Сыскина также подчеркивает их «феномен семейной литературной одаренности и художественной близости»¹.

Однако в современном российском литературоведении изучение русскоязычной рецепции всего творчества сестер Бронте, а следовательно, научное осмысление его как целостного «феномена», только начинается.

К настоящему моменту специальных исследований рецепции творчества писательниц в русской литературе немного; они носят, в основном, обзорный характер и посвящены, прежде всего, восприятию произведений сестер Бронте в России XIX в., т. е., преимущественно, Шарлотте Бронте.

Так, в работах О. Р. Демидовой проведен анализ русскоязычных переводов романов Ш. Бронте XIX в., а также литературно-критической рецепции ее творчества в русских журналах XIX в.², в частности, в контексте обсуждаемого в них вопроса женской эмансипации³.

Большой вклад внесла в изучение этого вопроса А. А. Сыскина. Ее диссертационное исследование, осуществленное в 2013 г.⁴, посвящено литературно-критической и переводческой рецепции творчества Ш. Бронте в русской литературе второй половины XIX в. Глубокое изучение разнообразного материала литературно-критической рецепции творчества Ш. Бронте сочетается в работе с многоаспектным анализом переводов «Джейн Эйр» И. И. Введенского, С. И. Кошлаковой, В. Д. Владимирова и др.

---

¹ Сыскина А. А. Критическая и переводческая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. С. 112.

² Демидова О. Р. О стилистических особенностях первого русского перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1989. Вып. 6. С. 163 – 169; Её же. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л 1990; Её же. The Reception of Charlotte Brontë's Work in Nineteenth-Century Russia // The Modern Language Review. 1994. Vol. 89. № 3. P. 689 – 696; Её же. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России: 1849 – 1989. Библиография переводов и критической литературы // Oxford Slavonic Papers. NS. Vol. XXXIX. 1996. P. 44 – 60.

³ Демидова О. Р. «С чужого языка»: английский женский роман в русской культуре XIX века // «Адам и Ева: Альманах гендерной истории» СПб., 2003. С. 255 – 268; Её же. Уроки эмансипации Английский женский роман и формирование «женского политического» в России XIX века. Электронный ресурс // Интернет-журнал «Космополис» №2(4), лето 2003. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/demidova-zhenskij-roman.htm> (дата обращения: 08.04.2014).

⁴ Сыскина А. А. Указ. соч.

В свою очередь, общему обзорному анализу рецепции творчества сестер Бронте в России посвящены статьи И. Н. Васильевой¹, Н. И. Назаренко², Т. М. Никаноровой³. В них представлена библиография переводов и материалы литературно-критической рецепции творчества всех трех сестер в России с середины XIX до конца XX в., ставится вопрос об их художественном методе. В частности, Т. М. Никанорова выявляет ряд социально-культурных проблем современного российского общества, которые обусловили популярность творчества английских писательниц.

Научная новизна данного диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые исследуется литературно-критическая, переводческая и научная рецепция творчества всех трех сестер Бронте в русской литературе и культуре XX – XXI вв. Принципиально новым является, прежде всего, изучение творчества всех трех сестер Бронте. В работе впервые специально изучено и описано значение художественного наследия сестер Бронте для русской культуры и литературы XX – XXI вв., и впервые предпринята попытка определения основных эпох развития русской литературы, которые особенно активно актуализировали художественное наследие английских писательниц. Комплексный анализ их творчества обусловил еще один аспект научной новизны работы: показано, что разные творческие индивидуальности сестер Бронте объединяются общими нарративными стратегиями. Поэтому русскоязычные переводы романов сестер Бронте впервые изучены с точки зрения функционирования в них тех нарративных стратегий, которые были заложены в оригиналах. Такой подход потребовал разработки оригинальной авторской методики анализа переводного материала, что также определяет научную новизну работы.

---

¹ Васильева И. Н. Сестры Бронте в России. Прихоти судьбы // Бронте Ш. Эмма. М., 2000. С. 365 – 376.

² Назаренко Н. И. Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 65 – 70.

³ Никанорова Т. М. Творчество сестер Бронте в русской и советской критике // Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе XIX – XX вв. Красноярск, 1987. С. 11 – 27.

Методологическую и теоретическую основу диссертационного исследования по рецептивной эстетике составили труды М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, Ф. Шлейермахера, Х. Г. Гадамера, П. Рикера, Р. В. Ингардена, В. Изера, Г. Р. Яусса. В контексте проблемы повествования основой настоящего исследования стали труды В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, В. Шмида, Б. О. Кормана, А.В. Хализева, Ю. Кристевой, Р. Барта, В. И. Тюпы. Научную базу диссертационного исследования в вопросах перевода составили труды Ж. Деррида, Г. Р. Гачечиладзе, И. А. Кашкина, В. Н. Комисарова, Ю. Д. Левина, В. Е. Федорова, Р. О. Якобсона. Основой для осмысления истории литературы явились работы Л. Н. Лейдермана, М. Н. Липовецкого, Е. Г. Эткинда, А. Н. Николюкина, В. И. Кулешова и др. Изучение творчества сестер Бронте опирается на работы таких российских исследователей, как В. В. Ивашева, Е. Ю. Гениева, А. А. Будагян, О. А. Наумова, В. М. Базилевич, М. С. Михайлова, М. А. Гритчук, Д. Б. Хардак, О. Р. Демидова, Е. А. Соколова, М. П. Тугушева, Н. П. Михальская, А. А. Елистратова и др., а также на труды таких зарубежных исследователей, как Э. Гаскелл, К. Шортер, Е. Бенсон, Т. Вайс, Д. Траверси, Д. Сесил, А. Кэттл, М. Визик, А. Харрисон, Дж. Хьюиш, Р. Хайльман, Дж. Ф. Гудридж, Ф. Дрю, Р. Б. Мартин, В. Герин, М. Вилли, М. Спарк, В. Крейк, Б. Форд, В. Стивенсон, Ф. Бентли, Л. Хинкли, С. Сенджер, Д. Лодж, Т. Иглтон, Э. Ленгленд, И. Тайлер, Э. Читэм, Д. Баркер, Р. Уилсон.

В соответствии с общими положениями рецептивной эстетики, понятие «рецепция» включает в себя несколько аспектов: это и переводы произведений, и рефлексия автора и читателя о произведении, и восприятие одной литературой опыта другой, и пр.

Понятие «рецепции» имеет богатую историю изучения, но с момента введения М. М. Бахтиным в теорию литературы категории диалога и представления о диалоге культур рецепция стала одним из важнейших аспектов при изучении литературных и культурных взаимосвязей.

По мнению исследователя, «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Мы ставим чужой культуре

новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»¹. Однако, важным здесь является то обстоятельство, что взаимодействующие культуры не проникают одна в другую, но, принимая в себя опыт другой, становятся богаче.

Рецептивная эстетика в современной европейской научной мысли представляет собой специальное направление, сформированное трудами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х. Г. Гадамера, П. Рикера, Р. В. Ингардена, Э. Гуссерля, В. Изера, Г. Р. Яусса, Ю. Н. Тынянова и др. Становление рецептивной эстетики происходило на основе герменевтики, феноменологии, пражского структурализма и русской формальной школы 10-20 гг. XX в.

В понимании Ф. Шлейермахера, герменевтика – это учение о лингво-психологическом понимании текста. Здесь понимание рассматривается как диалог автора и читателя, в котором реконструкция и познание текста осуществляется читателем. По мнению М. Хайдеггера, герменевтика - это «свершение бытия», голос которого слышен через авторов и их тексты. По Х. Г. Гадамеру, герменевтика - это способ познания мира человеком, понимание опыта прошлого («опыт традиции») ². П. Рикер осмысливал герменевтику как интерпретацию. Интерпретация для П. Рикера - это «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении»³. Р. В. Ингарден высказал идею об интенциональности, которая «проявляется в устремленности или направленности человеческого сознания на предмет, позволяющая личности наполнять его своим содержанием, смыслом и значением»⁴.

---

¹Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 334 – 335.

² Цит. по: Интенциональность // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 160.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С.18.

⁴ Цит. по: Интенциональность. Философия: Энциклопедический словарь... С.323.

Ю. Н. Тынянов о взаимоотношении автора и читателя, влияния исторического процесса на восприятие литературы размышляет в своей работе «Литературный факт». Ю. Н. Тынянов говорит о специфике подхода современников к литературе другой эпохи: «Обособляя литературное произведение, исследователь вовсе не ставит его вне исторических проекций, он только подходит к нему с <...> несовершенным историческим аппаратом современника чужой эпохи»¹ По мнению ученого, «Литературная эпоха, литературная современность вовсе не есть неподвижная система, в противоположность подвижному, эволюционирующему историческому ряду.»², который обуславливается смещением литературных жанров в историческом процессе. В литературном произведении Ю. Н. Тынянов выделяет автора и его авторскую индивидуальность. Согласно Ю. Н. Тынянову, авторская индивидуальность – это «скорее ломаная линия, которую изламывает и направляет литературная эпоха»³. Здесь же Ю. Н. Тынянов говорит и о читателе, которому он отдает активную позицию: «читатель отбирал из понятий только *характерное*, только так или иначе подсказывавшее черты автора, и применял эти черты к тем чертам, которые вырастали для него из стиля, или особенностей сказа...»⁴.

В свою очередь, проблематика перевода в современной научной мысли может пониматься не только (и не просто) как перенос определенного смысла оригинала языковыми средствами другого языка, но осмысливаться философски. Так, Е. Г. Новикова в своей работе исследовала проблематику перевода в программе деконструкции Ж. Деррида. В основе программы деконструкции Ж. Деррида лежит его осмысление противопоставления «устной речи» - «письму» («phone» - «gramme»). Именно с позиции этого противопоставления Ж. Деррида и обращается к проблематике перевода. По мнению Е. Г. Новиковой, «в его (Ж. Деррида – Ю. Д.) восприятии и

---

¹ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 259.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 268.

интерпретации традиционная для критикуемой им «классической» теории перевода оппозиция «оригинал» - «перевод» - это типичное проявление «логоцентризма», где «оригинал» претендует на то, чтобы быть Центром, а «перевод» всегда только периферия <...> Но для Ж. Деррида особо ценным оказываются именно перевод и возможная множественность переводов – в этом он видит проявление бесконечных возможностей и продуктивности «письма»¹.

Комплексный подход к изучению рецепции творчества сестер Бронте в России обусловил специальное обращение к проблемам повествования, актуальным для современной русской литературы и российской научной мысли.

XX в. в русской литературе – эпоха новых подходов к пониманию текста художественной литературы. На этом фоне одним из важных направлений российской науки о литературе стало изучение нарратива.

Проблематика повествования актуализировалась уже в начале XX в. В это время и писатели, и ученые начали активно осмыслять форму художественного текста. Так возникла научная проблематика функционирования нарративной конструкции и той роли, которую наррация играет в художественном тексте.

Основополагающими исследованиями в области нарратологии стали работы В. В. Виноградова и М. М. Бахтина. Именно их концепции в сфере теории художественного текста, сформировавшиеся в 20-30 гг. XX в., стали базой для дальнейшего изучения проблем повествования.

В начале XXI в. В. Шмид предпринял попытку объединить все существующие теоретические исследования в области нарратологии в своей книге «Нарратология»². Изучение круга вопросов, связанных с наррацией текстов (часто - не только художественной литературы), стало популярным и актуальным в современном литературоведении.

---

¹ Новикова Е. Г. Проблематика перевода в программе деконструкции Жака Деррида//Вестник ТГУ. Филология. № 3 (35). 2015. С. 181.

² Шмид В. Нарратология М., 2003.

Согласно В. Шмиду, существует два основных понимания термина «нарратология». В первом случае, придерживаясь классической теории повествования, В. Шмид определяет нарратора как рассказчика в тексте художественного произведения, через призму точки зрения которого читатель воспринимает весь текст.

Другое понимание нарратологии, которое литературовед берет за основу своего исследования, заключается в том, что «решающим в повествовании является не столько признак структуры коммуникации, сколько признак структуры самого повествуемого. Термин «нарративный», противопоставляемый термину «дескриптивный», или «описательный», указывает не на присутствие опосредующей инстанции изложения, а на определенную структуру излагаемого материала»¹. Согласно данному определению, в область нарратологии могут быть включены не только словесные произведения, но и произведения других родов и видов искусства, например, кино, драматические тексты и др.

Повествовательным, по мнению В. Шмида, является такое произведение, в котором выполняется условие «двойной коммуникационной структуры»: с одной стороны – авторская коммуникация, с другой – нарраторская. В структуре повествования следует различать «повествуемый мир», который создает нарратор, и «изображаемый мир», который создан реальным автором.

Помимо этого, В. Шмид различает эксплицитное и имплицитное изображение нарратора: «Эксплицитное изображение основывается на самопрезентации нарратора. Нарратор может называть свое имя, описывать себя как повествующее «я», рассказывать историю своей жизни, излагать образ своего мышления <...> Имплицитное изображение осуществляется с помощью симптомов, или индициальных знаков, повествовательного текста.»². Изображение имплицитного нарратора может осуществляться при помощи различных приемов; среди шести приемов, описанных В. Шмидом, - выбор

---

¹ Шмид В. Указ. соч. С. 8.

² Там же. С. 66 – 67.

действующих лиц, ситуаций, описание мыслей, чувств героев, «конкретизация, детализация подбираемых элементов»¹, определенный порядок расположения выбранных элементов, их языковая презентация и пр. В. Шмид заключает: «Имплицитный образ нарратора – это результат взаимодействия указанных шести приемов. Нарратор, таким образом, является конструктом, составленным из симптомов повествовательного текста»².

Принимая во внимание двойную природу категории повествования, в котором, с одной стороны, всегда присутствует нарратор вымышленный, с другой – нарратор реальный (писатель), можно сделать вывод о том, что без обращения к категории «образ автора» изучение проблемы повествования в художественном тексте становится невозможным.

Проблема повествования, связанная с «образом автора», состоит, в первую очередь, в определении различий между автором – реальным создателем произведения и автором – рассказчиком, а если последний отсутствует в тексте произведения как выделенный герой или рассказчик, проблема видится в том, чтобы отличить и определить разные голоса, звучащие в произведении.

Эта проблема остро стояла и перед самими писателями. Создавая произведение, художник неизбежно сталкивается с вопросом определения в нем авторского начала. Л. И. Тимофеев³, уделяя большое внимание проблеме автора в художественном тексте, акцентирует внимание на том, что уже в XIX в. многие русские писатели осмысливали этот важный для художественного произведения вопрос.

Одним из первых литературоведов, разрабатывавших категорию «образ автора» в начале XX в., был В. В. Виноградов. В контексте изучения стиля художественного произведения В. В. Виноградов говорит о взаимосвязи категории образа автора и повествователя в художественном произведении. В

---

¹ Шмид В. Указ. соч. С. 67.

² Там же.

³ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., 1959.

своем исследовании «О художественной прозе»¹ В. В. Виноградов обозначил данное понятие как «образ писателя», этот образ включает в себе не личность реального писателя, например, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, но его «актерский» лик.

Позднее В. В. Виноградов пишет, что «образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого»².

В частности, ученый утверждает, что в формах сказа автор, как правило, не совпадает с рассказчиком, однако, отмечает, что иногда образ автора может совпадать с нейтральным повествователем. Подобное не совсем четкое разведение понятий «образ автора» и «нарратора» присутствует во всем творчестве В. В. Виноградова.

Также он подчеркивает: «Одним из основных средств раскрытия авторской оценки изображаемых людей и событий является речь повествователя, то, как писатель рассказывает о жизни, какими словами и оборотами характеризует он своих героев и т. д. Эта речь повествователя и цементирует все разнородные словесные элементы произведения в единое целое»³. Язык художественного произведения строго мотивирован. Решающее значение приобретает стилистическая специфика писателя, то какими принципами он руководствуется, работая над языком произведения. Для художественного текста, помимо речевой характеристики каждого персонажа, важна и проблема определения индивидуального стиля как обобщающего начала произведения самого писателя. «Все дело, однако, в том, что речевые особенности персонажей входят в значительно более сложное художественное

---

¹ Виноградов В. В. О художественной прозе. М., Л., 1930.

² Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 118.

³ Тимофеев Л. И. Указ. соч. С. 199.

образование, в целостную систему речи, организуемую прежде всего языком рассказчика, повествователя»¹.

Тщательно обработанная писателем речь героя создает его индивидуальный образ, становится отражением мировоззрения персонажа, его отношения к окружающей действительности. В данной связи важно отметить, что решающую роль для восприятия произведения как единого целого играет отношение самого писателя к компонентам текста, которое проявляется на всех его уровнях. Автор всегда стремится выделить в речи персонажа что-то особенное, то, что он отрицает, или, наоборот, принимает в этом персонаже. Поэтому в каждом тексте, даже там, где наблюдается отсутствие авторской речи как таковой, она проявляется в авторской окраске речи действующего лица, определяет характер этой речи. Таким образом, при помощи выбираемых языковых средств, писатель может выражать характер персонажа, свое (авторское) отношение к герою либо ситуации. Это является своего рода обобщающим элементом всего произведения.

В свою очередь, М. М. Бахтин связывает проблематику образа автора с определением художественного текста как полифонического. Наиболее широко взгляды М. М. Бахтина на эту проблему представлены в его книгах «Проблемы поэтики Достоевского»², «Эстетика словесного творчества»³ и др.

Текст художественной литературы, по мнению М. М. Бахтина, полифоничен по своей природе. В своих трудах ученый, прежде всего, на примере произведений Ф. М. Достоевского, раскрывает сущность полифонии художественного текста.

В полифоническом произведении голос автора и голос героя вступают между собой в равноправный диалог: «Новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая

---

¹ Тимофеев Л. И. Указ. соч. С. 197 – 198.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

³ Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя. Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», то есть другое чужое полноправное «я»¹.

Диалогичность отношения герой – автор в полифоническом романе выражается в такой авторской позиции, в которой все сказанное автором о герое представляется как «слово о присутствующем»² и «могущем ответить»³. Художественный текст, обладающий чертами полифонического, построен таким образом, что автор «говорит <...> не о герое, а с героем»⁴.

Несмотря на индивидуальность мнения и самостоятельность героя, авторская позиция в полифоническом романе выражена ярко и проявляется на протяжении всего текста. Она принципиально отлична от форм авторской позиции в монологическом произведении, автор полифонического текста не завершает образы и не представляет их в роли объекта, но устанавливает равноправие между ними и собой, выстраивая, таким образом, диалогические отношения в произведении. Работая над художественным текстом с такой авторской позиции, писатель не отказывается от своей точки зрения, не растворяется в сознаниях героев, но проделывает огромный труд над своим сознанием, расширяя и углубляя его.

Автора художественного текста М. М. Бахтин считает центром и организующим началом художественного произведения, т. к. создателем текста является конкретный человек, обладающий своим индивидуальным художественным видением мира. Ценностная ориентация автора по отношению к миру превращается в эстетически осмысленную художественную реальность. Эстетическое отношение автора к герою и его кругозору – это отношение писателя к нему как к другому, это умение автора увидеть в другом человеке те моменты, которые он сам в себе не замечает. Деятельность автора всегда направлена на содержание, т. е., по мнению М. М. Бахтина, на «жизненную, то

---

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 73.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.74.

есть познавательно-этическую, напряженность героя»¹. Автор своим произведением создает принципиально новое видение мира, отличное от других точек зрения на него, он открывает реальность в совершенно новом для самого себя контексте.

Это художественное видение выражается в искусстве при помощи словесного материала. Организация этого материала подчиняется определенным приемам и ставит своей целью осуществить конкретное художественное задание, основной категорией которого является творческое отношение автора к герою. Значимой чертой художественного произведения является не отношение автора к материалу произведения, а отношение автора к герою: «Автор занимает ответственную позицию в событии бытия, имеет дело с моментами этого события, а потому и произведение его есть тоже момент события»².

Создавая произведение, автор подчиняет словесный материал своим художественным целям. В художественном произведении выделяется три аспекта: форма, материал и содержание. Все эти три момента тесно взаимосвязаны и не могут реализоваться отдельно друг от друга, так как художественное произведение не может определяться только как словесный материал отдельно от контекста содержания и творческого сознания автора, для которого язык является лишь средством воплощения своего художественного задания. При помощи слова автор обрабатывает действительность с тем, чтобы выразить свое отношение к миру и выразить позицию другого в мире художественного произведения. В индивидуальной работе писателя со словесным материалом отражается его собственный художественный стиль. В этом контексте важно отметить, что решающую роль играет отношение автора к предметному значению слова: «Автор находит литературный язык, литературные формы – мир литературы и ничего больше, – здесь рождается его вдохновение, его творческий порыв создать новые комбинации-формы в этом

---

¹ Бахтин М. М. Роман воспитания ... С. 165.

² Там же.

литературном мире, не выходя за его пределы»¹. Каждый автор в произведении выражает и отстаивает свою индивидуальную точку зрения посредством обработки языкового материала и выражения своего эстетического отношения к герою произведения и художественному миру в целом: «Автор непосредственно сходится с героем и его миром и только в непосредственном ценностном отношении к нему определяет свою позицию как художественную, и только в этом ценностном отношении к герою обретают впервые свою значимость, свой смысл и ценностный вес <...> формальные литературные приемы»².

Говоря о проблеме автора в художественном произведении, М. М. Бахтин уделяет внимание проблеме «внеаходимости» автора по отношению к герою и его миру, а также касается вопроса отношения читателя к автору. Автор предельно важен для читателя, он является авторитетом на протяжении всего произведения. Здесь важно понимать, что автор для читателя в данном контексте - не конкретное лицо и не герой, автор является принципом, которому следует читатель: «Внутри произведения для читателя – автор совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными, единство трансгредиентных моментов видения, активно относимых к герою и его миру. Его индивидуация как человека есть уже вторичный творческий акт читателя, критика, историка, независимый от автора как активного принципа видения, – акт, делающий его самого пассивным»³.

Все последующие исследования в области теоретического осмысления образа автора и повествования в художественном произведении, так или иначе, основываются на идеях В. В. Виноградова⁴ и М. М. Бахтина¹. Кругу этих

---

¹ Бахтин М. М. Роман воспитания ... С. 170.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 180.

⁴ См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М. 2003; Его же. История русских лингвистических учений. М. 1978; Его же. О теории художественной речи. М. 1971; Его же. О художественной прозе. М., Л. 1930; Его же. О языке художественной литературы. М. 1959; Его же. О языке художественной прозы. М. 1980; Его же. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М. 1982; Его же. Поэтика русской литературы. М. 1976; Его же. Проблемы русской стилистики. М. 1981.

проблем посвящены работы Н. А. Кожевниковой², Б. О. Кормана³, Е. Г. Мущенко⁴, Ю. Кристевой⁵, В. Изера⁶, Р. Барта⁷, М. Фуко⁸, В. Шмида⁹ и др.

Представляется, что именно категории нарратива и образа автора, проблематика соотношения автора, автора-повествователя и героя позволяют исследовать и осмыслить такое явление, как «феномен сестер Бронте». Эту общую «феноменальность» творчества сестер Бронте недостаточно сводить только к их общей семейной художественной одаренности, как это делается обычно. Несмотря на индивидуальность каждой из сестер, их произведения демонстрируют некоторые общие подходы к организации художественного текста, в котором голоса автора, автора-повествователя и их героев-женщин находятся в сложном взаимодействии и переплетении. Тщательно продуманная стратегия повествования романов сестер Бронте, как правило, не ограничена каким – либо одним типом повествования, в нем искусно соединяются различные по своей жанровой принадлежности тексты, слышны голоса разных героев и автора-повествователя. Думается, именно поэтому романы сестер Бронте оказались созвучны проблематике русской культуры и литературы XX – XXI вв.

Обоснование выбора материала. Романы сестер Бронте «Джейн Эйр», «Грозовой перевал», «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» являются самыми репрезентативными в творчестве английских писательниц, в том числе, в плане повествования.

---

¹ См.: Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук СПб. 2000; Его же. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Его же. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. 1979; Его же. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Его же. Бахтин М. М. Тетралогия. М., 1998.

² См.: Кожевникова Н. А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 97-163; Её же. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 55– 66; Её же. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1977. С. 7 – 98; Её же. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. М., 1994. – 335 с.

³ См.: Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992; Его же. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.

⁴ Мущенко Е. Г. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.

⁵ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

⁶ Изер В. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание: Лекции, прочитанные на филологическом факультете Московского университета. М., 2009.

⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.

⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

⁹ Шмид В. Указ. соч.

Целью предлагаемого исследования является изучение литературно-критической, научной и переводческой рецепции творчества всех трех сестер Бронте в XX – XXI вв. как единого феномена на основе комплексного анализа русскоязычных переводов романов сестер XX – XXI вв. в контексте проблем повествования.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1. Дать общую характеристику жизни и творчества сестер Бронте.
2. Определить понятие творческого феномена сестер Бронте в контексте повествовательной проблематики.
3. Описать общую картину литературно-критической, научной и переводческой рецепции творчества всех трех сестер Бронте в XX – XXI вв.
4. Определить основные этапы и закономерности русскоязычной рецепции творчества сестер Бронте.
5. Выявить основные направления русскоязычной и англоязычной литературоведческой мысли в аспекте повествовательных стратегий в романах сестер Бронте.
6. Изучить особенности русскоязычных переводов романов сестер Бронте «Джейн Эйр», «Грозовой перевал», «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» XX, XXI вв. в аспекте проблемы повествования.

Объектом исследования являются литературно-критические и литературоведческие работы о сестрах Бронте, а также переводы романов сестер Бронте «Джейн Эйр», «Грозовой перевал», «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» в русской литературе XX – XXI вв.

Предметом исследования является процесс литературно-критической, переводческой и научной рецепции творчества сестер Бронте в русской литературе XX – XXI вв., функционирование повествовательных стратегий в текстах русскоязычных переводов романов сестер Бронте.

Положения, выносимые на защиту.

1. Понятие «феномен сестер Бронте» означает не только их общую наследственную одаренность, но также общие особенности творчества

писательниц. Феномен творчества сестер Бронте заключается в их общем подходе к проблемам повествования.

2. Романы Ш. Бронте «Джейн Эйр», Э. Бронте «Грозовой перевал» и Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», существенно различающиеся между собой, объединяются общими подходами к организации повествования.
3. Литературно–критическая, переводческая и научная рецепция творчества сестер Бронте в русской литературе – это сложный историко-литературный и историко-культурный процесс, протекавший в три этапа: середина-конец XIX в., середина-конец XX в. и рубеж XX-XXI вв. Только в конце XX в. в русской литературе окончательно сформировалось представление об их творчестве как о целостном феномене.
4. В российской научной мысли XX в. интерпретация наследия сестер Бронте определялась проблемой художественного метода, на рубеже XX-XXI вв. в ней доминирует гендерная проблематика.
5. Активная переводческая рецепция творчества сестер Бронте в России XX-XXI вв. обусловлена во многом спецификой их повествовательных стратегий, которые оказались актуальными и востребованными в русской литературе и культуре этого времени.
6. Важным аспектом рецепции романов сестер Бронте в России стало адекватное воспроизведение в русскоязычных переводах нарративных стратегий, заложенных в оригиналах.

В работе использован сравнительно-сопоставительный и историко-культурный методы, метод рецептивной эстетики, а также биографический метод исследования.

Теоретическое значение настоящего исследования обусловлено обращением к вопросам рецептивной эстетики в аспекте теории повествования, образа автора и типа нарратора в тексте художественного произведения. Анализ перевода с позиции нарратива предоставляет возможность обозначить некоторые новые методологические вопросы рецептивной эстетики.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты настоящей работы могут быть использованы в разработке и чтении вузовских курсов по истории русской литературы, по истории русской и зарубежной литературной критики, а также спецкурсов, посвященных проблемам повествования в художественном тексте, творчеству сестер Бронте, теории и практике художественного перевода.

Апробация работы. Основные положения настоящего диссертационного исследования были изложены в форме докладов на XI Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2010); VIII Международной научно-практической конференции «Прикладная филология: идеи, концепции, проекты» (Томск, 2010); XII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск 2011); XIII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2012); IV Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, 2012); XIV Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2013); V Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, 2013); XV Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2014).

По теме диссертации опубликовано 11 статей, 3 из которых в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Объем работы составляет 212 страниц, 189 из которых основной текст.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ

1.1. История жизни и творчества сестер Бронте

Сестры Шарлотта, Эмили и Энн Бронте родились в Англии в Торнтоне, одном из районов Йоркшира. Жизнь этих английских романисток была не простой и недолгой, однако они смогли создать произведения, которые стали классикой мировой литературы и остаются популярными у читателей XXI в.

Отец сестер Патрик Бронте до 1820 г. был священником в приходе Торнтон, затем семья переехала в Хоурт. По сравнению с прежним местом жительства Торнтоном, небольшим городком, Хоурт был типичной английской деревней, окруженной вересковыми полями, лугами и холмами. Семья пастора жила в доме при церкви, рядом с которой располагалось кладбище. С самого детства дети Бронте привыкли видеть именно такой пейзаж.

Всего в семье Бронте было шесть детей: Мария, Элизабет, Шарлотта, Эмили, Брануэлл и Энн. Две старшие сестры, Мария и Элизабет, умерли в детском возрасте, их мать умерла вскоре после рождения младшей Энн. Рано лишившись матери, дети Бронте воспитывались отцом и тетей Элизабет. Также дети были привязаны к служанке Тэбби, которая всю жизнь проработала в доме пастора и считалась почти членом семьи. Тэбби знала все семейные тайны и, как подобает члену семьи, требовала должного к себе уважения.

Проводя большую часть времени в пасторском доме, дети Бронте с самого детства вели активную творческую жизнь. Ни место расположения их дома, ни строгое воспитание отца-священника не могло помешать развитию таланта детей Бронте. С самого раннего детства сестры и брат испытывали непреодолимую тягу к знаниям и творчеству. У Патрика Бронте была богатая библиотека, большинство книг которой были прочитаны детьми. Кроме

библиотеки отца, источником новой информации для детей Бронте служили местные газеты, которые они также прочитывали с удовольствием.

Помимо чтения, юные Бронте вместе издавали домашние детские журналы, написанные от руки, где фиксировали различные события своей жизни, они сочиняли стихи и писали рассказы. Некоторые творения маленьких Бронте сохранились до настоящего времени.

Для получения образования маленьких Шарлотту и Эмили отправили в школу «Коуэн Бридж», которая принимала детей малоимущего духовенства. Но вскоре сестер забрали домой, т. к. условия, в которых жили дети в школе, были ужасающими. Персонал заведения и сам директор мистер Вильсон обходились с ученицами жестоко, кроме этого, во время обучения сестер Бронте в «Коуэн Бридж» началась страшная эпидемия, унесшая много детских жизней. В числе погибших оказалась и старшая сестра Мария. После этого происшествия Шарлотту и Эмили забрали домой, где они и получали дальнейшее воспитание и образование.

Повзрослев, Шарлотта, Эмили и Энн продолжили свое образование в пансионате мисс Эжер, а затем и сами начали заниматься преподавательской деятельностью. Но Эмили не смогла вынести долгую разлуку с родным домом и, вернувшись из пансионата, более уже не покидала родные места.

Судьба единственного брата Бронте печальна. Отец, тетя и сестры возлагали на него большие надежды как на будущего художника. Собрав все наколенные деньги, семья отправляет Брануэлла в Лондон учиться в художественной академии. Однако Брануэлл не оправдал семейных надежд. Он не поступил в академию и промотал все деньги, а затем вернулся в отчий дом. Брануэлл Бронте так и не смог найти себя в жизни, он погряз в пьянстве и разврате. По сведениям некоторых биографов сестер Бронте, Шарлотта и Энн стеснялись своего больного алкоголизмом брата, и только Эмили мужественно и с большой любовью ухаживала за Брануэллом до самой его смерти.

Сестры Эмили, Энн, Шарлотта и брат Брануэлл Бронте рано ушли из жизни. Согласно некоторым источникам, считается, что причиной ранней

смерти сестер было тяжелое заболевание легких. Позднее в трудах многих исследователей ранняя смерть сестер и брата приобретет черты загадочности и мистицизма.

Говоря о биографии сестер Бронте, невозможно обойти вниманием историю жизни их предков, она была интересной и полной событий. Многие из них нашли свое отражение в произведениях писательниц.

Дорога сестер Бронте к признанию их таланта была не простой. Детское литературное творчество сестер переросло со временем серьезную самостоятельную писательскую деятельность.

Свой путь в литературе сестры начали с издания общего сборника стихов, однако, им не сразу удалось найти издательство для его издания. После многочисленных обращений к разным издателям, сборник все же был принят в печать и издан в 1846 г.

Свои стихи сестры Бронте подписали псевдонимами Коррер (Шарлотта), Эллис (Эмили) и Актон (Энн) Белль (Curren, Ellis, Acton – имена, которые могут считаться как мужскими, так и женскими). Этот сборник стихов сестер Бронте остался почти не замеченным ни английскими читателями, ни критикой. Однако после публикации сборника в прессе появилось несколько кратких заметок о книге. Одна из них была размещена в журнале «Athenaeum»¹. Автор заметки коротко характеризует стихи молодых поэтов Коррера, Актона и Эллиса Белля. Рецензент особенно отметил творчество Эллиса Белля, оценил «его» поэтический талант. Стихи Эллиса Белля, по мнению автора заметки, являются более оригинальными и интересными, чем произведения двух других авторов. О стихах сестер также упоминается в журнале «Dublin University Magazine»².

---

¹ Poems. By C., E. and A. Bell. Poetry of the million // Athenaeum. Journal of English and Foreign Literature, Science, and the fine Arts. № 975. July 4. 1846. P. 682.

² Evenings with our younger poet. Poems, by Curren, Ellis, and Acton Bell // Dublin University Magazine. 1846: [Электронный ресурс] – URL: https://books.google.ru/books?id=Pec_AQAAMAAJ&pg=RA1-PA391&dq=electic+magazine+dublin+university+1846+ellis++bell&hl=ru&sa=X&ved=0CCcQ6AEwAGoVChMI_eHR6pGSxgIVAhIsCh3IuQNv#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.06.15.)

Уже через год после первой литературной попытки сестры высылают в разные лондонские издательства свои романы: «Учитель» - Ш. Бронте, «Грозовой перевал» - Э. Бронте, «Агнес Грей» - Энн Бронте. После многократных возвращений рукописей, одно издательство все же соглашается напечатать романы Эмили и Энн Бронте, категорично отказавшись от произведения Шарлотты. Получив этот отказ, Шарлотта принялась работать над своим новым романом «Джейн Эйр».

В октябре 1847 г. в Лондоне он был опубликован. Критика и публика быстро отреагировали на новое произведение, которое за короткое время стало одним из самых популярных. «Роман <...> произведший сразу же весьма сильное впечатление на английскую публику и успевший разойтись в значительном числе экземпляров прежде, чем появились первые газетные отзывы о нем»¹.

В декабре того же года выходят в свет романы Эмили и Энн «Грозовой перевал» и «Агнес Грей». Но произведения двух младших сестер так и не смогли завоевать симпатии современных им читателей, да и критика осталась равнодушной к произведениям младших Бронте.

1.2. Феномен сестер Бронте

В настоящее время в науке сформировалось представление о творчестве сестер Бронте как едином историко-литературном феномене.

Суть этого феномена, по мнению многих исследователей, состоит в уникальной семейной одаренности Бронте, которая передается по наследству: свой талант сестры и их брат получили от предков, которые обладали даром сочинителей и рассказчиков. Так, О. Петерсон в своей книге пишет, что дед сестер Гуг Бронте был искусным рассказчиком и сочинителем, что отразилось и

---

¹ Петерсон О. М. Семейство Бронте (Керрер, Эллис и Актон Белль). СПб., 1895. С. 1.

на его старшем сыне Патрике (отце сестер – Ю. Д.): «Литературный талант отца нашел себе отзвук и в сыне: уже шести-семилетним мальчиком он знал на память почти все рассказы своего отца, что перенесенное на печатные строки, составило бы довольно изрядную библиотеку и не только романтического, но и философского содержания <...> Рассказы отца пробудили в нем страстную любовь к литературе и жажду к чтению»¹. О. Петерсон находит феноменальность в наследственной передаче литературного таланта: «преждевременно сошла в могилу и последняя представительница этой семьи, в которой литературный талант был наследственным даром, передававшимся из поколения в поколение»². По ее мнению, эта передача таланта была редкой и необычной: «познакомить наших читателей с последними результатами изучения этой семьи, замечательной столь редким явлением наследственной передачи семейного литературного таланта, начиная с безграмотного фермера и кончая сестрами Бронте, явившимися яркими выразительницами его в английской литературе»³. Таков, с ее точки зрения, феномен сестер Бронте.

Как подчеркивает А. А. Сыскина, «В этом смысле монография является началом российской Бронтеаны»⁴.

Безусловно, нельзя не согласиться с этим мнением о феноменальной одаренности всех детей Бронте. Они были талантливыми писателями и художниками; уже в детском возрасте Шарлотта, Эмили, Энн и Брануэлл отличались писательской активностью. Подобная одаренность всех детей Бронте, конечно, феноменальна.

Однако, с нашей точки зрения, «феномен сестер Бронте» не может и не должен быть сведен только к вопросу наследственной одаренности. В контексте феноменальности сестер Бронте следует обратиться к самому их творчеству, в котором обнаруживаются общие особенности и тенденции.

---

¹ Петерсон О. М. Указ. соч. С. 107.

² Там же. С. 232

³ Там же.

⁴ Сыскина А. А. Указ. соч. С. 112.

В настоящем исследовании впервые предпринимается попытка дать определение явлению феномена творчества сестер Бронте, исходя из анализа самих произведений.

Говоря о «феномене творчества сестер Бронте», мы выделяем два аспекта. Первый – это их наследственный дар, о котором уже много написано. Второй же, который и станет предметом специального исследования в данной работе, – это своеобразное единство самого творчества сестер Бронте, проявившееся как в сфере содержания, так и в сфере формы их произведений.

Сфера содержания романов связана именно с феноменом семьи и наследственности сестер: она задана, прежде всего, их общим семейным опытом. Воспитываясь и взрослея в одних и тех же условиях, общаясь с одними и теми же людьми, сестры привнесли в свои произведения факты семейной биографии, свои чувства и переживания. Многие эпизоды для произведений сестры брали из собственного жизненного опыта, наряду с этим в романах Бронте присутствуют мотивы старинных семейных рассказов и легенд, которые они могли слышать от отца или служанки Тэбби.

Биографические факты, в большей или меньшей степени, присутствуют во всех анализируемых здесь романах писательниц, они изобилуют совпадениями сюжетных линий с фактами из реальной жизни семьи Бронте.

В «Джейн Эйр» содержится целый ряд биографических фактов из жизни писательницы. Так, прототипом приюта «Ловуд», в который попадает героиня романа Джейн, была школа «Коуэн Брибж», пребывание в которой произвело на Шарлотту неизгладимое впечатление. Прообразом героини Хэлен Бернс из Ловудского приюта, с которой подружилась Джейн, могла стать старшая сестра Шарлотты Мария. Фигура деспотичного директора «Коуэн Брибж» мистера Вильсона воплощена писательницей в образе директора приюта, в котором жила Джейн Эйр, мистера Брокльхольста.

В «Грозном перевале» точно и с большой любовью воссоздан образ севера старой Англии. Горячо любя вересковые пустоши родного Йоркшира, где писательница провела всю жизнь, она делает их важной частью

художественного мира произведения. В детские и юношеские годы героини романа Кэтрин и Хитклифф проводят в вересковых долинах много времени, находя там, как и сама Эмили, спокойствие и счастье.

Одной из значимых фигур романа и главных рассказчиков в «Грозовом перевале» является Нэлли Дин. Можно предположить, что прообразом героини стала служанка семьи Бронте Тэбби.

История появления в семье Бронте Вельша легла в основу рассказа о появлении в семье Эрншо Хитклиффа.

Как полагают многие исследователи творчества сестер Бронте, особое место в их произведениях отведено истории жизни их брата Брануэлла. Заболевание, причиной которого, по мнению биографов семьи Бронте, было злоупотребление алкоголем, и медленная мучительная гибель близкого человека произвели на сестер неизгладимое впечатление. В каждом из трех романов мы находим персонаж, так или иначе повторяющий судьбу брата Бронте.

В «Джейн Эйр» это двоюродный брат главной героини Джон Рид, молодой перспективный человек, который губит себя в бесконечном проматывании денег, разврате и пьянстве и, в итоге, умирает в молодом возрасте. В «Грозовом перевале» Эмили также пишет о пьянстве: Хиндли Эрншо – родной брат Кэтрин Эрншо, потеряв любимую жену, становится алкоголиком и дурным человеком. Писательница подробно описывает медленную моральную и физическую гибель человека, ставшего алкоголиком.

Еще более экспрессивно проблема пьянства описана в романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Осмысляя эту проблему, Энн Бронте не ограничивается только одной сюжетной линией, как ее сестры, но отводит ей большую часть произведения. Энн не просто описывает жизнь спивающегося человека, но проникновенно дает описания чувств и переживаний близких ему людей. Главная героиня Хэлен Хантингдон тщетно борется со склонностью своего мужа Артура Хантингдона к употреблению алкоголя. Как и в романах

Шарлотты и Эмили, в «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» Артур Хантингдон, герой, страдающий от алкоголизма, умирает.

В свою очередь, феноменальное единство творчества сестер Бронте в аспекте формы произведений проявляется в сфере наррации, в типологической общности организации и функционирования повествовательных стратегий в их романах.

1.3. Повествовательные стратегии в романах сестер Бронте: постановка проблемы

Важнейшим, с нашей точки зрения, явлением, обусловившим феномен единства творчества сестер Бронте, стал принцип повествования.

Структура повествования романов сестер Бронте сложна, каждая писательница выстраивала ее, используя различные подходы и методы. Романы «Джейн Эйр», «Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», существенно отличаются друг от друга в плане повествовательных стратегий, однако, обнаруживают и общие характерологические черты.

Здесь можно выделить три направления в нарративной организации произведений: общая структура повествования, позиция нарратора и типы повествователей, особая роль описательных фрагментов (описание природы, погодных явлений, архитектуры, интерьера и картин).

С точки зрения общей структуры повествования, своеобразие творческого единства сестер Бронте заключается, прежде всего, в том, что все три сестры с особой тщательностью прорабатывали нарративную концепцию своих произведений. Однако отметим, что только Ш. Бронте уже в названии романа дает указание на тип повествования, а именно, что это автобиография: «Jane Eyre. An Autobiography». Это позволяет говорить о том, что Шарлотта не просто тщательно прорабатывает структуру повествования для своего романа,

но осознанно создает текст в соответствии с выбранным ею типом повествования.

Все три анализируемых романа демонстрируют сложные и многоуровневые схемы повествования.

В «Джейн Эйр» – это повествование от первого лица, рассказ главной героини о себе, воспоминания Джейн, оформленные в письменный текст автобиографии. «Грозовой перевал» организован как устная речь: это рассказ старой служанки и нового постояльца поместья, здесь же иногда встречается диалог этих двух повествователей. Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» представлен преимущественно в форме письменных текстов, повествование в произведении сочетает жанр письма и дневниковых записей. В произведении также слышны голоса нескольких героев, но в качестве основных двух нарраторов выступают мистер Маркхем и Хэллен.

Главной особенностью повествования трех романов является женский образ и женский голос, который и позиционируется в качестве основного. В «Джейн Эйр» – это автобиография Джейн, в «Грозовом перевале» – это рассказ служанки Нэлли Дин, в «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» – это дневник Хэллен. При этом, наряду с присутствием этих основных повествователей, в текстах романов слышны и голоса других героев, оформленные в письма, устные диалоги, личные дневники.

Второй отличительной особенностью повествовательной структуры романов сестер, объединяющей их творчество в единый феномен, является позиция нарратора и типы повествователей.

Тип повествования как организующее начало всего текста является неотъемлемой частью каждого художественного произведения. Посредством повествования автор определяет направленность текста, создает индивидуальный характер всего произведения. Типом повествования определяются взаимосвязи всех элементов внутри художественного целого. О связи образа автора с тем, как этот образ воплощается в тексте, пишут в своей книге М. П. Брандес и В. И. Провоторов: «Творец всегда изображается в своем

творении. Поэтому существуют объективные причины для смешения этих понятий»¹. Работая над текстом произведения, реальный автор (конкретный писатель) сталкивается с проблемой, что рассказ, роман, новеллу и др. должен кто-либо рассказывать. Поэтому роль реального писателя как рассказчика переходит к повествователю, от лица которого читатель и узнает о событиях произведения и жизни героев.

Важность и значимость категории нарративности для художественного текста заключается в том, что именно через особенности повествовательной структуры читатель воспринимает текст определенным образом (т. е. так, как он представлен рассказчиком). Говоря об истоках изучения данного понятия, В. Шмид акцентирует внимание на том, что именно посредством нарратора текст приобретает свои индивидуальные черты: «В истории изучения нарратора с самого начала упор был сделан на его призматической функции...»².

Типы повествователей в художественной прозе разнообразны, в этой роли могут выступать как сами герои произведения, так и рассказчики, не принимающие непосредственного участия в событиях. Здесь встает вопрос о классификации повествователей, их роли в произведении, отношении к реальному писателю, миру произведения и т. д.

Детально к вопросу разработки понятийного аппарата в нарратологии подошел В. Шмид. Повествовательную структуру внутри произведения В. Шмид обозначает понятием «фиктивный нарратор». Однако, исследователи, занимающиеся вопросами повествования, обозначают данную категорию по-разному. В российском литературоведении существует определенное различие между понятиями «рассказчик» и «повествователь прозаического текста»: они различаются по грамматической форме/или критерию идентичности и неидентичности повествующей и повествуемой инстанции. Так, например, В. Е.

---

¹ Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста. М., 2001. С. 101.

² Шмид В. Указ. соч. С. 69.

Хализев¹ определяет повествователя как рассказ от третьего лица, а рассказчика – от первого.

Другим критерием для различия между понятиями рассказчика и повествователя является степень проявления повествующего субъекта в тексте: «повествователь» - «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», «рассказчик» - «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст»².

В наиболее распространенном употреблении термин «повествователь» относится к категории более объективной, которая приближается к автору. Для того чтобы акцентировать внимание на указанной близости, часто используется термин «автор-повествователь». Если речь идет о более широком употреблении, то термином «повествователь» часто подменяются понятия «образ автора» и «автор». Например, в «Словаре литературоведческих терминов» «образ автора» и «образ повествователя» даются в качестве синонимов. Общее значение этих категорий объясняется следующим образом: «носитель авторской (т. е. не связанной с речью к.-л. персонажа) речи в прозаическом произведении»³.

Подобное размывание границ между этими терминами наблюдается в российском литературоведении и сейчас. Так, Е. В. Падучева отмечает: «термины повествователь и образ автора (а иногда и просто автор) используются в научной литературе как синонимы»⁴.

В данном исследовании термины «повествователь», «рассказчик», «нарратор» используются в качестве синонимов, обозначающих функцию рассказывания.

В романе «Джейн Эйр», выстроенном на принципе повествования от первого лица, все события и героев читатель воспринимает сквозь призму

---

¹ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2002.

² Шмид В. Указ. соч. С. 64.

³ Образ автора // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., 1974. С. 248.

⁴ Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996. С. 202.

сознания и мировоззрения героини. В произведении присутствуют эпизоды, которые, с точки зрения главной героини, сначала кажутся загадочными и необъяснимыми, однако, впоследствии читателю становятся известны факты, объясняющие те или иные ситуации. Рассказывая историю Джейн Эйр в стратегии автобиографического текста, Ш. Бронте намеренно создает интригу повествования, чтобы удержать интерес читателя.

«Грозовой перевал» сочетает в себе рассказ от имени героев – повествователей (Нэлли Дин и мистер Локвуд), а также дневниковые записи и письма других героев. Начинает и заканчивает повествование в романе мистер Локвуд, основная часть произведения – рассказ Нэлли Дин. В начале произведения Локвуд передает свои впечатления от визита в «Грозовой перевал», ему как стороннему наблюдателю все, происходящее в поместье, а также сами его обитатели кажутся странными, и только позже из рассказа Нэлли Дин он узнает историю их жизни.

«Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» организована как сочетание повествования в эпистолярном жанре с дневниковыми откровениями, и только в некоторых фрагментах встречаются диалоги героев. В начале и в финале произведения вниманию читателей предоставлены письма одного из главных героев, Гилберта Маркхема, к его другу Холфорду; основную же часть романа составляют дневниковые записи Хэлен Грэхем. В своем романе Энн Бронте рисует события в восприятии разных героев, при этом в первой части романа (до введения повествования от лица Хэлен) присутствует множество моментов, которые интерпретируются разными героями как странные и необъяснимые, однако после введения в повествование рассказа Хэлен эти события и ситуации проясняются.

При этом, несмотря на разнообразие повествовательных позиций, произведения сестер Бронте в том или ином повествовательном аспекте повторяют и дополняют друг друга.

Основное сходство «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла» с романом «Джейн Эйр» заключается в исповедальном характере рассказа героини о себе.

Героини обоих романов сами повествуют о своей жизни, разница заключается лишь в том, что в «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» стиль повествования – личный дневник Хэлен, в «Джейн Эйр» – это автобиография. Объединяет их также то, что эти исповеди организованы как изначально письменные тексты, дневник и автобиография.

В этом смысле «Грозовой перевал» существенно отличается от романов Шарлотты и Энн: в романе Эмили все повествование выстроено в форме устного рассказа. Также в «Грозовом перевале» повествование сосредоточено не на фигурах главных повествователей, как в «Джейн Эйр» и «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла», но, главным образом, на жизни других героев произведения, о которых Локвуд и мисс Дин только рассказывают.

Но, несмотря на то, что большая часть повествования – это устный монолог или диалог, в тексте романа Эмили присутствуют и элементы письменного изложения: в своем письме Изабелла рассказывает о своей жизни в «Грозовом перевале», и оно занимает почти целую главу романа. Это, в свою очередь, позволяет выстроить параллель с типом повествования в романах «Джейн Эйр» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла».

«Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» имеют сходство и в том, каким образом составлена повествовательная конструкция. Эти романы демонстрируют сложную схему рассказчиков, события романа передаются разными действующими лицами, что позволяет увидеть происходящее с различных точек зрения. Роман «Джейн Эйр», напротив, выстраивается на повествовании одной героини.

В контексте анализа повествовательных стратегий трех романов сестер Бронте заслуживает внимание и то, как текст организован хронологически.

Рассказ Джейн Эйр выстроен в четкой хронологической последовательности. Героиня описывает события, начиная с детства, которые происходят на различных этапах ее жизни. Важно отметить, что свой рассказ Джейн ведет с позиции себя как уже взрослой замужней женщины, восстанавливая хронологию событий по памяти. В финальных главах романа

события и рассказ синхронизированы, здесь дается рассказ о том, что происходит с главной героиней и другими персонажами произведения в настоящий момент, и это полностью соответствует автобиографическому типу изложения материала.

Повествование в «Грозном перевале» и «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» имеет явное сходство, оно представляет собой как бы «рассказ в рассказе», условно эту структуру можно назвать «рамочной». Роман «Грозной перевал» начинается и заканчивается словами мистера Локвуда, события и время рассказа синхронизированы. Таким образом, начало и финал произведения содержат рассказ о настоящем, образуя некую рамку, в которую заключено повествование о прошлом Нэлли Дин. В целом, «Грозном перевале» - это рассказ Локвуда не только о том, что он видит и узнает сам, но и о том, что ему поведала служанка Нэлли Дин. Как уже было отмечено выше, текст романа не ограничивается голосами этих героев, на протяжении всего произведения звучат голоса других действующих лиц, оформленные в письма, дневники, устные истории.

«Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» также демонстрирует рамочную структуру повествования. В начале и в конце произведения события и рассказ Гилберта Маркхема в своих письмах к другу синхронизированы; они заключают в себе дневниковые откровения Хэлен, которые и составляют основную часть произведения.

Рассказы Локвуда в «Грозном перевале» и Гилберта Маркхема в «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» близки между собою не только тем, что с ними связаны начальные и финальные фрагменты произведений, но также и тем, что рассказы этих героев представлены в настоящем времени. В свою очередь, рассказы Нэлли Дин и Джейн Эйр вводятся в тексты произведений как воспоминания, а повествование Хэлен Грэхем ведется с позиции ее непосредственного восприятия и незамедлительного фиксирования событий в своем дневнике.

Третьим элементом повествования, объединяющего творчество сестер, стали его описательные конструкции: описание природы, погодных явлений, интерьера, а также особое отношение сестер к изобразительному искусству, что нашло выражение в эпизодах, посвященных созданию живописных полотен.

Все эти искусные описания выполнены рукой не писателя, но художника, они открывают читателю целую палитру красок и оттенков, превращающихся в законченные картины внутри художественного произведения. Как известно, Шарлотта, Эмили и Энн Бронте, обладая талантом к рисованию, были неплохими художницами. Используя терминологию В. Шмида, можно сказать, что в таких описаниях выражен имплицитный нарратор, имеющий опыт создания живописи.

В романах сестер Бронте представлены красочные, полные деталей описания окружающей действительности. В них рождаются эффектные описания погодных явлений, красочные пейзажи природы и местностей, образы домов, описания интерьеров. Они призваны создать определенную атмосферу в романе, передать чувства и эмоции героев. Данный художественный прием является характерным для творчества всех трех сестер. Д. Б. Хардак в своем исследовании творчества Э. Бронте пишет: «образы Природы – вересковые поля, ветер, торфяные болота, – которые постоянно присутствуют в романе, являются своего рода психологическим фоном переживаний героев»¹.

В подобном контексте описания явлений окружающей действительности всегда значимы и символичны. Одним из ярких примеров такой символизации является в «Джейн Эйр» описание старого каштанового дерева, неожиданно расколотого молнией на две части. Это событие произошло за день до не состоявшегося бракосочетания Джейн и мистера Рочестера. Пораженный молнией каштан символизировал расставание влюбленных, крах их надежд.

Соответствующие пейзажи и явления природы сопровождают самые напряженные и эмоционально значимые моменты жизни героев.

---

¹ Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. С. 189.

В «Грозном перевале» смерть старого Эрншо происходит на фоне страшной бури: «A high wind blustered round the house, and roared in the chimney: it sounded wild and stormy...»¹ (подстрочный перевод здесь и далее мой – Ю. Д.: сильный ветер бушевал вокруг дома и выл в трубе, он звучал дико и грозно.)

Описание своего несчастливого детства в начале романа Джейн Эйр начинается с соответствующего описания погоды: «the cold winter wind had brought with it clouds so somber, and a rain so penetrating, that further outdoor exercise was now out of the question» (19) (холодный зимний ветер принес с собой такие хмурые тучи и такой пронизывающий дождь, что о дальнейших занятиях на воздухе не могло быть и речи.)

В «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» мистер Маркхем, находясь в состоянии счастливой влюбленности, воспринимает природу следующим образом: «Not many days after this, on a mild sunny morning – rather soft under foot; for the last fall of snow was only just wasted away, leaving yet a thin ridge here and there, lingering on the fresh, green grass beneath the hedges...» (1097) (через несколько дней после этого в одно тихое солнечное утро, когда под ногами еще мягко из-за последнего снегопада, когда снег только сошел, оставаясь еще тонкими гребнями кое-где под свежей зеленой травой).

Радостному настроению Джейн Эйр в одном из эпизодов романа соответствует и пейзаж: «lovely spring morning <...> the sun was just entering the dappled east, and his light illumined the wreathed and dewy orchard trees and shone down the quite walks under them» (174 – 175) (прекрасное весеннее утро <...> солнце только всходило на пестром востоке и его свет озарил обвитые и покрытые росой деревья яблоневого сада и осветило тихие дорожки под ними).

Как художницы, сестры Бронте переносят на страницы своих романов описание живописных полотен и самого процесса рисования.

Они наделяют героинь склонностью к рисованию, иногда - талантом настоящих художниц. Джейн Эйр много занимается рисованием, ее кисти

---

¹ Selected Works of the Brontë Sisters. London, 2005. P. 747. Далее ссылки на оригиналы романов в данном издании приводятся в тексте работы с указанием в круглых скобках номера страницы.

принадлежит большое количество картин; героиня «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла» Хэлен – талантливая художница, Кэтрин Эрншо из «Грозового перевала» также хорошо рисует, один из героев находит ее наброски карандашом.

В романы входят также многочисленные комментарии и высказывания других героев о картинах и зарисовках героинь, в которых прочитывается вполне профессиональный взгляд. Например, мистер Маркхем, давая оценку картинам Хэлен, говорит: «The picture was strikingly beautiful» (1107) (картина была поразительно красива).

Перечисленные выше особенности структуры повествования романов сестер Бронте позволяют принципиально уточнить представление о «феномена творчества сестер Бронте». Поэтому проблема повествования является основополагающей для настоящего исследования их русскоязычных переводов и, в целом, рецепции их творчества в России.

Однако изучение русскоязычной рецепции творчества сестер Бронте невозможно без реконструкции восприятия и изучения писательниц на их родине – в Англии.

1.4. Творчество сестер Бронте в англоязычной литературной критике и литературоведении

В данном разделе исследования предпринимается попытка обзора англоязычного литературно-критического и научного восприятия творчества сестер Бронте.

В настоящее время имеется большое количество разнообразных работ, посвященных творчеству сестер Бронте, и определенная часть из них посвящена изучению рецепции их творчества. Однако эти обзоры, как правило, не носят обобщающего характера, а подчинены определенной тематике. Так, изучение восприятия сестер в англоязычных странах в XIX-XX вв.

сосредоточено, в основном, на гендерном аспекте. Это проявилось в исследованиях П. Стоунмэн¹, С. Бьорк² и др. Также в рамках своей научной проблематики осуществляют описание восприятия творчества английских писательниц Л. Хинкли³, Р. Чейз⁴, Р. Маккиббен⁵, Д. Донахью⁶ и др.

В данном исследовании предпринят общий анализ англоязычной литературно-критической и научной мысли XIX-XXI вв., посвященной творчеству сестер Бронте, сделана попытка выделить ее основные направления, не отдавая предпочтения ни каким-либо специальным темам, ни какой-либо одной из сестер.

Впервые зарубежные критики и литературоведы серьезно обращаются к творчеству сестер Бронте после выхода в свет романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в 1847 г. Произведение было опубликовано лондонским издательством «Smith, Elder and Co., Cornhill» под названием «Jane Eyre: An Autobiography» никому не известного автора Коррер Белля (Curren Bell). Роман имел большой успех у читателей, и в прессе появляются многочисленные заметки и рецензии. В 1847 г. заметки о «Джейн Эйр» выходят в журналах «Douglas Jerrold's Shilling Magazine»⁷, «Fraser's Magazine»⁸ и др.

При этом многие критики ставили вопрос о личности автора, шла дискуссия о том, кто это, мужчина или женщина: «The writer is evidently a woman, ...»⁹ (автор, очевидно, женщина).

Дж. Г. Льюис в своей статье в журнале «Fraser's Magazine» дает роману Ш. Бронте высокую оценку, определяя его как «новое слово в литературе». Дж. Г. Льюис дает общую характеристику новым романам, появляющимся в

---

¹ Stoneman P. Brontë Transformations: The Cultural Dissemination of Jane Eyre and Wuthering Heights. Prentice Hall / Harvester Wheatsheaf, 1996 – 352 p.

² Bjerke S. Reviewing Margaret Atwood Gendered Criticism in American Book Reviews: [Электронный ресурс] – URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/26259/siljebjerkeMA.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

³ Hinkley L. The Brontës, Charlotta and Emily. New York, 1970.

⁴ Chase R. The Brontës: A centennial observance // Kenyon Review, vol. IX, № 4, 1947. P. 487–506.

⁵ The Brontës: A Collection of Critical Essays / ed. by I. Gregor. – New York: Prentice Hall, 1970. P. 34 – 44.

⁶ Ibid. P. 157 – 173.

⁷ Unsigned Review of Jane Eyre // New books // Douglas Jerrold's Shilling Magazine. № 6 (Nov. 1847): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=242> (дата обращения: 15.06.15.)

⁸ Lewes G. H. Jane Eyre: an Autobiography. Recent Novels: French and English // Fraser's Magazine, V. XXXVI, № CCXXVI December, London 1847. P. 690 – 694.

⁹ Lewes G. H. Jane Eyre: an Autobiography... P. 690 – 691.

Англии, кратко анализируя литературные предпочтения современного общества. О «Джейн Эйр» он пишет: «we wept over *Jane Eyre*. This, indeed, is a book after our own heart»¹ (мы рыдали над «Джейн Эйр». Это, на самом деле, книга по сердцу). По его мнению, автор романа демонстрирует большое знание жизни и умение прописывать характеры и чувства героев. Дж. Г. Льюис высоко оценивает сюжет романа, говоря о положительных эмоциях, возникающих после прочтения произведения. Жанр романа критик определяет как автобиографический. Однако, несмотря на общую положительную характеристику, он отмечает некоторые недостатки романа. По мнению Дж. Г. Льюиса, присутствие в романе большого количества мелодраматических элементов и неправдоподобных ситуаций несколько снижает общее впечатление от произведения.

Также Дж. Г. Льюис отмечает незаурядный талант Коррер Белля в описании природы, архитектуры, интерьера: «The writer is evidently painting by words a picture that she has in her mind»² (несомненно, автор при помощи слов рисует картины, которые возникают у нее в голове).

В 1848 г. интерес к роману читателей и критики по-прежнему высок, журналы продолжают публиковать статьи и очерки о нем, они выходят в «Graham's Magazine»,³ «Harbinger»⁴, «Notes and Queries»⁵, «Westminster Review»⁶, «Living Age»⁷ «North American Review»⁸, «Ladies' National

---

¹ Lewes G. H. *Jane Eyre: an Autobiography...* P. 690.

² Ibid. P. 692.

³ *Jane Eyre. An Autobiography*. Boston: William D. Ticknor & Co // *Graham's Magazine*. - Philadelphia (May 1848): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=243> (дата обращения: 08.06.2014)

⁴ Unsigned Review of *Jane Eyre*, by Charlotte Brontë. *Harbinger*. – New York (15 Apr. 1848): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=245> (дата обращения: 08.06.2014).

⁵ W., J. W. Charlotte Brontë: Elizabeth Barrett Browning // *Notes and Queries*. - 5th ser. (5 Jan. 1878): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=246> (дата обращения: 08.06.2014).

⁶ Lewes G. H. Review of *Jane Eyre*, by Charlotte Brontë // *Westminster Review* London. – (Jan. 1848): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=248> (дата обращения: 08.06.2014).

⁷ Review of *Jane Eyre*, by Charlotte Brontë // *Living Age*. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=249> (дата обращения: 08.06.2014).

⁸ Whipple E.P. *Novels of the Season* // *North American Review* – October – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=250> (дата обращения: 08.06.2014).

Magazine»¹, «Quarterly Review»² и др. Отзывы критиков о романе остаются положительными: «the best novel of the season»³ (лучший роман сезона).

Опубликованные одновременно с «Джейн Эйр» произведения Эмили и Энн Бронте «Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» почти полностью игнорировались публикой и критиками, и немногочисленные отзывы о них были неоднозначными.

В американском журнале «North American Review»⁴ содержатся упоминания о «Грозовом перевале» и «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла». Здесь активно обсуждается тема авторства трех романов сестер. Автор статьи Эдвин Перси Уиппл предполагает, что роман «Джейн Эйр» написан в соавторстве с неким Актоном Беллем, который, в свою очередь, является автором «Грозового перевала» и «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла». В первые годы после издания трех романов сестер издательства и критики часто допускали подобные неточности.

При этом Э. П. Уиппл негативно отзывається о «Грозовом перевале». Описанная в романе страстная любовь героев, их сильные характеры, сны и ночные кошмары, - все это, по мнению автора статьи, не вписывается в понятие «хороший роман». Роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Э. П. Уиппл находит произведением менее неприятным, чем «Грозовой перевал», он отмечает необычную структуру «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла» и брутальность мужской натуры, описанной в романе.

Резкую критику в адрес «Грозового перевала» высказывает и Е. Ригби⁵ (псевдоним – Lady Eastlake), отмечая, что произведение не может вызвать интереса. Характеры Кэтрин и Хитклиффа, по мнению Е. Ригби, отталкивают, и

---

¹ Jane Eyre. Harper's Library of Select Novels. Review of New Books // Ladies' National Magazine – March. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=251> (дата обращения: 08.06.2014).

² Rigby E. (Lady Eastlake) Vanity Fair. – and Jane Eyre.// Quarterly Review. Vol. LXXXIV (December 1848): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=252> (дата обращения: 08.06.2014).

³ Lewes G. H. Review of Jane Eyre...

⁴ Whipple E.P. Op. cit.

⁵ Rigby E. (Lady Eastlake) Op. cit.

роман настолько вульгарен, что не может быть отмечен даже самым невзыскательным читателем.

Одним из немногих, кто увидел в романе «Грозовой перевал» мастерство и талант автора, был вновь Дж. Г. Льюис. Он называет «Грозовой перевал» «мастерским произведением». Критик отмечает талант писателя в изображении характеров, в частности, Дж. Г. Льюис выделяет образ Хитклиффа: «is drawn with dusky splendor which fascinates, and we feel the truth of his burning and impassioned love for Catherine»¹ (образ Хитклиффа написан в мрачном великолепии, он завораживает, и мы чувствуем реальность его горячей, страстной любви к Кэтрин). По его словам, в своем романе автор показывает всю реальность жизненных обстоятельств, общественных, моральных, культурных, из-за которых Кэтрин и Хитклифф предают свои чувства и никогда не могут быть вместе.

Роман Эмили Бронте подвергался резкой негативной оценке не только со стороны критиков и литературоведов, но и со стороны Шарлотты Бронте, которая в 1850 г. пишет свой критический отзыв на роман. Ш. Бронте называет роман сильным, эмоциональным произведением, в котором с большим талантом созданы характеры, описана природа и быт северной Англии. Однако талант младшей сестры Шарлотта характеризует неоднозначно: «Her imagination, which was a spirit more somber than sunny, more powerful than sportive»² (её воображение, её дух больше мрачный, чем светлый, больше мощный, чем игривый). Характеры, созданные Эмили Бронте, не находят понимания и симпатии в глазах сестры: «it wrought creations like Heathcliff, like Earnshaw, like Catherine. Having formed these beings she did not know what she had done»³ (выделяются такие характеры, как Хитклифф, как Эрншо, как Кэтрин. Создавая этих персонажей, она не понимала, что делала).

---

¹ Lewes G. H. The Leader. December, 28. 1850. P. 953.

² Bronte Ch. Wuthering heights // Critics on Charlotte and Emily Brontë / ed. by J. O'Neill. London, 1968. P. 51.

³ Bronte Ch. Wuthering heights // Critics on Charlotte and Emily Brontë. P. 52.

Ранние отзывы на романы младшей сестры Энн Бронте немногочисленны. Первый роман писательницы «Агнес Грей» после публикации в 1847 г. не привлек внимания читателей и критики, однако, второй роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» в 1848 г. имел большой резонанс, хотя был воспринят неоднозначно. Мнение критиков о романе, в большинстве своем негативное, основывалось на том, что в романе Энн Бронте был описан алкоголизм, связанные с ним отвратительные сцены и большое количество отрицательных героев. Многие были шокированы тем, как автор рассказывает об этом: «larger number of hateful men and women than any other writer of the day»¹ (больше количество отвратительных мужчин и женщин, чем у любого другого автора современности.)

Возможно, непопулярность второго романа Энн Бронте объясняется не только тем, что, по мнению критиков, в нем много физического и морального насилия и отрицательных героев, но и тем, что, спустя некоторое время после смерти Энн Бронте, Шарлотта Бронте запретила дальнейшую публикацию романа «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Ш. Бронте полагала, что выбор темы произведения сестры был ошибочным, и роман не должен переиздаваться. Возможно, по этой причине роман Энн Бронте на долгое время был предан забвению.

Однако после возобновления публикации романа мнение критиков и литературоведов о нем почти не изменилось. Так, в предисловии к одному из изданий романа «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» в 1900 г. писательница М. Уорд характеризовала Энн Бронте как писателя, которому присуща «узость взглядов» и «отсутствие воображения»².

Таковы были первые отклики на произведения сестер Бронте. Позднее зарубежное литературоведение сформировало огромный ресурс исследований, посвященных жизни и творчеству сестер Бронте.

---

¹ Whipple E. P. Op. cit.

² Книга Бронте Энн «Незнакомка из Уайлдфелл - Холла». Ранняя критика / [Электронный ресурс] – URL: http://books.academic.ru/book.nsf/60000288/Незнакомка+из+Уайлдфелл-Холла%3A+Роман#cite_ref-TWH-1_71-1 (дата обращения: 17.09.2012).

Важнейшим направлением исследований XIX в. является изучение биографии сестер и анализ их произведений в этом аспекте.

Особое место здесь принадлежит книге Э. Гаскэлл 1857 г. «The Life of Charlotte Brontë»¹ (Жизнь Шарлотты Бронте). Данная книга является первым и, фактически, до сих пор остается единственным фундаментальным исследованием жизни сестер Бронте. Книга «The Life of Charlotte Brontë» была написана вскоре после смерти Шарлотты по просьбе ее отца Патрика Бронте, и Э. Гаскэлл, являясь близкой подругой Ш. Бронте, смогла наиболее полно и подробно описать все обстоятельства жизни писательницы.

Исследование имеет особую ценность в силу того, что в своей работе над книгой Э. Гаскэлл пользовалась подлинными документами (личные письма, дневники и пр.), а также фиксировала воспоминания друзей семьи Бронте и самих сестер.

В книге детально описана биография всей семьи Бронте. Начиная их семейную историю с прадедов, имеющих ирландские корни, Э. Гаскэлл предпринимает попытку объяснить выдающуюся одаренность детей Бронте. В контексте подобных размышлений автор книги сосредоточивает внимание на том, что большую часть времени сестры и брат проводили в доме отца. В этом Э. Гаскэлл и находит особенности становления таланта сестер Бронте, полагая, что именно по этой причине одаренность писательниц оказалась столь сильной и самобытной.

Значимой работой в области изучения биографии сестер Бронте, которая также служит основой для новых исследований жизни и творчества сестер Бронте, является книга В. Райта «The Brontës in Ireland: Or, Facts stranger than fiction»² (Бронте в Ирландии или Факты, удивительнее, чем фантазия), опубликованная в 1893 г. В своем исследовании автор также подробно описывает биографию семьи, приводит различные истории и факты из жизни ирландских предков Бронте.

---

¹ Gaskell E. C. The Life of Charlotte Brontë. London, 1857. 2 vol.

² Wright W. The Brontës in Ireland; or, Facts stranger than fiction. London, 1894.

В. Райт не разделяет мнения некоторых исследователей о том, что талант детей Бронте не мог развиваться в полной мере из-за того, что маленькие Бронте были ограничены стенами пасторского дома. По его мнению, все дети Бронте были необычайно одарены от природы, а сестры обладали настоящим писательским талантом, развитию которого не могли помешать никакие жизненные условия.

В XX-XI вв. к творчеству сестер Бронте обращаются такие исследователи, как К. Шортер¹, В. Вульф², Е. Бенсон³, Т. Вайс⁴, Р. Чейз⁵, Д. Траверси⁶, Д. Сесил⁷, М. Ватсон⁸, А. Кэтл⁹, М. Визик¹⁰, А. Харрисон¹¹, Дж. Хьюиш¹², Р. Хайльман¹³, Дж. Ф. Гудридж¹⁴, Ф. Дрю¹⁵, Р. Б. Мартин¹⁶, В. Герин¹⁷, М. Вилли¹⁸, М. Спарк¹⁹, В. Крейк²⁰, Б. Форд²¹, В. Стивенсон²², Ф. Бентли²³, Л. Хинкли²⁴, С. Сенджер²⁵, Д. Лодж²⁶, Т. Иглтон²⁷, Э. Ленгленд²⁸, И. Тайлер²⁹, Э. Читэм³⁰, Д. Баркер³¹, Р. Уилсон¹ и др.

---

¹ Shorter C. The Brontes and their circle. London, 1917.

² Woolf V. Jane Eyre and Wuthering heights. The Common Reader. London, 1925. P.196 – 204.

³ Benson E. F. Charlotte Bronte. New York, 1932.

⁴ Wise T. J. and Symington J. A. The Brontës: their lives, friendship and correspondence. London, 1932. 4 vols.

⁵ Chase R. The Brontës: A centennial observance// Kenyon Review, vol. IX, № 4, 1947. P. 487– 506.

⁶ Traversi D. Wuthering heights after a hundred years// Dublin Review, vol. 222 № 445, 1949. P. 154 – 168.

⁷ Cecil D. Early Victorian novelists. London, 1934.

⁸ Watson M. R. Form and substance in the Brontë novels// From Austen to Conrad. Ed. by R. C. Rathburn and M. Steinmann Jr. Minneapolis, 1958. P. 106 – 117.

⁹ Kettle A. Wuthering heights. In introduction to the English novel, vol. 1, Chapter V, London, 1951. P.139 – 155.

¹⁰ Visick M. The genesis of Wuthering heights. Hong Kong and, London, 1958.

¹¹ Harrison A., Stanford D. Anne Brontë – Her Life and Work. London, 1959.

¹² Hewish J. Emily Brontë. A critical and biographical study. New York, 1969.

¹³ Heilman R. B. Charlotte Brontë's New Gothic // Critics on Charlotte and Emily ... P. 32 – 36.

¹⁴ Goodridge F. Emily Brontë: Wuthering heights. London, 1964.

¹⁵ Drew P. Charlotte Brontë as a critic of Wuthering heights.// Nineteenth Century Fiction, vol. XVIII, № 4, – 1964. P. 365– 381.

¹⁶ Martin R. B. The accents of persuasion: Charlotte Brontë's novels. London, 1966.

¹⁷ Gerin W. Charlotte Brontë. The evolution of genius. London, 1967.

¹⁸ Willy M. Brontë: Wuthering heights. London, 1966.

¹⁹ Spark M. The Bronte letters. London, 1966.

²⁰ Craik W. A. The Brontë novels. London, 1968.

²¹ Critics on Charlotte and Emily ... P. 74 – 83.

²² Stevenson W.H. Emily and Ann Brontë. London, 1968.

²³ Bentley P. The Brontës and their world. New York, 1969.

²⁴ Hinkley L. The Brontes, Charlotta and Emily. New York, 1970.

²⁵ The Brontës: A Collection of Critical Essays / ed. by I. Gregor. New York., 1970. P. 7 – 18.

²⁶ Ibid. P.110 – 136

²⁷ Eagleton T. Myths of Power: A Marxist Study of the Brontes. London, 1975.

²⁸ Langland E. Anne Brontë: The Other One. London, 1989.

²⁹ Tayler I. Holy ghosts. The male muses of Emily and Charlotte Brontë. New York, 1990.

³⁰ Chitham E. The birth of Wuthering heights. Emily Bronte at work. London, 1998.

³¹ Barker J. The Brontës: A Life in Letters. New York, 1998

Наряду с монографиями, выходят сборники, включающие эссе и фрагменты трудов многих исследователей. Подобный формат позволяет составить общее представление о тематической направленности литературоведческих работ о сестрах Бронте, написанных в разные годы. Здесь следует назвать «A Collection of Critical Essays»² под редакцией Я. Грегора, «Critics on Charlotte and Emily Bronte»³ под редакцией Дж. О'Нейла и др.

Англоязычные исследования творчества сестер Бронте XX-XXI вв. демонстрируют тематическое разнообразие в подходах, однако, здесь можно выделить несколько основных направлений.

Вслед за многими исследователями XIX в., в XX- XXI вв. литературоведы активно обращаются к теме биографии сестер Бронте.

В 1966 г. выходит книга М. Спарк «The Bronte letters»⁴ (Письма Бронте). Основную часть книги составляет переписка между Ш. Бронте и ее подругой Эллен Нассей. В личных письмах Шарлотта делится своими переживаниями, рассказывает об обучении в пансионате Брюсселя, о своих творческих попытках, а также о жизни своих младших сестер и брата. Помимо переписки с Э. Нассей, в сборник включены письма тети Шарлотты Марии Брануэлл к Патрику Бронте и Брануэлла Бронте к издателям журнала «Blackwood Magazine».

В 1969 г. выходит иллюстрированная биография семьи Бронте «The Brontës and their world»⁵ (Бронте и их мир) Ф. Бэнтли. От большинства других подобных работ книга отличается наличием большого количества иллюстраций. Здесь представлены фото мест, пейзажей, домов, где жили или бывали Бронте, портреты всех членов семьи, фотографии оригиналов ранних сочинений детей Бронте и фрагменты писем из личной переписки семьи.

---

¹Wilson R. All Alone: The Life and Private History of Emily Jane Brontë. Kessinger Publishing, LLC, 2003.

²The Brontës: A Collection of Critical Essays / ed. by I. Gregor. – New York., 1970.

³Critics on Charlotte and Emily ...

⁴Spark M. The Bronte letters. London, 1966.

⁵Bentley Ph. The Brontës and their world. New York, 1969.

Следует отметить, что исследования, направленные на изучение и описание биографии сестер Бронте, не ограничивались одним только описанием жизни семьи, некоторые работы содержат также краткий анализ творчества писательниц.

Например, в книге Л. Хинкли «The Brontës»¹ (Бронте), вышедшей в 1970 г., помимо описания биографии семьи Бронте, автор анализирует романы Ш. Бронте «Учитель», «Шерли», «Вильетт», «Джейн Эйр», а также роман Э. Бронте «Грозовой перевал». В описании биографии семьи Бронте Л. Хинкли, как и многие другие исследователи, опирается на книгу Э. Гаскэлл. Что касается произведений сестер, здесь автор ограничивается кратким пересказом содержания романов, характеристикой героев, анализом поэтики произведений.

В 1966 г. публикуется исследование «Brontë: Wuthering Heights»² (Сестры Бронте: Грозовой перевал) М. Вилли. Начиная анализ романа с истории его издания, М. Вилли рассматривает произведение в различных аспектах. Важным М. Вилли считает биографический аспект, который сыграл большую роль в создании произведения. М. Вилли говорит о непревзойденном таланте Эмили в описании людей, их характеров и поведения.

Исследования, сочетающие в себе жизнеописание сестер и анализ их произведений, остаются популярными и у литературоведов XXI в. Так, в англоязычном литературоведении XXI в. появляются следующие работы: «The Brontës: A Life in Letters»³ (Бронте: Жизнь в письмах) Джульет Баркер, «All Alone: The Life and Private History of Emily Jane Brontë»⁴ (Совершенно одна: Жизнь и частная история Эмили Джейн Бронте) Ромера Уилсона, «Charlotte Brontë»⁵ (Шарлотта Бронте) Г. Глена, «The Brontës at Haworth»⁶ (Бронте в Хауорте) Энн Динсдейл, «Selected Letters of Charlotte Brontë»⁷ (Избранные

---

¹ Hinkley L. The Brontës, Charlotta and Emily. New York, 1970.

² Willy M. Op. cit.

³ Barker J. Op. cit.

⁴ Wilson R. Op. cit.

⁵ Glen H. Charlotte Brontë. The Imagination in History. Oxford University Press 2004.

⁶ Dinsdale A., Warner S. The Brontës at Haworth. London, Frances Lincoln, 2006.

⁷ Smith M. Selected Letters of Charlotte Brontë. Oxford University Press, 2007.

Письма Шарлотты Бронте) Маргарет Смит, «Patrick Brontë: Father of Genius»¹ (Патрик Бронте: Отец гениальности) Дадли Грина, «The Brontës»² (Бронте) Патрисии Ингхем, «Charlotte Brontë: A Writer's Life»³ (Шарлотта Бронте: Жизнь писателя) Р. Фрейзер и др.

В биографических исследованиях XX-XXI вв. часто присутствуют оттенки загадочности и мрачной меланхолии, налет мистицизма и провиденциализма в трактовках жизни и смерти сестер и их единственного брата; иногда это отражено даже в названиях самих работ: «Holy ghosts. The male muses of Charlotte and Emily Brontë»⁴ (Святые призраки: мужские музы Шарлотты и Эмили Бронте), «Myths of Power: A Marxist Study of the Brontës» (Мифы власти: марксистское учение о сестрах Бронте), «Unquiet Soul»⁵ (Неуспокоенная душа), «Strange World of the Brontës»⁶ (Странный мир Бронте) и др.

Ведущей темой подобных исследований является необычайная одаренность всех детей Бронте, берущая свое начало от прадедов, а также ранние смерти всех сестер и их брата.

Другим направлением англоязычных исследований XX-XXI вв. является анализ творчества всех сестер Бронте в их сопоставлении между собой. Такие исследования, не признавая одаренности всех сестер Бронте, преследуют цель выявить и объяснить настоящую одаренность только одной из них.

Например, В. Вульф, разделяя точку зрения С. Добэлл о незаурядности таланта Эмили Бронте, пишет: «Wuthering Heights» is a more difficult book to understand than «Jane Eyre», because Emily was a greater poet than Charlotte»⁷ («Грозовой перевал» – книга гораздо более сложная для понимания, нежели «Джейн Эйр», потому что Эмили более великий поэт, нежели Шарлотта).

---

¹ Green D. Patrick Brontë: Father of Genius. London, 2008.

² Ingham P. The Brontës. Oxford University Press, 2008.

³ Fraser R. Charlotte Brontë: A Writer's Life. New York, 2008.

⁴ Tayler I. Op. cit.

⁵ Peters M. Unquiet Soul: A Biography of Charlotte Brontë New York, 1975.

⁶ Campbell M. Strange World of the Brontës. Wilmslow, Cheshire, 2001.

⁷ The Brontës: A Collection ... P. 54.

Р. Чейз изучает поэтику романов «Джейн Эйр» Ш. Бронте и «Грозовой перевал» Э. Бронте. В сравнительно-сопоставительном анализе этих романов Р. Чейз говорит о сходстве образов Хитклиффа и Рочестера: оба героя суровы, обладают ореолом загадочности. Однако тайна жены Рочестера раскрывается писательницей, а тайна происхождения Хитклиффа, место его пребывания на протяжении трех лет после побега из «Грозового перевала» и обстоятельства, при которых он разбогател, остаются не раскрытыми Э. Бронте.

В. Стивенсон¹ свою работу выстраивает на сравнении романов Эмили и Энн Бронте на уровне стиля. В книге дан сравнительный анализ различных фрагментов текстов романов «Грозовой перевал», «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла» и «Агнес Грей».

Также в контексте сравнения с Шарлоттой и Эмили самая младшая сестра – Энн Бронте - упоминается в книге Т. Иглтон².

В качестве следующего значимого аспекта в англоязычной литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте следует выделить анализ отдельных художественных стратегий, приемов и элементов в романах сестер (образы героев, концепты, хронология и пр.). Подобные исследования составляют большую часть всех англоязычных литературоведческих трудов XX-XXI вв. Романы сестер Бронте представляют собой необычные в плане повествования и интригующие в плане содержания произведения, поэтому закономерно, что их художественная специфика вызывает самый живой интерес исследователей.

Так, К. Тиллотсон³ анализирует повествовательную структуру романа Ш. Бронте «Джейн Эйр». Ч. Сенджер⁴ занимается вопросами хронологических и родословных отношений в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», чем устанавливает принципиально новые рамки в изучении данного произведения.

---

¹ Stevenson W. H. Emily and Ann Brontë. London, 1968.

² Eagleton T. Op. cit.

³ Tillotson K. Jane Eyre // Critics on Charlotte and Emily ... P. 25 – 31.

⁴ Sanger C. P. The Structure of Wuthering Heights // The Brontës: A Collection ... P. 7 – 18.

М. Шорер¹ исследует текст «Грозового перевала» с точки зрения художественных приемов и языковых средств, которыми пользуется Э. Бронте. По мнению исследователя, для усиления эффекта описания чувств и эмоций героев писательница использует аллегорическое сопоставление героев с животными, водой, ветром, огнем: «To exalt the power of human feeling, Emily Brontë roots her analogies in the fierce life of animals and in the relentless life of the elements – fire, wind, water»² (Чтобы возвысить силу человеческих чувств, Эмили Бронте проводит свои аналогии со свирепой жизнью животных и жизнью таких неукротимых стихий как огонь, ветер, вода). Д. Ван Гент³ работает с категорией образа в тексте «Грозового перевала»; в частности, исследователь выделяет «образ окна» в качестве одного из важнейших аспектов для анализа всего произведения. Окно в произведении Эмили Бронте, по мнению исследователя, не просто отделяет внутреннее пространство от внешнего, но является некой гранью между двумя мирами романа – реальным и потусторонним.

Р. Маккиббен⁴ в своей статье «The image of the Book in Wuthering Heights» (Образ книги в романе «Грозовой перевал») пытается определить, какую роль играют книги в произведении. По мнению Р. Маккиббена, образ книги является важным для поэтики романа Эмили Бронте, и писательница сознательно отводит ему важную роль. В начале произведения вниманию читателя представлено описание библиотеки Кэтрин Эрншо и подробный рассказ о дневнике героини (для своих записей Кэтрин использовала поля одной из книг); Нэлли Дин рассказывает о том, что она за свою жизнь прочла много книг из библиотеки хозяев, и пр. Автор статьи пишет и о контрасте в построении сюжета, в качестве основных противопоставлений называя образы Эдгара Линтона и Хитклиффа и образы двух поместий – «Грозовой перевал» и «Мыза скворцов».

---

¹ Shorer M. The Metaphors in Wuthering Heights // Critics on Charlotte and Emily ... P. 61 – 64.

² Shorer M. The Metaphors in Wuthering Heights // Critics on Charlotte and Emily ... P. 61 – 64.

³ Van Ghent D. The Window Image in Wuthering Heights // Critics on Charlotte and Emily ... P. 65 – 67.

⁴ McKibben R. C. The Image of the book in Wuthering Heights // The Brontës. A Collection ... P. 34 – 43.

Д. Лодж в своей статье «Fire and Eyre: Charlotte Brontë's War of Earthly Elements»¹ (Огонь и Эйр: борьба земных элементов у Шарлотты Бронте) работает с «образом огня» в романах Эмили и Шарлотты Бронте. По мнению автора, «символ огня» имеет большое значение для понимания всего творчества Эмили и Шарлотты Бронте. Сестры Бронте используют огонь для описания интерьеров, в их романах часто присутствует образ камина, открытого огня, и пр. По мнению Д. Лоджа, огонь в романах Шарлотты и Эмили является олицетворением тепла, комфорта, домашнего уюта и света.

Другим направлением исследования Д. Лоджа является общий анализ творчества Ш. Бронте. Д. Лодж полагает, что Ш. Бронте была одной из первых, кто смело и остро в своем произведении поставил вопросы женского равноправия. Роман «Джейн Эйр» оказался актуальным для современного общества, в котором всегда правили мужчины и где уже давно назревали перемены. Образ главной героини романа – это образ сильной и независимой женщины, добивающейся всего самостоятельно, следующей своим моральным принципам и убеждениям. Джейн бросает вызов сложившемуся порядку, доказывая, что в современном обществе женщины имеют равные права с мужчинами. Как и многие другие литературоведы, Д. Лодж отмечает мастерство Ш. Бронте в описаниях пейзажей, природных и погодных явлений, которые часто помогают передать настроение и чувства героев.

Одним из первых исследователей, обратившихся к структуре повествования в романах сестер Бронте, был Филипп Дрю. В статье «Charlotte Brontë as a critic of Wuthering Heights» (Ш. Бронте как критик «Грозового перевала») Дрю приводит отзывы Шарлотты на роман Эмили «Грозовой перевал». Ф. Дрю акцентирует внимание на том, что Шарлотта считала роман мрачным, отмечала присутствие в тексте большого количества слов с негативной экспрессией, например: «черт», «дьявол», «ад» и пр.

---

¹ Lodge D. Fire and Eyre: Charlotte Brontë's War of Earthly Elements // The Brontës. A Collection ... P. 110 – 136.

Популярной и актуальной для западных исследователей XX в. становится тема психологизма, описания чувств и переживаний, эмоциональная напряженность в произведениях сестер; часто литературоведы обращаются к любовной тематике.

Так, в своей статье «The place of love in Jane Eyre and Wuthering Heights»¹ (Роль любви в романах «Джейн Эйр» и «Грозовой перевал») М. Кинкед-Викенс пишет о нескольких «видах любви». По мнению автора, в романе «Джейн Эйр» одним из значимых аспектов понимания всего произведения и характера главной героини является ее описание своих чувств. Важное значение Ш. Бронте отводит тому, как и что говорит Джейн о своей любви к мистеру Рочестеру. Анализируя любовную проблематику в романе «Грозовой перевал», М. Кинкед-Викенс находит основания говорить о «разных видах любви»: Кэтрин Эрншо пытается объяснить Нэлли Дин, что она чувствует по отношению к Хитклиффу и что – к Эдгару Линтону. В своем описании чувств и эмоций, которые Кэтрин испытывает к разным героям, она, по мнению М. Кинкед-Викенса, говорит о разных видах любви. Два этих чувства не имеют между собой ничего общего, однако оба Кэтрин называет любовью.

В. Томпсон и Дж. Миллер² в своих исследованиях также обращаются к миру чувств героев и анализируют любовь и взаимоотношения между Хитклиффом и Кэтрин. Однако особое место в данном исследовании занимает тема мести, жестокости и садизма Хитклиффа как по отношению к самому себе, так и к другим героям романа. Мстительность и жестокость Хитклиффа Томпсон и Миллер определяют в качестве основных черт характера этого героя.

Анализируя англоязычную литературно-критическую рецепцию XX- XXI вв., необходимо показать специальную сосредоточенность исследователей на фигуре каждой из сестер.

---

¹ Kinkead-Weekes M. The Place of Love in Jane Eyre and Wuthering Heights // The Brontës. A Collection ... P. 76 – 95.

² Thompson W. Infanticide and Sadism in Wuthering Heights // Critics on Charlotte and Emily ... P. 95 – 101; Miller J. H. Themes of Isolation and Exile // Critics on Charlotte and Emily ... P. 101 – 107.

В работах исследователей XX в. присутствуют все три сестры Бронте, однако, Шарлотте отведено более значимое место. Эмили Бронте также является значимой и интересной для литературоведов. Что касается Энн Бронте, то, по сравнению с количеством работ о Шарлотте и Эмили, исследований жизни и творчества Энн значительно меньше. В основном, Энн Бронте упоминается в контексте биографии сестер, а исследования о самой писательнице представляют собой сопоставление ее творчества с творчеством старших сестер. В качестве одного из примеров здесь может служить книга В. Стивенсона, о которой мы упоминали выше. В названии исследования заявлены две сестры, Эмили и Энн Бронте (оригинальное название – «Emily and Anne Brontë»), однако, большую часть работы литературовед отводит Эмили Бронте и анализу ее романа «Грозовой перевал». Энн Бронте и двум ее романам «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» принадлежит лишь незначительная часть, в которой исследователь осуществляет сравнительный анализ творчества двух сестер, отдавая явное предпочтение Эмили.

Фигура Энн Бронте становится популярной лишь в конце XX в. Так, одной из немногих книг, полностью посвященных Энн Бронте, является книга «Anne Brontë: The Other One»¹ (Энн Бронте: Другая) Э. Ленгленд, вышедшая в 1989 г. Помимо жизнеописания Энн Бронте, Ленгленд в своей книге размышляет об особенностях творческой манеры писательницы, высоко оценивая ее талант. Особенно Э. Ленгленд выделяет роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», отмечая профессиональный рост Энн Бронте по сравнению с первым романом писательницы «Агнес Грей»: «It is worth pausing briefly to reflect on what might have been Anne's fate had the Tenant of Wildfell Hall been re-published with Agnes Grey so that critics could re-acquaint themselves with Anne's greater novel and so that critics could take that opportunity to measure the substantial artistic growth between the two novels»² (стоит остановиться на короткое время и

---

¹ Langland E. Op. cit.

² Бронте Энн: [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бронте,_Энн. (дата обращения: 15. 04. 2014)

поразмыслить что было бы если бы с судьбой Энн, если бы «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» продолжала бы переиздаваться с «Агнес Грей» для того чтобы критики могли еще раз ознакомиться с великим романом Энн, и для того чтобы критики имели возможность измерить солидный художественный рост между двумя романами.)

Э. Ленгленд в своем исследовании идет дальше простого сопоставления произведений Энн Бронте. Отдавая явное предпочтение писательскому таланту Энн, автор критически высказывается о творчестве Шарлотты Бронте: «Charlotte herself never accomplished Anne's imaginative range. Further, Anne was only twenty-eight when she wrote *The Tenant of Wildfell Hall*, at a comparable age, Charlotte had produced only *The Professor*.»¹ (Сама Шарлотта никогда не достигла богатой одаренности Энн. Более того, Энн было только двадцать восемь лет, когда она написала «Незнакомку из Уайлдфелл-Холла», в этом возрасте Шарлотта создала только «Учителя»).

В XXI в. появляются новые работы, многие из которых опираются на труды прошлых лет. Например, исследование Э. Читэма 2001 г. «*The birth of Wuthering Heights. Emily Brontë at work*»² (Рождение «Грозового перевала»: Эмили Бронте за работой) посвящено детальному анализу романа Э. Бронте. Э. Читэм работает с некоторыми аспектами поэтики, особое внимание обращая на предысторию создания произведения. Одно из важных аспектов в исследовании Э. Читэма является изучение личности писательницы. Также, по мнению литературоведа, значимым для понимания творческого потенциала Эмили Бронте является изучение ее не только прозаических, но и поэтических произведений.

В целом, в XX-XXI вв. англоязычное литературоведение демонстрирует широкий диапазон исследовательских позиций. Однако, наиболее популярным, на наш взгляд, для англоязычного литературоведения XX-XXI вв. является

---

¹ Бронте Энн: [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бронте,_Энн. (дата обращения: 15. 04. 2014).

² Chitham E. Op. cit.

подход, основанный на анализе романной поэтики, а также продолжающееся изучение биографии сестер Бронте.

Таким образом, понятие феномена творчества сестер Бронте возникает не случайно и подразумевает два аспекта. Первый, связанный с наследованием семейного таланта и с влиянием жизненного опыта предков и самих сестер Бронте на творчество писательниц, выражен в содержательном плане произведения. Второй аспект заключается в особенном подходе сестер Бронте к наррации. В трех анализируемых романах представлены многоуровневые разнообразные повествовательные схемы, и англоязычная рецепция творчества сестер Бронте проявила чуткость к пониманию этой специфики эстетики и поэтики романов сестер-писательниц.

ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ В XIX – XXI ВВ.

2.1. История рецепции творчества сестер Бронте в русской литературе и культуре XIX-XXI вв.

В любой национальной литературе культуре переводится, прежде всего, то, в чем в настоящий момент нуждается общество, что им будет востребовано, но что пока сама национальная литература, по каким-либо причинам, предоставить не может.

Поэтому изучение процессов литературно-критической и переводческой рецепции принципиально важно именно для осмысления национальной литературы, для понимания закономерностей ее развития в определенную историко-литературную эпоху, а также для изучения тех ее особенностей и явлений, которые и актуализировали появление тех или иных переводных произведений.

Романы сестер Бронте, войдя в русскую литературу в середине XIX в., остаются популярными и сегодня. В разные периоды развития русской литературы произведения английских романисток отвечали насущным запросам критики и читателей. Аспекты их творчества, которые были актуальны для русской литературы и культуры на разных этапах ее развития, - взаимосвязь реализма и романтизма, черты символизма, психологическая проза, оформленная в сложную повествовательную систему и др. В разные периоды русской культуры и литературы произведения сестер Бронте были востребованы по разным историко-литературным и эстетическим причинам.

Однако до сих пор не существует специального исследования истории русскоязычной рецепции творчества английских романисток во всей ее сложности и полноте.

Безусловно, в российском литературоведении существует ряд работ, посвященных данной проблематике. Так, О. Р. Демидова и А. А. Сыскина изучают рецепцию творчества сестер Бронте в России XIX в. А. А. Сыскиной исследована и описана литературно-критическая и переводческая рецепция творчества Ш. Бронте, О. Р. Демидова, в свою очередь, рассматривает творчество сестер Бронте в контексте женского вопроса.

Работы Т. М. Никаноровой, И. Н. Васильевой и Н. И. Назаренко, расширяя временные границы исследования, посвящены изучению русскоязычной рецепции творчества сестер Бронте в XIX-XX вв. Все данные работы носят обзорный характер; в них, в основном, собраны и представлены материалы русскоязычной рецепции творчества всех трех сестер.

В данном разделе впервые предлагается реконструкция всего процесса рецепции творчества сестер Бронте русской литературой и культурой XIX-XXI вв.

В общем процессе восприятия творчества сестер Бронте русской литературой отчетливо выделяются три основных историко-литературных периода. Первый – это середина XIX в., когда появляются первые русскоязычные переводы романов Ш. Бронте. Второй – это середина-конец XX в., когда был осуществлен перевод всех произведений Шарлотты, Эмили и Энн Бронте. Третий – это рубеж XX-XXI вв., время, когда все произведения сестер Бронте начинают функционировать в русской литературе в контексте массовой, в т. ч. женской литературы.

История литературной, культурной, переводческой и научной рецепции творчества сестер Бронте в России первого периода начинается с 1849 г., когда выходит первый русскоязычный перевод произведения. Волна популярности, захлестнувшая роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» в Англии, почти сразу же дошла до России. Причины высокой популярности романа сначала у себя на родине в Англии, а затем и в России, усматриваются в определенных социально-политических и культурных тенденциях Англии и России середины XIX в.

В это время в Европе происходит существенное переосмысление роли женщины в обществе: начинается борьба женщины за свои права, оформляется социальное требование признать женщину равной мужчинам. Эта борьба реализовалась не только в социокультурной среде, но и в культуре, литературе. Актуальной становится проблема женской эмансипации, и она находит свое место в литературном процессе.

История развития английской культуры и литературы XIX в. неразрывно связана с «женской темой». «Женская проблематика занимает важнейшее место в английском викторианском романе. Она предстает одной из доминирующих тем в литературе»¹.

М. Цебрикова в своей статье «Англичанки романистки» (1871), рассуждая о становлении женского романа в Англии, пишет, что история писателя-женщины начинается не с Ж. Санд и сестер Бронте, как это принято считать, но гораздо раньше: «Англичанки выступили на поприще романа почти в одно время с мужчинами»². Первой английской романисткой М. Цебрикова считает Афру Бэн; также в контексте истории развития женской литературы в Англии автор статьи называет Елизавету Инчбальд, Фанни Бёрни, Сидней Морган и др.

Однако, на наш взгляд, наибольшее влияние на становление женской литературы в Европе, все-таки, имело творчество Ж. Санд. Произведения Ж. Санд, ставившие наиболее остро вопросы женской эмансипации, будоражат все европейское общество, начиная с 1830 гг. Героини ее произведений открыто ведут борьбу с моралью современного общества, отстаивая права женщин.

Именно поэтому роман английской никому не известной на тот момент писательницы Ш. Бронте «Джейн Эйр» стал самым популярным произведением в Англии сразу же после своего выхода в свет. Произведение, повествующее об одинокой сироте, которая стойко и гордо сражалась за свое достоинство и права, не оставило равнодушными ни критиков, ни читателей.

---

¹ Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840 – 1870-х годов: Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джорж Элиот: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2006. С. 4.

² Цебрикова М. К. Англичанки романистки // Отечественные записки. 1871. Т. 198. № 9. Сентябрь. С. 409.

Опубликованные в России первые переводы романа «Джейн Эйр» находят самый живой отклик у русских читателей и литературных критиков. В XIX в. этот роман в России был переведен пять раз.

Причины такой высокой популярности произведения усматриваются в его принципиальной актуальности для русской литературы и культуры времени. В России в середине XIX в. так же, как в Европе, формируется социокультурное движение, направленное на женскую эмансипацию. Но, в отличие от европейской, русская литература была пока еще не достаточно готова к острой постановке вопроса о женской эмансипации.

Среди первых русских писателей, обратившихся к проблеме положения женщины в обществе, были П. Н. Кудрявцев и А. В. Дружинин. Однако, например, в повести П. Н. Кудрявцева «Антонина» (1836) речь не шла далее призывов уважать личное чувство женщины.

В русской литературе этого времени начинают появляться женщины-поэтессы и писательницы, которые обращаются в своих произведениях к «женской теме». А. Я. Панаева, Каролина Павлова, Е. П. Растопчина начинают русскую женскую литературу.

Однако именно роман «Джейн Эйр» дал ответы на многие вопросы, стоявшие перед современным русским обществом.

В этом аспекте интерес к роману Ш. Бронте в России XIX в. имел двойную основу. Во-первых, произведение демонстрирует новый тип героя – женщину, отстаивающую свои права. Главная героиня романа «Джейн Эйр» – хрупкая молодая девушка, противостоявшая общественным нормам, существующему порядку, а также ставящая под сомнение некоторые религиозные ценности. Джейн решает сама зарабатывать себе на жизнь, быть независимой от мужчин и, в некоторой степени, от сомнительных общественных норм и предрассудков.

Но, во-вторых, популярность произведения и интерес к нему поддерживался и тем фактом, что его автор - тоже женщина. Несмотря на псевдоним Коррер Бель, которым был подписан роман, в скором времени стало

известно, что автор «Джейн Эйр» – женщина. Это обстоятельство обескуражило русских читателей и литературную критику, т.к. в середине XIX в. считалось, что место женщины – отнюдь не на литературном поприще.

Кроме этого, в отличие от романов Ж. Санд, рассказ в «Джейн Эйр» ведется от лица женщины – самой героини. Этот доверительный рассказ о себе, и повествование от первого лица, возможно, сыграло важную роль в восприятии русского читателя XIX в.

Интерес со стороны литературоведов и читателей к творчеству и фигуре Ш. Бронте был велик. Различные литературные журналы того времени публикуют большое количество статей и заметок об английской писательнице. В некоторых заметках упоминались и сестры Шарлотты, однако, преимущественно, в контексте биографии.

Одной из первых критических очерков о Бронте можно считать статью «Джен Ир. Автобиография» в «Библиотеке для чтения» (1849). Это был пересказ романа с элементами перевода. Помимо краткого изложения содержания произведения, анонимный автор дает общую характеристику романа. По его словам, произведение не относится к высокой литературе, но интересно и актуально для своего времени: «Это также не важный литературный труд, но любопытное и привлекательное нравственное изучение»¹. В начале статьи ставится вопрос о том, кто автор романа, мужчина или женщина; в итоге критик приходит к мнению, что произведение принадлежит женскому перу.

В 1850 г. журнал «Современник» помещает краткую заметку «Кто такой Коррер Белль?»² Здесь содержится информация об авторстве произведений «Джейн Эйр» и «Шерли», и критик пишет, что это женщина. Помимо этого, в статье сообщается, что у писательницы есть две младшие сестры, которые также занимаются писательской деятельностью.

---

¹ Литературные новости в Англии. Дженни Ир. Автобиография // Библиотека для чтения. Т. 94, часть 2, 1849 г. Апрель. Отд. 7. С. 151.

² Кто такой Коррер - Белль? // Современник. 1850 Т. 21. № 5. Отд. 6. С. 131.

В 1851 г. тот же «Современник» публикует статью о втором романе Ш. Бронте «Шерли». В этом же году в «Библиотеке для чтения» выходит перевод романа «Шерли».

В 1852 г. этот журнал публикует статью А. В. Дружинина «Коррер Белль и его романы: «Шерли» и «Джен Ир»¹. Известный критик рассуждает в ней о праве женщины заниматься писательской деятельностью. Этот вопрос, как мы упоминали выше, очень серьезно занимал русское общество середины XIX в. В контексте своих рассуждений об эмансипированности английской писательницы А. В. Дружинин приходит к выводу о том, что европейские женщины XIX в., получая хорошее образование, достаточно успешно справляются не только с ролью матерей и хранительниц семейного очага, которая, по общественным законам, являлась для них единственно возможной, но и с ролью совершенно новой – ролью писательниц. Высоко оценивая произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр» и «Шерли», А. В. Дружинин говорит о гениальности и одаренности этой английской писательницы. Вторая часть статьи посвящена краткому изложению содержания романа «Джейн Эйр». В своем пересказе содержания произведения автор комментирует образы романа и мастерство писательницы красочно и лаконично передавать события и натуры героев.

Статьи о творчестве сестер Бронте, особенно о Шарлотте, выходили в русских периодических изданиях достаточно часто. Уже в 1853 г. «Библиотека для чтения» вновь помещает статью А. В. Дружинина об английском писателе Коррер Белле². Критик рассуждает о новом типе героини – женщине, упоминая в этом контексте роман Ш. Бронте «Джейн Эйр».

В мае 1855 г. в той же «Библиотеке для чтения» было опубликовано сообщение о смерти Коррер Белля (Ш. Бронте). Автор заметки кратко описывает начало и развитие творческой жизни писательницы и восторженно

---

¹ Дружинин А. В. Коррер – Белль и его романы: «Шерли» и «Джен Ир» 1852. Т. 116. Ч. 2. Декабрь. Отд. 5. С. 23 – 54.

² Дружинин А. В. Коррер – Белль и его роман: «Шерли» // Библиотека для чтения. 1853 Т. 117. Ч. 2. Февраль. Отд. 5. С. 17 – 40.

отзывается о таланте английской романистки. Ее смерть автор считает великой потерей для английской литературы: «Английская беллетристика испытала существенную потерю»¹.

В 50 – 60 гг. XIX в. русские периодические издания продолжают активно публиковать статьи о жизни и творчестве Ш. Бронте.

В России популярность Ш. Бронте росла, и, помимо литературно-критических обзоров творчества писательницы, журналы публиковали очерки о биографии семьи Бронте. Первой работой, широко освещающей вопросы биографии английских романисток, стала книга Э. Гаскэлл «Жизнь Шарлотты Бронте», о которой мы говорили выше, и именно на этот труд опираются русские биографы Ш. Бронте.

Так, доктор М'Персон в статье «Биография Шарлотты Бронте»², размещенной в «Библиотеке для чтения» в июльском номере 1857 г., дает жизнеописание Ш. Бронте и цитирует фрагменты нескольких писем из личной переписки семьи Бронте.

В 1858 г. «Русский вестник» публикует статью Е. А. Тур (Е. В. Салиас-де-Турнемир) «Мисс Бронте. Ее жизнь и сочинения»³. По сути, данная статья является кратким переложением книги Э. Гаскэлл «Жизнь Шарлотты Бронте». Как и многие другие, автор дублирует описание биографии Ш. Бронте, рассказывая о ее семье и друзьях. Небольшая часть статьи посвящена творчеству писательницы, где Е. Тур анализирует романы «Джейн Эйр» и «Шэрли». В своем отношении к Э. Бронте Е. Тур достаточно критична, и роман «Грозовой перевал» она характеризует следующим образом: «...болезненный бред, произведение расстроенного мозга, которому грозит, быть может, помешательство»⁴.

Статья М. К. Цебриковой «Англичанки романистки» выходит в «Отечественных записках» в 1871 г. Основной темой статьи является описание

---

¹ Смерть Коррер Белля // Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. Отд. 7. Май. С 72.

² Лондонская почта: Биография Шарлоты Бронте // Библиотека для чтения. 1857. Т. 144. Июль. С. 148 – 155.

³ Тур Е. Мисс Бронте, ее жизнь и сочинения // Русский вестник. 1858. Т. 18. Декабрь. Кн. 2. С. 501 – 575.

⁴ Тур Е. Указ. соч. С. 562.

становления женского романа в Англии. В качестве вступления к статье М. К. Цебрикова дает общую характеристику героя в произведении английской литературы, рассматривая специально героя–женщину и героя–мужчину. Описание женщины показано как процесс развития образа от «героини будуарной» к героине - матери и жене. Подобная эволюция женского образа в литературе, с точки зрения автора, многое меняет в писательском мире. Предпосылки, созданные такими английскими романистками, как Афру Бэн, Елизавета Инчбалд, Фанни Бёрни, Сидней Морган и др., были настолько сильными, что начавшаяся волна женской литературы захлестнула многие страны и послужила пищей для яростных споров о женском творчестве. На этой почве в последующие годы в России появится много трудов, посвященных гендерному аспекту как в обществе, так и в литературе.

А пока более актуальным в вопросе изучения жизни сестер Бронте остаются вопросы их биографии и творчества. В 1895 г. выходит книга О. Петерсон «Семейство Бронте». Эту книгу можно считать первым самостоятельным и полным исследованием жизни и творчества сестер Бронте в России. До этого времени критики и литературоведы ограничивались только статьями и заметками, выходившими в периодических изданиях. В своей работе О. Петерсон пишет не только о творческой деятельности сестер, но и рассматривает их родственные связи и генеалогические корни. Работая над биографией писательниц, автор также во многом опирается на книгу Э. Гаскелл. Вслед за ней, О. Петерсон описывает историю жизни ирландских предков сестер, которая, по мнению многих исследователей, проливает свет на некоторые неясные, возможно, загадочные обстоятельства жизни Бронте. О. Петерсон также ставит вопрос о природе выдающегося таланта сестер и брата Бронте. В книге приводится не только описание жизни семьи Бронте, но и фрагменты из личной переписки сестер и их друзей и краткое содержание некоторых романов.

В начале XX в. интерес к творчеству Ш. Бронте заметно падает; не изменяется ситуация и в отношении младших сестер Бронте – Эмили и Энн, и

их произведения по-прежнему остаются за пределами внимания русской литературы и культуры. Первая половина XX в. характеризуется почти полным отсутствием интереса к творчеству сестер Бронте. Единичные упоминания о них этой общей картины не меняют. Так, в своих дневниках их упоминает К. И. Чуковский¹ - в контексте переводческой проблематики, что свидетельствует о том, что переводы произведений сестер Бронте уже стали явлением русской культуры.

Второй период русскоязычной рецепции творчества сестер Бронте начинается в середине XX в. Вхождение переводов всех произведений английских писательниц впервые состоялось в середине XX в. и было продолжено на рубеже XX-XXI вв. Вся вторая половина XX в. ознаменована мощным всплеском интереса к творчеству всех сестер Бронте, что и определило специфику второго периода восприятия творчества сестер в России. В это время впервые переводятся произведения Эмили и Энн Бронте, публикуются новые переводы романов Шарлотты Бронте. С этого момента и до настоящего времени творчество сестер Бронте находится на пике популярности в России.

Принципиальным представляется то, что обращение русской литературы к творчеству всех сестер впервые осуществилось в 1950-1960-е гг. в контексте «шестидесятничества». Литературу этого периода Н. Л. Лейдерман называет «одним из важнейших периодов в истории России и ее культуры»². Литературу шестидесятников от предшествующей ей русской литературы эпохи модернизма отличает возврат к реалистической эстетике и поэтике, в ней, как в русской литературе XIX в., вновь начинает доминировать интерес к человеку, проблематика «простого», «обыкновенного» современного русского человека, осмысляемого во всей его сложности и полноте. «Происходит открытие «маленького мира» обыкновенных человеческих чувств: любви, жалости,

---

¹ Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб., 2014.

² Лейдерман Л. Н. Современная русская литература 1950 – 1990-е годы: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 89.

страдания, недовольства собой, разочарования, надежды»¹. Это герои «деревенской», «военной», «городской» прозы, персонажи Д. А. Гранина, Ю. П. Германа, В. В. Овечкина, Г. Н. Троепольского, В. Д. Дудинцева и др. Также – это лирические герои поэзии Б. Ш. Окуджавы, А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко...

Именно в этом возросшем интересе к «обыкновенному» человеку, к психологии и философии его повседневной жизни усматривается одна из главных причин популярности творчества сестер Бронте в русской литературе эпохи.

В эпоху шестидесятников в литературу вошли голоса русского деревенского жителя, солдата... Единственный голос, которого, на наш взгляд, несколько недоставало русской литературе этого периода, был голос женщины.

Безусловно, в это время были созданы такие классические произведения о русской женщине, как, например, «Матренин двор» А. И. Солженицына. Традиции А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой в поэзии 60-х годов продолжили Бэлла Ахмадулина, Юнна Мориц и др.

Но в данном контексте видится принципиальная разница между образом женщины-героини какого-либо произведения, голосом женщины-поэтессы - и голосом женщины как автора прозаического произведения, как создателя романа, повести или рассказа о женской судьбе. Присутствие в литературе эпохи таких женщин-прозаиков, как, например, Светлана Алексиевич, - это исключение, которое только подтверждает указанную общую тенденцию.

В конечном счете, женское творчество пока оставалось отчасти в тени писательства мужчин. Вспомним известное размышление К. И. Чуковского о «второстепенном» месте женщины в русской литературе XX в. Анализируя творчество Анны Ахматовой, ученый обращается, в частности, к ее эпиграмме, посвященную женщинам-писательницам:

Могла ли Биче словно Дант творить

---

¹ Русская литература XX века. в 2 ч // под. ред. В. В. Агеносова. М., 2001. Ч. 2. С. 251.

Или Лаура жар любви восславить?

Я научила женщин говорить...

Но, Боже, как их замолчать заставить¹.

В связи с этим К. И. Чуковский пишет: «По утверждению Анны Ахматовой, женщины так и остались немолчующими в течение многих веков, покуда она не научила их раскрывать в поэзии свои радости, боли и чаяния. Кончилось их многовековое молчание, но, к сожалению, они плохо воспользовались теми уроками, которые были преподаны ею»².

Суть этих рассуждений К.И. Чуковского - «немолчующие женщины», «их (женщин – Ю. Д.) многовековое молчание» в русской литературе. Так в русской литературе XX в. активно продолжается процесс вхождения и осмысления женской литературы, начатый еще в середине XIX в., когда оказался столь востребованным и актуальным роман «Джейн Эйр».

В середине же XX в. лакуна отсутствия развернутого авторского женского голоса - женской прозы – восполнялась, хотя бы отчасти, переводными произведениями. В указанном контексте и состоялось обращение к творчеству сестер Бронте. Очень своеобразная, на первый взгляд, картина мира английской женщины середины XIX в. оказалась востребованной русской литературой 1950-1960-х гг. в силу того, что это был доверительный, искренний рассказ героини-женщины, что было предельно актуально для эпохи.

В XX в. в России, наряду с многочисленными переводами и переизданиями произведений сестер Бронте, появляется большое количество литературоведческих и исследовательских работ. В XX в. исследованием творчества сестер Бронте в России занимаются А. А. Будагян³, О. А. Наумова⁴,

---

¹ Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 199.

² Чуковский К. И. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 528.

³ Будагян А. А. Творческий путь Ш. Бронте. дис. ... канд. филол. наук. Ереван., 1950.

⁴ Наумова О. А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

В. М. Базилевич¹, М. С. Михайлова², М. А. Гритчук³, Д. Б. Хардак⁴, О. Р. Демидова⁵, Е. А. Соколова⁶, М. П. Тугушева⁷, Н. П. Михальская⁸, В. В. Ивашева⁹, А. А. Елистратова¹⁰ и др. По сравнению с XIX в., XX в. актуализировал несколько иную проблематику в исследованиях творчества сестер Бронте.

Теперь одной из ведущих тем российских литературоведческих исследований стал художественный мир сестер Бронте с точки зрения их художественного метода. «Одной из важнейших проблем современного литературоведения <...> является взаимоотношение различных художественных методов и стилей»¹¹. Борьба и взаимодействие романтизма и реализма становится ведущей темой многих работ.

Расширяя границы изучения творчества сестер Бронте, Д. Б. Хардак в своем диссертационном исследовании, наряду с анализом художественного метода, пишет о влиянии новых открытий в области науки, в частности психологии, на творчество западных писателей рубежа XIX-XX вв. По мнению Д. Б. Хардак, благодаря введению Эмилей Бронте в свой роман фрагментов психологического анализа героев, произведение стало ярким примером этих новых тенденций в мировой литературе.

В 1982 г. выходит книга М. П. Тугушевой «Шарлотта Бронте, очерк жизни и творчества» Свою книгу М. П. Тугушева начинает с рассуждений о зарождении романтизма в английской литературе, его представителях и о его

---

¹ Базилевич В. М. Обличительный характер произведений Ш. Бронте. автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1954.

² Михайлова М. С. Демократическая направленность и реализм романов Ш. Бронте. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

³ Гритчук М. А. Реализм Ш. Бронте («Джейн Эйр» и «Шерли»). автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957.

⁴ Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте... дис. ... канд. филол. наук.

⁵ Демидова О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.). дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.

⁶ Соколова Е. А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

⁷ Тугушева М. П. Шарлотта Бронте, очерк жизни и творчества. М., 1982.

⁸ Аникин Г. В. История английской литературы. М., 1985.

⁹ Ивашева В. В. Век нынешний и век минувший. Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1974.

¹⁰ Елистратова А. А. Наследие английского романтизма и современность. М., 1960.

¹¹ Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века), автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. С. 10.

влиянии на культуру и литературу Англии. По мнению исследовательницы, годом появления романтизма в Англии можно считать 1798 г., именно в этом году в свет выходят «Лирические баллады» Вордсворта и Колриджа. Под влиянием политических и социальных особенностей развития английского общества того времени в литературе назревает новое направление, призванное отразить всю реальность существующего порядка – реализм. Особенностью английского критического реализма XIX в. автор книги считает переплетение и взаимодействие его с романтизмом. Ярчайшим примером этого, по мнению М. П. Тугушевой, является творчество Ч. Диккенса. «Диккенс, однако, выступал здесь не только против того, что устарело эстетически, но и в равной мере против шаблонного представления о романтическом и романтике. Потому что, хотя он был одним из ведущих критических реалистов своего времени, некоторые принципы романтической эстетики оказались нерасторжимо слитыми с его реалистическим методом»¹.

Эти определения идентичны, по мысли М. П. Тугушевой, творчеству Ш. Бронте. Действующие лица ее произведений обладают не только качествами романтических героев, но, вместе с тем, могут реально оценивать свои силы в противостоянии обществу. «В романах Ш. Бронте правдиво воспроизведен дух борьбы в обществе, она заставляет усомниться в справедливости, разумности и правомочности реально сложившихся отношений между теми, кто правит, и теми, кто по своему положению должен подчиняться, но отказывается это делать»².

Наряду с анализом творчества писательницы, М. П. Тугушева приводит факты из биографии семьи Бронте. Как и многие другие исследователи, М. П. Тугушева неоднократно цитирует книгу Э. Гаскэлл «Жизнь Шарлотты Бронте», включает личные письма и воспоминания друзей семьи. Анализируя романы Ш. Бронте, почти в каждом из них литературовед находит автобиографические аспекты.

---

¹ Тугушева М. П. Указ. соч. С. 7.

² Там же. С. 8.

Также XX в. в российской научной рецепции сестер Бронте характеризуется обилием статей в учебниках по зарубежной литературе. Так, например, в «Истории английской литературы» Г. В. Аникина и Н. П. Михальской¹ творчество Шарлотты и Эмили Бронте рассматривается в контексте реализма как господствующего художественного метода XIX в. Несмотря на то, что в названии раздела упомянуты все три сестры, об Энн ничего не говорится ни в контексте биографии, ни в контексте творчества писательниц.

В «Истории зарубежной литературы» под ред. Н. А. Соловьевой² исследование творчества сестер Бронте помещено в раздел «критический реализм». Авторы книги обращаются к романам Шарлотты и Эмили Бронте. По мнению составителей учебника, новаторский характер произведений сестер определялся новым типом героя – женщины, отстаивающей свои права. «Смелым вызовом, сложившимся в Англии 40-х годов общественно – политическим отношениям был образ героини романа. Полная противоположность буржуазно – викторианскому идеалу «кроткого ангела», Джейн, подобно героиням Ж. Санд, стремится к равенству с мужчиной в любви и браке и, самое главное, она смело и успешно борется за справедливость, за свое человеческое достоинство»³.

Особое внимание в данных изданиях уделялось художественному методу писательниц. «В XIX столетии наивысшего расцвета в Англии достигает роман, связанный с активной политической и социальной жизнью страны, отражающий духовные потребности общества»⁴. Ведущую роль в качестве художественного метода начинает играть реализм. «Развивая традиции просветительского реалистического романа, литература XIX в. не только расширила и углубила их, но и обогатила новыми тенденциями,

---

¹ Аникин Г. В. Указ. соч.

² История зарубежной литературы XIX века / под ред. Н. А. Соловьевой. М., 1991.

³ Там же. С. 594.

⁴ Там же. С. 533.

наметившимися в духовной жизни общества»¹. В этот контекст и вписывалось творчество сестер Бронте, наряду с произведениями Ч. Диккенса, У. М. Теккерея, А. Треллопа и др.

Качественно другим стало исследование В. В. Ивашевой «Век нынешний и век минувший... Английский роман XIX века в его современном звучании»². В своей книге В. В. Ивашева описывает историю английского романа, и каждая из 10 глав работы посвящена известным английским писателям (Д. Остин, Ч. Диккенс, У. М. Теккерей и др.) Главу книги «Затворница Хоурта» В. В. Ивашева посвятила Ш. Бронте. Литературовед описывает биографию Ш. Бронте и анализирует ее романы. Главным направлением литературоведческого анализа творчества Ш. Бронте у В. В. Ивашевой вновь становится проблема художественного метода писательницы.

Особо В. В. Ивашева останавливается на вопросе высокой популярности Ш. Бронте в России. По ее мнению автора, интерес к ней в России середины XIX был вызван социальными и гражданскими мотивами творчества писательницы, которые оказались актуальными для российского общества того времени. В. В. Ивашева также обращается к биографическим аспектам семьи Бронте, при этом она свое исследование полностью посвящает только Ш. Бронте, не упоминая, в аспекте литературного творчества, других сестер.

Анализируя роман «Джейн Эйр», В. В. Ивашева, главным образом, говорит о художественном методе произведения. Она условно разделяет роман на несколько эпизодов, каждому из которых присущ тот или иной художественный метод. Так, описывая чувства Джейн к мистеру Рочестеру, Бронте избирает романтический стиль, а в описании натур героев писательница тяготеет к реализму. Это, по мнению В. В. Ивашевой, создает особенный характер произведения. «Отрывать в «Джейн Эйр» романтическое от реалистического невозможно: книга воспринимается в ее художественном

---

¹ История зарубежной литературы XIX в. С. 534.

² Ивашева В. В. Указ. соч.

единстве, и в этом единстве ее сила»¹. В. В. Ивашева пишет и о других романах Ш. Бронте, «Шерли» и «Вильетт». Автор приводит выдержки из отзывов на эти романы, а также высказывания самой Ш. Бронте, взятые из личных писем писательницы.

Особое место среди российских исследований творчества сестер Бронте в XX в. занимает книга «Эти загадочные англичанки»², вышедшая в 1992 г., составителем которой была Е. Ю. Гениева. В своей книге исследовательница представляет статьи и фрагменты трудов английских писателей и литературоведов: это В. Вульф «Своя комната», Ф. Уэлдон «Письма к Алисе, приступающей к чтению Джейн Остен», М. Спарк «Эмили Бронте», Э. Гаскелл «Жизнь Шарлотты Бронте».

В предисловии к книге Е. Ю. Гениева размышляет о женской литературе. Один из ее видов она определяет как «высокую литературу», к которой относит «поэзию Сафо, романы сестер Бронте, прозу Жорж Санд, эпистолярную прозу Анны Ахматовой и Марины Цветаевой»³. По мнению Е. Ю. Гениевой, у авторов-женщин принципиально иной подход к литературе и своему творчеству, чем у мужчин: «Со своих женских позиций, которые вряд ли в полную меру доступны мужчине, они вглядываются в свою женскую суть, свою женскую долю, вековую женскую боль, внимательно постигают причины, последствия и издержки не только женского рабства, но и женского раскрепощения, принявшего в XX в. такой всеобщий, тотальный характер»⁴.

Также в предисловии Е. Ю. Гениева приводит некоторые факты из жизни сестер Бронте, рассуждает о судьбе их первых произведений, кратко характеризует исследования авторов, представленных в настоящей книге.

Содержательно книга представляет собой многоплановое исследование жизни и творчества сестер Бронте, составленное из различных фрагментов трудов нескольких зарубежных исследователей. Здесь представлена биография

---

¹ Ивашева В. В. Указ. соч. С. 263 – 264.

² Эти загадочные англичанки / сост. Е. Ю. Гениева. М., 1992.

³ Там же. С. 5 – 6.

⁴ Там же. С. 6.

семьи Бронте, общий анализ творчества сестер, а также специальный анализ некоторых аспектов романов сестер.

Из книги Э. Гаскелл «Жизнь Шарлотты Бронте» в сборник включены несколько глав. Они повествуют о работе Шарлотты в школе мисс Вулер, о ее взаимоотношениях с обитателями пансионата. Также здесь приводится описание жизни Шарлотты, ее отношений с братом и сестрами, подругами. Все перечисленные факты подкреплены выдержками из личной переписки писательницы. Достаточно подробно излагаются факты начала творческой жизни сестер. Приводится история издания первого сборника сестер Бронте, который оставался незамеченным до публикации романа «Джейн Эйр». Достоверность информации, данной в книге Э. Гаскелл, подтверждается многочисленными письмами сестер, их друзей и знакомых.

Значимым для российской рецепции сестер Бронте данное исследование является ввиду того, что представляет взгляды зарубежных исследователей на литературное творчество сестер, что, в свою очередь, имеет большое значение для изучения творчества Бронте в России.

В целом, российская литературно-критическая и научная рецепция творчества сестер Бронте в XX в. характеризуется большим количеством исследований. Однако, несмотря на такое количество работ, большинство из них, так или иначе, сводятся к изучению художественного метода писательниц. Одним из важнейших аспектов изучения романного творчества сестер становится не просто проблема определения художественного метода (романтизм или реализм), но взаимодействие этих двух методов, их сосуществование в границах одного произведения. Подобный подход к изучению творчества Бронте в России в XX в. можно объяснить тем, что проблема художественного метода была одним из ведущих направлений советского литературоведения. Помимо этого, процессы возникновения новых литературных течений и методов в XX в. также актуализировали активное изучение проблемы художественного метода наследия сестер Бронте.

Другим важным направлением для литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте в России в XX в. стало изучение творчества сестер в контексте новой «женской» литературы. Это направление предварило дальнейшее изучение творчества сестер Бронте в России в контексте уже гендерного аспекта, который стал особенно популярен в XXI в.

Рубеж XX-XXI вв. стал новой эпохой в восприятии творчества сестер Бронте в России. Начиная с 90-х гг. XX в., переводы романов всех трех сестер Бронте переиздавались много раз различными коммерческими издательствами в таких сериях, как «Купидон», «Дамский клуб», «Рандеву» и др. Произведения английских романисток приобретают популярность, переходя в разряд массовой женской литературы.

Популярность творчества сестер Бронте в России в XXI в. настолько высока, что, помимо переводов оригинальных текстов сестер Бронте, сами писательницы становятся героинями произведений женской романной прозы. Так, выходят книги «Роковая тайна сестер Бронте» Е. Б. Митрофановой¹, русские переводы романов Э. Бронте «Дом на Фиалковой улице», «Пансион Святой Маргарет», «Любовь по соседству» и др., Б. Форд «Рождество в Индии – продолжение романа “Джейн Эйр”», Л. Д. Роулэнд «Засекреченные приключения Шарлоты Бронте».

Также выходят переводы незаконченного произведения Ш. Бронте «Эмма». Свой последний роман «Эмма» Ш. Бронте только начала, перу писательницы принадлежит всего 20 страниц текста. Однако в 1980 г. Констанс Сейвери завершила роман, скрывшись под псевдонимом «Another Lady». Эта книга в России оказалась востребованной: в 2000 г. роман был переведен Т. Казавчинской и В. Кулагиной-Ярцевой, ее автор был указан следующим образом: «Шарлотта Бронте and Another Lady». Позже, в 2001 г., писательница К. Бойлен создает свой вариант незаконченного произведения Ш. Бронте под

---

¹ Митрофанова Е. Б. Роковая тайна сестер Бронте: Роман. М., 2008.

названием «Эмма Браун», и в 2003 г. он также переведен на русский язык Е. Никитиной.

Все это свидетельствует о том, что на рубеже XX – XXI в. произведения сестер Бронте переходят в разряд массовой литературы, а сами писательницы превращаются уже, в том числе, в героинь массовой женской литературы.

В XXI в. появляются новые исследования жизни и творчества сестер. Наряду с работами, традиционно освещающими биографию писательниц, как, например книга И. Г. Ярич 2004 г. «Бронте»¹, появляются исследования иной тематики. На протяжении почти двух столетий активно изучалась биография семьи Бронте, и преимущество при этом отдавалось старшей из сестер – Шарлотте. В XXI в. появляются работы, посвященные жизни и творчеству младших сестер, что можно характеризовать как новую эпоху в изучении жизни и творчества сестер Бронте в России. В этот период изменяется и направленность исследовательских работ.

Одной из наиболее популярных и актуальных тем современности становится гендерный аспект романного творчества писательниц. Эта проблематика активно разрабатывается в диссертационных исследованиях М. Н. Рябкова², Н. В. Шаминой³, И. А. Елисеевой⁴, Е. А. Поляковой⁵.

Сравнительный анализ англоязычной и российской литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте в XX в. показал, что в рецепции творчества сестер присутствуют общие подходы и аспекты. Так, одной из общих черт в подходе к изучению наследия Бронте в XX в. является то, что интерес исследователей привлекают все три сестры, в отличие от

---

¹ Ярич И. Г. Бронте. Одесса, 2004.

² Рябков М. Н. Роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» как женский текст: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

³ Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840 – 1870-х годов: Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джорж Элиот: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005.

⁴ Елисеева И. А. «Вымышленная биография» Энн Бронте как тип автобиографического романа: дис. ... канд. филол. наук. Орск, 2012.

⁵ Полякова Е. А. Художественный мир Энн Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012.

культуры и литературы XIX в. когда в центре всеобщего интереса находилась только Шарлотта.

При этом, в восприятии и понимании творчества сестер Бронте англоязычное и российское литературоведение XX в. обладает целым рядом специфических особенностей, что представляется вполне закономерным.

Англоязычное литературоведение сосредоточено на углубленном анализе художественного текста на разных уровнях его организации (сюжет, повествование, образ героя и т. д.). В свою очередь, российская наука о литературе берет за основу обобщающий анализ произведений сестер, здесь больше внимания уделяется генерализирующим категориям литературоведения, произведение рассматривается как целостный объект (так, проблема художественного метода).

Наряду с этим, ярко проявляется разница и в тематическом подходе литературоведов к изучению творчества сестер. Для англоязычных исследований ведущей темой оказывается биографический аспект. Для российской рецепции данная тема гораздо менее актуальна. Подтверждением этого может служить тот факт, что, несмотря на популярность творчества сестер в России в XX в., книга Э. Гаскелл «Жизнь Шарлотты Бронте» до сих пор не переведена полностью на русский язык. В XX в. российское литературоведение располагало лишь фрагментарным переводом данной книги: 8, 14 глава 1-ой части в переводе Т. Казавчинской¹, 8, 14 глава 1-ой части также в переводе Т. Казавчинской в книге «Эти загадочные англичанки»².

Также необходимо отметить, что в XX в. в России творчество сестер Бронте в большинстве своем изучается в формате диссертационных исследований. Общее представление о творческой жизни сестер Бронте можно найти во многих учебниках по литературе, что касается отдельных книг, посвященных сестрам, то их в XX в. выходит незначительное количество.

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал: Роман; Стихотворения. М., 1990. С. 314 – 353.

² Эти загадочные англичанки. С. 27 – 78.

Англоязычное литературоведение, наоборот, располагает огромным ресурсом самостоятельных монографических исследований.

Итак, российская и англоязычная литературно-критическая и научная рецепция творчества сестер Бронте в XX в. существенно различается в подходах, тематике и исследовательских позициях; объединяет их общий интерес к творческому наследию всех трех сестер Бронте.

2.2. Сопоставительный анализ изучения повествовательных стратегий романов сестер Бронте в англоязычном и русском литературоведении

В контексте данного исследования сопоставительный анализ восприятия творчества сестер Бронте в англоязычной и российской научной мысли следует распространить на такую специальную сферу их изучения, как нарратив.

Несмотря на разносторонние исследования творчества сестер Бронте в России и за рубежом, до сих пор нет исследований, специально посвященных изучению нарративных особенностей романов Бронте в их совокупности.

Одним из первых литературоведов, обративший внимание на структуру текста романа Э. Бронте «Грозовой перевал», является Ч. Сенджер (1921). Исследователь анализирует роман с точки зрения хронологической последовательности событий. Исследование Ч. Сенджера задает новое направление в изучении произведений сестер Бронте, открывает новые горизонты для исследования повествовательных конструкций.

Все события романа Ч. Сенджер выстраивает во временной последовательности, устанавливает и анализирует даты, которые приводятся в романе, рисует генеалогическое древо героев романа. Таким образом, в исследовании Ч. Сенджера роман представлен не как беспорядочное описание потока страстных чувств и эмоций, а как тщательно продуманное, структурно организованное произведение. События произведения охватывают широкое временное пространство (примерно 30 лет), Э. Бронте описывает жизнь трех

поколений. Принципиально новым направлением в изучении романа Ч. Сенджером является вопрос о генетической наследственности. По мнению Ч. Сенджера, писательница говорит о ее решающей роли. Данное утверждение литературоведа подкрепляется примерами из произведения. Э. Бронте подробно описывает внешность и характер детей героев, сравнивая их с родителями. Так в романе обнаруживаются размышления о генетической наследственности, влиянии воспитания и окружающей среды на людей.

О структуре текста пишет и Д. Сесил в своей статье «Шарлотта Бронте» (1934). Исследователь резко критикует роман «Джейн Эйр», отдавая, однако, должное художественному таланту писательницы. Д. Сесил отмечает структуру романа, которая, по его мнению, является несовершенной. Критик выделяет три основные части произведения: детство главной героини, история мистера Рочестера и история Сент-Джона.

Повествовательную структуру романа «Джейн Эйр» анализирует К. Тиллотсон. Главная героиня описывает события не в момент их непосредственного протекания, а много позже, с точки зрения себя настоящей. Джейн Эйр не описывает свой характер и внешность, эти аспекты ее личности становятся известны читателю со слов других героев романа. Относительно ее внешности, автор работы говорит о несовпадениях в ее восприятии разными героями. Гувернантки, воспитывающие Джейн с детства, находят ее непривлекательным ребенком, но глазами мистера Рочестера главная героиня предстает внешне приятной девушкой.

Нарратив рассматривает и Дж. Ф. Гудридж. Объектом его исследования становится роман «Грозовой перевал». В качестве основного рассказчика Дж. Ф. Гудридж выделяет Нэлли Дин. Некоторые события описываются ею очень живо и эмоционально. Подобный эффект достигается за счет подробного описания деталей, движений и жестов. Повествование построено таким образом, что часто читатель может усомниться в правильности восприятия действительности старой служанкой. Она дает оценку действиям героев с точки зрения общепринятых моральных ценностей, но часто не может понять мотивы

этих поступков, таким образом, читателю предоставляется возможность самому оценить происходящее в романе.

Структура «Грозового перевала» как игра на контрастах рассмотрена в работе М. Эллиотт. «Буря и спокойствие» являются основными противопоставляемыми элементами романа. Повествование растянуто на два поколения семьи Эрншо и Линтонов. Дети Эрншо – олицетворение бури, в то время как дети Линтонов – полное спокойствие. Подобно Р. Чейзу, М. Эллиотт пишет о двойственности сюжета романа. История первого поколения героев Кэтрин – Хитклифф – Эдгар трагична и заканчивается бурей и смертью героев, второе поколение Кэтрин младшая – Гэртон – Линтон подвергается не менее суровым испытаниям, но финал их истории – спокойствие.

Б. Форд, анализируя поэтику романа «Грозовой перевал», также затрагивает вопросы нарративной конструкции произведения, дает характеристику системе художественных образов, выделяет центральную тему романа – отношения Кэтрин и Хитклиффа.

Структура повествования в романе «Грозовой перевал» рассмотрена также Филиппом Дрю. Вслед за многими критиками, он пишет о противопоставлениях: «Грозовой перевал» – зло, «Мыза скворцов» – добро, Хитклифф – отрицательный герой, Линтон – положительный. Но позиция Ф. Дрю в данном контексте отличается от других тем, что, по мнению критика, автор романа представляет героев таким образом, что к Хитклиффу читатель начинает испытывать симпатию, а к Линтону – антипатию. Подобного эффекта Э. Бронте добивается различными способами, одним из которых является подробное, наполненное экспрессией описание страданий Хитклиффа.

Важное для нас значение в исследовании Ф. Дрю имеют его рассуждения о повествовательной структуре романа. Ф. Дрю выделяет рассказчиков, это – Нелли Дин, которой принадлежит большая часть повествования, и мистера Локвуда. В данной связи исследователь, как и Дж. Ф. Гудридж, поднимает важный вопрос, касающийся роли Нелли Дин во всем произведении. Ф. Дрю полагает, что Э. Бронте, вводя в роман фигуру Нелли Дин, не ограничивала ее

роль повествовательной функцией. Являясь одновременно и повествователем, и действующим лицом, Нэлли Дин как персонаж романа неоднозначна, она стимулирует читателя к размышлениям, более осмысленному восприятию текста. «So that Nelly-as-actor often annoys us and disposes us to distrust and even to resist the explicit judgments of Mrs. Dean-as-narrator»¹ (Так, что Нэлли как действующее лицо часто раздражает нас и склоняет нас сомневаться и даже сопротивляться ясному мнению миссис Дин как нарратора).

Нарративную конструкцию «Грозового перевала» рассматривает М. Вилли и делает вывод о том, что схема наррации в произведении сложнее и интереснее, чем сами события романа. Различные события и эпизоды рассказываются определенными героями, также Э. Бронте вплетает в повествование дневниковые записи и письма персонажей. Нэлли Дин не является в данном случае объективным рассказчиком, на протяжении всего романа она дает свои комментарии происходящему, и во многих эпизодах встречаются ее нравоучительные высказывания. Повествование построено таким образом, что читатель не забывает о том, что это рассказ одного человека другому. Подобный эффект обеспечивается обращениями рассказчицы к мистеру Локвуду. Иногда рассказ прерывается диалогами Дин и Локвуда. Часто эти паузы между повествованием о событиях прошлого делаются в самых острых сюжетных моментах романа, что усиливает интерес читателя. Возвращаясь к событиям прошлого, служанка описывает свои чувства, эмоции и отношение к данным происшествиям не с точки зрения настоящего, но с позиции своего восприятия в прошлом, в момент этих самых событий. Сложная конструкция повествования с эффектом реального присутствия рассказчика и слушателя удерживает интерес читателя на протяжении всего романа.

В российской научной мысли обращений к проблеме повествования в романах сестер Бронте существенно меньше, чем у зарубежных исследователей.

---

¹ The Brontës: A Collection ... P. 46.

Обращение к проблеме повествования в романах сестер Бронте содержится в «Истории английской литературы». В романе «Грозовой перевал» отмечается не только соединение романтизма и реализма, но и особая форма повествования, которая, по мнению Г. В. Аникина и Н. П. Михальской, заключается в структуре рассказывания: «Э. Бронте использует прием рассказа в рассказе, включает в повествование вставные эпизоды, письма, отрывки из дневников»¹.

В начале XXI в. М. Н. Рябков в своем исследовании «Роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» как женский текст» затрагивает вопросы, связанные с повествовательными особенностями романа. М. Н. Рябков рассматривает наррацию через понятие гендера, главным объектом данного исследования является «женский текст».

Таким образом, очевидно, что, несмотря на присутствие в трудах исследователей темы повествования в романах сестер, до сих пор нет работ, изучающих повествовательные особенности их произведений в качестве объединяющего начала для всего творчества Бронте как единого литературного феномена, а также функционирование повествовательной структуры в русскоязычных переводах романов сестер.

Итак, русскоязычная рецепция творчества сестер Бронте происходила поэтапно. В основном выделяют три периода вхождения творчества сестер Бронте в русскую литературу: середина XIX в., середина - вторая половина XX в., рубеж XX-XXI вв. Поэтапным этот процесс был не только хронологически, но и в аспекте разной популярности каждой из сестер на каждом этапе. Несомненно, Ш. Бронте, чьи произведения стали известны русской публике раньше других сестер, стала фигурой, с которой и начинается популярность и известность сестер Бронте. Творчество младших Бронте Эмили и Энн становится известно в России лишь в середине – конце XX в. В целом, в

---

¹ Аникин Г. В. Указ. соч. С. 243.

каждую эпоху русской литературы рецепция творчества сестер Бронте имела свои предпосылки и свои особенности.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕЛОЖЕНИЙ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

3.1. Особенности повествования в романе «Джейн Эйр»

«Джейн Эйр» - второй роман Ш. Бронте, самое популярное и известное произведение писательницы во всем мире.

Роман повествует о жизни гувернантки Джейн Эйр, которая, оставшись сиротой в раннем детстве, вынуждена сама зарабатывать себе на жизнь. После нескольких лет, проведенных в доме тети миссис Рид, девочку отправляют в пансионат. После воспитания в пансионате Джейн поступает на службу в Торнфильд к мистеру Рочестеру в качестве гувернантки девочки Адель. Джейн и мистер Рочестер полюбили друг друга, но череда жизненных трудностей разлучает влюбленных на долгие годы. Джейн вынуждена уехать из поместья мистера Рочестера. В финале романа Джейн и Рочестер воссоединяются, и у Джейн начинается новая счастливая жизнь рядом со своим мужем Эдвардом Рочестером.

Для изучения особенностей повествования в этом произведении первостепенное значение имеет оригинальное название романа: «Jane Eyre. An Autobiography». Это жанровое определение жанра, данное самой Ш. Бронте, обусловило характер всего произведения. Словарное определение понятия «автобиография»: «Автобиография (от авто... и биография), 1) прозаический жанр; описание собственной жизни; близок мемуарам, но более сосредоточен на личности и внутреннем мире автора <...> 2) Краткое изложение основных событий своей жизни»¹. Таким образом, обозначив свое произведение как

---

¹ Автобиография // Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 16.

«автобиографию», Ш. Бронте придает роману черты документального текста. Очевидно, что выбор такого подзаголовка неслучаен.

Содержательно организация повествования в романе подчинена идее исповедального рассказа главной героини Джейн Эйр о своей жизни, начиная с самого детства и заканчивая моментом начала написания автобиографии. Все события и персонажей произведения читатель воспринимает глазами главной героини. Пользуясь терминологией В. Шмида, обозначим тип повествования в романе «Джейн Эйр» «эксплицитным». Такое повествование основано на самопрезентации нарратора. Он может «описывать себя как повествующее «я», рассказывать историю своей жизни, излагать образ своего мышления»¹. В романе героиня ведет рассказ от первого лица, а, согласно мнению В. Шмида, употребление формы глагола для первого лица, личных местоимений и пр. свидетельствует о том, что перед читателем эксплицитный нарратор. Рассказывая о своей жизни, Джейн говорит: «I was walking late one evening...» (213) (однажды вечером я гуляла допоздна.); «I knew such an idea would shock, perhaps offend you...» (211) (я знала, что такая мысль может шокировать или, возможно, оскорбить вас).

Однако повествовательная конструкция романа не ограничивается только эксплицитным изображением нарратора. В текст произведения Ш. Бронте включает прямое обращение к читателю – и так выражается имплицитный нарратор. По В. Шмиду, противопоставление эксплицитного изображения нарратора имплицитному состоит в том, что, в противовес факультативной функции эксплицитного, имплицитное изображение имеет фундаментальный характер. В сущности, эксплицитное изображение нарратора не существует без имплицитного.

В «Джейн Эйр» имплицитный нарратор выражен не только в названии романа с помощью определения «автобиография», но и в диалоге с читателем. Джейн Эйр – не только центральный персонаж произведения, она -

---

¹ Шмид В. Указ. соч. С. 70.

единственный рассказчик. В прямом обращении к читателю, по нашему мнению, в конечном счете, присутствует образ самой Шарлотты Бронте, отсюда и выбор обращения – «*читатель*». Такое обращение предполагает установку на диалог автора и реципиента. В своей автобиографии Джейн Эйр обращается к читателю так же, как и сама Шарлотта в предисловии ко второму изданию романа: «I have alluded to him, Reader, because I think I see in him an intellect profounder...» (18) (Я упоминаю о нем, Читатель, потому, что, я думаю, я вижу в нем глубоко мыслящего интеллектуала). В этих обращениях мы видим полное совпадение героя-повествователя (Джейн Эйр) и реального автора произведения (Шарлотту Бронте).

Так Ш. Бронте соотносит образ реального автора – создателя произведения и образ автора- рассказчика в произведении. Реальный автор – писательница Ш. Бронте, но содержательно организация повествования в романе подчинена идее исповедального рассказа главной героини Джейн Эйр о своей жизни, оформленного в автобиографический текст. Объединение образа реального автора-писателя произведения и образа автора-рассказчика в единое целое реализуется, на наш взгляд, в характере обращения к реципиенту.

Помимо обращений к читателю, образ реального автора и героя-повествователя в романе пересекаются еще в нескольких плоскостях.

С позиции отношения автор – герой в романе диалогически выстроена схема подачи текста (с одной стороны – герой, образующий содержательный план, с другой – реальный автор, воплотивший текст в единое произведение).

Подтверждением того, что перед нами письменный текст, а именно автобиография, является присутствие в тексте романа существительного «chapter» (глава) и глагола «to record» (записывать). В начале 10 главы Джейн говорит: «Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence: to the first ten years of my life I have given almost as many chapters» (75) (До этого времени я записала в деталях события моего малозначительного существования: первым десяти годам своей жизни я отдала почти столько же глав).

В последней главе романа дано прямое указание на то, что весь рассказ Джейн – это письменный текст: «My tale draws to its close: one word respecting my experience of married life, and one brief glance at the fortunes of those whose names have most frequently recurred in this narrative, and I have done» (350) (Мой рассказ/история/повесть подошла к завершению: одно слово, касающееся моего опыта семейной жизни и один короткий взгляд на судьбы тех, чьи имена чаще всего повторялись в этом рассказе/повести/изложении событий/повествовании, и я закончила). Использование существительных «tale» (рассказ/история/повесть), «narrative» (рассказ/повесть/изложение); фраз «my tale draws to its close» (мой рассказ заканчивается), «I have done» (я закончила) отсылает читателя к образу писателя, завершающего свое произведение, - и человека, заканчивающего рассказ о своей жизни.

Все повествование в романе, как и подобает автобиографическому тексту, выстроено в ретроспективе, и только в финале произведения повествование и предмет повествования синхронизированы. В конце романа Джейн говорит: «My tale draws to its close <...> I have now been married ten years» (350) (Мой рассказ подходит к завершению. Я замужем уже десять лет). Так автор указывает на то, что описанием событий своей жизни Джейн занялась, будучи уже замужем; также здесь мы видим указание на временной промежуток, а именно, что события, описываемые главной героиней, происходили не менее 10 лет назад.

Характерное для автобиографического текста описание событий прошлого с позиции «себя настоящей» подкреплены соответствующими комментариями и уточнениями героини: «How difficult it was to frame any answer! Children can feel, but they cannot analyse their feelings» (31) (Как трудно это было выразить в словах/строить каждый ответ/возражение! Дети могут чувствовать, но они не могут анализировать свои чувства).

Итак, роман «Джейн Эйр», задуманный Ш. Бронте как автобиография, в сфере наррации в полной мере соответствует этому жанру.

3.2. Переводы и переложения романа «Джейн Эйр» XIX в. Особенности перевода нарративных конструкций

Роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» девять раз переводился на русский язык. Но качество его представления в русской литературе было разным, что в контексте данного исследования заставляет поставить вопрос о характере и специфике переводного воспроизведения нарративных конструкций оригинала произведения.

Первое русскоязычное переложение романа - «Дженни Ир: Автобиография» (апрель 1849). Данное переложение представляет собой краткий пересказ содержания романа с элементами перевода. Достаточно подробно в данном варианте переведена сцена наказания главной героини в красной комнате. Также автор пересказа дает краткую характеристику произведения, выделяет выразительность характеров персонажей: «Ничего нельзя также найти и в характерах «Дженни Ир»; они более энергичны, более мужественны, чем нежны, но справедливы, в особенности характер Дженни»¹. Несмотря на краткость изложения содержания романа, этот краткий пересказ, в целом, передает оригинальный замысел автора в плане повествования. В заглавии переводчик точно указывает оригинальную версию – «Дженни Ир: Автобиография».

В мае того же 1849 г. русский читатель знакомится с первым собственно переводом романа в исполнении И. И. Введенского.

Фигура И. И. Введенского (1813 – 1855) как переводчика в истории русского художественного перевода является неоднозначной. Одни ученые считали, что «Введенский усваивал дух переводимого им писателя в совершенстве и умел передавать его манеру, его язык, насколько, разумеется, такая передача возможна»². Другие исследователи обвиняли И. И. Введенского

---

¹ Дженни Ир: Автобиография // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 94. С. 172.

² Суворин А. С. Недельные очерки картинки // С. – Петербургские ведомости 1870. 21 июня (3 июля). №168. С. 2.

в чрезмерной вольности в своих переводах по отношению к оригиналу: «Он чрезвычайно свободно обращался с его текстом, переиначивая его на свой лад вплоть до прибавления целых фраз и абзацев от себя...»¹. Третьи придерживаются мнения, что «в области перевода работы И. И. Введенского были в то время большим шагом вперед. Необходимо помнить, что речь идет о середине XIX века, когда само понятие «эквивалентности» подлиннику еще не было требованием, с которым читатель, переводчик или критик подходили к переводу»².

Учитывая все эти точки зрения на переводческое творчество И. И. Введенского, мы сосредоточимся на проблематике повествования, на вопросе о том, насколько переводчик сохраняет повествовательную структуру оригинального текста.

Первым аспектом, который, по нашему мнению, играет решающую роль в русской рецепции романа, является перевод названия произведения: сохранение переводчиком подзаголовка «an autobiography». Для своего варианта романа И. И. Введенский отступает от перевода полного оригинального названия и озаглавливает перевод следующим образом: «Дженни Эйр». Важнейшей особенностью наррации оригинального текста является вопрос о жанровой принадлежности произведения. Произведенное И. И. Введенским сокращение названия романа значительно трансформирует его рецепцию в русской литературе XIX в. Задумав роман как «автобиографию» героини, Ш. Бронте давала на это прямое указание в самом названии. Можно только предполагать, по каким причинам подзаголовок «автобиография» был удален из названия перевода И. И. Введенского.

Но важным является здесь комментарий редактора журнала А. А. Краевского на первой странице перевода. Он характерно называет произведение автобиографией: «лондонская публика в последнее время с

---

¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб., М., 2002. С. 72.

² Ануфриева М. А. Переводческая деятельность И. И. Введенского как отражение жанрово-стилевого развития русской прозы 1840 – 1860-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 146.

особенною благосклонностью приняла два романа, вышедшие один за другим: «Vanity Fair» («Базар житейской суеты»; «Ярмарка тщеславия» Теккерея – Ю. Д.) и «Jane Eyre, автобиографию»¹. Также А. А. Краевский приводит характерные догадки об авторе «Джейн Эйр»: «Английская публика догадывалась, что «Дженни Эйр» написан гувернанткой г. Теккерея, которому и посвящена эта автобиография при втором ее издании»².

О том, что данное произведение принадлежит к автобиографическому жанру, русский читатель XIX в. мог понять не только из комментария редактора журнала, но и из самого текста произведения. Несмотря на опущенное в названии слово «автобиография», И. И. Введенский сохраняет форму повествования от первого лица, прямые обращения.

Однако, место и частоту употребления этих обращений переводчик определяет самостоятельно. Например, в девятой главе, рассказывая о Хелен Бернс, Джейн обращается к читателю: «True, reader; and I knew and felt this...» (72) (Верно, читатель, и я знала и чувствовала это); в переводе И. И. Введенского данный абзац не воспроизводится. Однако, в десятой главе переводчик использует обращение к читателю, которого нет в оригинальном тексте: «Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence...» (75) (До этого времени я записала в деталях события моего малозначительного существования); перевод И. И. Введенского: «До сих пор читатель видел, я припоминала подробности своего детства»³.

Помимо этого, в тексте перевода сохранены слова, указывающие на жанровую принадлежность рассказа Джейн. Оригинал: «I have given almost as many chapters» (75) (Я отдала почти столько же глав); перевод И. И. Введенского: «посвятила почти столько же глав в своих записках»⁴.

Русскоязычный вариант, предложенный И. И. Введенским, содержит 38 глав, что в количественном соотношении совпадает с оригинальным текстом.

---

¹ Дженни Эйр: перевод с английского И. И. Введенского // Отечественные записки. СПб., 1849. Т. 14. С. 175.

² Там же.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же.

Переводчик делит весь текст произведения на 5 частей. Каждая новая часть начинается с первой главы, таким образом, первая часть содержит десять глав (в оригинале: 1 – 10), вторая – шесть глав (11 – 17), третья – пять глав (18 – 23), в четвертой части содержится четыре главы (24 – 27), пятая часть состоит из одиннадцати глав (28 – 38). Подобное деление текста достаточно необычно. Хотя в оригинале можно обнаружить определенное основание выделения первых двух частей: 11-ую главу Ш. Бронте начинает словами: «A new chapter in a novel is something like a new scene in a play» (83) (Новая глава в романе – это что-то похожее на новую сцену в пьесе).

Однако границы выделения остальных частей романа в переводе подобному объяснению не поддаются, подобное деление сложно объяснить содержательным аспектом. Переводчик делит текст, как бы разрывая цепочку событий, часто деление производится внутри одной сцены. Например, в конце второй части и в начале третьей описывается пребывание гостей в Торнфильде, в конце четвертой части и начале пятой приводится описание побега главной героини из Торнфильда после расстроившейся свадьбы. Возможно, подобное деление на части и начало каждой части с первой главы продиктовано тем, что издание перевода осуществлялось в разных выпусках журнала, и подобное деление структурировало его для того, чтобы читателю было проще ориентироваться внутри одного объемного произведения.

В содержательном плане роман претерпевает некоторые трансформации, но они не изменяют его сути, переводчик сохраняет все сюжетные линии произведения.

Часто И. И. Введенский не воспроизводит имена и фамилии известных личностей, писателей того времени, которые Шарлотта Бронте вводит в свое повествование. Например, в одном из эпизодов Джейн рассуждает о мудрости Соломона: «Well has Solomon said – “Better is a dinner of herbs where love is, than a stalled ox and hatred therewith”» (70) В переводе этого высказывания И. И. Введенский опускает имя мудреца: «Хорошо сказал древний мудрец: “Лучше обед из трав, приправленный любовью, чем откормленный вол и ненависть

внутри дома”»¹. Подобные пропуски могут быть продиктованы тем, что переводчик пытался приспособить текст к восприятию самого широкого круга читателя. Этим же обстоятельством, на наш взгляд, продиктована замена английских имен русскими, например, Hellen – Елена, Barbara – Варвара.

Однако в переводе И. И. Введенского присутствуют и более значительные трансформации. Иногда переводчик опускает рассуждения героини, которые важны как для понимания ее натуры, характера, так и для проблематики романа в целом. Например, в оригинальном тексте содержится внутренний монолог героини о роли женщины в обществе, о том, что женщина может и должна отстаивать свои интересы, что она имеет равные права с мужчинами: «Women are supposed to be very calm generally: but women feel just as men feel; they need exercise for their faculties and a field for their efforts as much as their brothers do» (95 – 96) (Предполагается, что женщины должны быть тихими; но женщины чувствуют точно так же, как и мужчины, и им нужно практиковаться в своих умениях, они нуждаются в поле деятельности для своих возможностей точно так же, как их братья). В переводе И. И. Введенского данное рассуждение, имеющее важное значение для романа, поскольку в нем ставится вопрос о женском равноправии, о равенстве женщины с мужчиной, отсутствует. Возможно, переводчик полагал, что русское общество пока еще недостаточно готово для восприятия такой острой постановки вопроса о женской эмансипации.

Также в своем переводе И. И. Введенский сокращает фрагменты, посвященные религиозной тематике. Одним из ярких примеров этого является монолог мистера Рочестера, в котором он рассказывает Джейн Эйр о Боге, о том, как он почти лишился веры, но как понял и принял смирение. Этот довольно объемный, эмоциональный, полный религиозного смысла отрывок И. И. Введенский полностью исключает из перевода.

---

¹ Дженни Эйр: перевод с английского И. И. Введенского. С. 233.

В заключительной части романа переводчик значительно сократил эпизод, в котором Джейн Эйр рассказывает о дальнейшей судьбе Сент-Джона. Вместо двух абзацев в оригинальной версии произведения, И. И. Введенский ограничивается двумя предложениями. По нашему мнению, такой подход противоречит позиции автора. Шарлотта Бронте, заканчивая свое произведение рассуждениями религиозного характера о Сент-Джоне, указывает на то, что этому персонажу и религиозной тематике в целом отведено в повествовании романа одно из важнейших мест.

Перевод романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в исполнении И. И. Введенского достаточно полон. И. И. Введенский не всегда воспроизводит текст подлинника достоверно, иногда прибегает к описательному переводу, иногда перефразирует авторские предложения, в некоторых местах вставляет прямую речь вместо повествовательных предложений писательницы, и т. д. Однако, в целом, переводчик максимально воспроизводит диалоги и монологи героев, авторское описание природы и погодных явлений, что сохраняет индивидуальный стиль автора. И. И. Введенский пытается сделать перевод доступным русскому читателю, иногда прибегая к приему буквального перевода; например, название усадьбы, где жили Сент-Джон с сестрами, у И. И. Введенского переведено дословно: «Козье болото»¹; оригинальное название усадьбы: «Moog House».

В целом же, можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые неточности и пропуски, перевод романа «Джейн Эйр» на русский язык, выполненный И. И. Введенским, достаточно полно передавал содержание оригинального произведения, его повествовательную структуру, а также индивидуальный стиль автора.

В 1850 г. выходит очередной пересказ романа с элементами перевода анонимного автора под названием «Джен Эйр, роман Коррер Белля». Здесь приводится краткое изложение содержания романа и анализ произведения,

---

¹ Дженни Эйр: перевод с английского И. И. Введенского. С. 263.

включающий в себя несколько замечаний о художественных образах. В случае с данным вариантом переложения романа не представляется возможным проследить степень сохранения переводчиком повествовательных особенностей оригинала. Повествование ведется от третьего лица, представлено в форме пересказа событий произведения. Элементы перевода в данном переложении достаточно кратки, автор ограничивается переводом нескольких предложений из разных фрагментов произведения. Так, например, переведена часть диалога между мистером Рочестером и Джейн Эйр:

« – Вы наблюдаете меня, мисс Эйр: не правда ли, я прекрасный мужчина?

– Нет, милостивый государь.

– Ба! Это однако ж, оригинально, чересчур оригинально!»¹

Следующим вариантом переложения романа на русский язык является также пересказ с элементами перевода «Дженни Эйр, или записки гувернантки», выполненный С. И. Кошлаковой и опубликованный в 1857 г. Сохранив жанровое указание, данное автором в оригинальном названии, переводчица адекватно воспроизводит название романа, определяя его повествовательную установку на документальность.

Данный перевод является, по сути, не переводом в современном понимании, а кратким переложением романа на русский язык, своеобразным пересказом. Такую позицию переводчика можно объяснить спецификой журнала, в котором он издан, - это журнал для путешествий.

Перевод выходит в трех томах, тома представляют собой три книги небольшого формата для удобства чтения в дорожных условиях.

Количество глав оригинала - 38, вариант перевода С. И. Кошлаковой содержит 27 глав. В первом томе читателю предлагается 9 глав (с 1 по 9), во втором – 7 (с 10 по 16), а в третьем – 11 (с 12 по 27).

Интересно деление текста на части с точки зрения содержания. Перевод романа размещен по томам таким образом, чтобы заинтересовать читателя

---

¹ Дженни Эйр, роман Коррер Белля // Современник. СПб., 1850. Т. 21. С. 32.

дальнейшими событиями произведения. Последняя глава каждого тома содержит описание какой-либо интересной и значимой сцены, которая требует своего продолжения и завершения, а для этого нужно прочесть следующий том. Например, первая книга оканчивается сценой визита цыганки в дом Рочестера, когда он принимает гостей. Эпизод интересен тем, что цыганкой, на самом деле, переодевается сам Рочестер и предсказывает девушкам-гостям их будущее. Том заканчивается сценой, когда к цыганке входит Джейн, и мистер Рочестер признается в своем карнавале. Подобное же мы находим и в переходе от второй к третьей части. Второй том заканчивается описанием того, как устраивается свадьба главных героев, а рассказ о том, как Джейн перенесла это, содержится в следующем томе.

Содержательно роман сильно сокращен, но сохранены все сюжетные линии. Фактически, это пересказ произведения с элементами частичного перевода некоторых эпизодов.

Подробно воспроизведены самые интересные и яркие сцены романа, которые организуют структуру произведения. Так, в переводе достаточно полно передана сцена из детства главной героини, когда ее несправедливо наказывают, закрывая в красной комнате покойного мистера Рида, в результате чего девочка получает сильнейшее душевное потрясение. Примером более точного перевода С. И. Кошлаковой может служить эпизод, в котором Джейн Эйр прощается со своей школьной подругой Еленой Бернс, засыпая в объятиях умирающей девочки.

Принципиально важной особенностью перевода С. И. Кошлаковой является организация его повествовательной структуры. С. И. Кошлакова ее полностью изменяет, заменяя повествование в форме письменной автобиографии главной героини, где она ведет диалог с абстрактным читателем, на рассказ в письмах, обращенный к конкретному лицу. На протяжении всего романа главная героиня обращается к некой Елизавете:

«Восемь лет провела я в Ловуде, милая Елизавета...»¹. Перевод С. И. Кошляковой стилизован под рассказ о жизни одного друга другому, переданный в письмах, что подтверждается уже в первых строках перевода: «Вы пишете, что очень хотели бы знать, какими крутыми путями...»² Начальная фраза перевода имитирует начало ответного письма; далее героиня, соглашаясь удовлетворить просьбу подруги, пишет: «я употреблю все свободные часы своей уединенной жизни <...> на описание всех подробностей своего существования»³.

Анализ перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в исполнении С. И. Кошляковой, показал, что перевод является кратким переложением романа на русский язык. Оригинальная организация повествования изменена; произведение в переводе представлено как письмо другу (подруге), в котором главная героиня изливает все свои чувства и переживания, рассказывая всю свою жизнь с самого детства.

В 1893 г. выходит перевод романа В. Д. Владимирова «Дженни Эйр, Ловудская сирота, роман – автобиография». Можно предположить, что этот перевод был обусловлен тем, что пришло время специального издания перевода романа отдельной книгой. Перевод был опубликован издательством Ледерле и Ко.

В анализируемом переводе сохраняется общее количество глав (оригинал - 38, перевод - 38), рамочная конструкция глав также сохранена.

В содержательном плане перевод сокращен, некоторые фрагменты текста переводчик удаляет из повествования. В. Д. Владимиров сокращает текст оригинала во многих фрагментах текста. При этом сокращения и опущения, произведенные переводчиком, не относятся к какой-либо определенной тематике, сюжетно не обусловлены. Например, он удаляет разговор между служанками, из которого Джейн Эйр узнает историю своих родителей; большее

---

¹ Дженни Эйр, или записки гувернантки // Библиотека для дач, пароходов и железных дорог. Собрание романов, повестей и рассказов новых и старых, оригинальных и переводных. СПб., 1857. Ч.1 С.26.

² Там же. С.5.

³ Там же. С. 5 – 6.

количество сокращений приходится на фрагменты, связанные с религиозной тематикой. Так, в переводе отсутствует часть диалога между главной героиней и ее подругой Хелен Бернс, в котором Хелен говорит о том, что нужно стремиться к смерти как к очищению души и к самому высшему благу.

Таким образом, перевод В. Д. Владимирова является сокращенным вариантом переложения романа на русский язык. В целом, данный перевод передает общий смысл романа, не исключает сюжетных линий, однако, оригинал предстает перед читателем в сокращенном и упрощенном виде.

Относительно повествовательной структуры перевода следует сказать, что основная направленность организации повествования – доверительный диалог главной героини с читателем – сохраняется. Однако, в некоторых фрагментах обращение к читателю опускается переводчиком: «Gentle reader, may you never feel what I then felt!» (254) (Благородный читатель, никогда не чувствуй того, что я чувствовала тогда!) В данном эпизоде Джейн описывает свои чувства в период сильного эмоционального переживания после ухода от своего любимого, но В. Д. Владимиров не только не воспроизводит это обращение к читателю, но опускает весь последний абзац 27 главы: «Когда я вошла со своим узелком в карету, лошади быстро помчались по дороге»; следующий абзац отсутствует¹. Напротив, при переводе заключительной части романа В. Д. Владимиров не просто сохраняет сами обращения, но и добавляет к ним собственные характеристики: «Мой дорогой читатель, я вышла замуж»²; оригинальный текст: «Reader, I married him» (349) (Читатель, я вышла за него замуж); «Вероятно, милый читатель, ты не забыл маленькую Адель?»; оригинальный текст: «You have not quite forgotten little Adèle, have you, reader?» (350) (Ты не совсем забыл маленькую Адель, читатель?).

---

¹ Бронте Ш. Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман – автобиография в 2-х частях. Пер. В. Д. Владимирова // Моя библиотека. СПб., 1893. С. 417.

² Там же. С. 587.

Таким образом, в переводе В. Д. Владимирова, несмотря на определенные пропуски, основная направленность перевода в плане повествовательных стратегий оригинала сохранена.

На основании обзорного анализа переводов произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр» в XIX в. русскими переводчиками можно сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые отступления от оригинального текста и неточности, допущенные переводчиками в силу различных индивидуальных особенностей и исторических обстоятельств, содержание и основная идея романа Ш. Бронте переводчиками XIX в., в целом, воспроизведены.

Что касается повествовательной структуры оригинального произведения, то здесь необходимо отметить, что все переводчики в XIX в., так или иначе, воспроизводят стиль повествования, основанный на доверительном, личном рассказе главной героини, в разной степени воспроизводят фрагменты авторского текста, связанные с описанием природы, погоды, интерьеров и пр., что является важным аспектом в определении индивидуального повествовательного стиля автора.

Из пяти вариантов переложения романа на русский язык только два из них (1849, 1850) не сохраняют оригинальный подзаголовок «автобиография». Остальные три перевода знакомят русского читателя с произведением как с принадлежащим автобиографическому жанру. Так «Джейн Эйр» в русской литературе XIX в. функционирует именно как автобиографический текст.

3.3. Специфика переводов романа «Джейн Эйр» XX в.

В России в XX в. роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» был переведен еще четыре раза. Такая популярность романа в XX в. объясняется, на наш взгляд, не только его оригинальным содержанием, но, в том числе, и его повествовательной структурой, оказавшейся актуальной для культуры и литературы XX в., во многом сосредоточенных на проблематике наррации.

Следует подчеркнуть, что в XX в. русский читатель знакомится с произведением Ш. Бронте «Джейн Эйр: автобиография» под названием «Джейн Эйр». Несмотря на присутствие в оригинальном названии подзаголовок «автобиография» и на то, что три варианта переводов XIX в. воспроизводят это авторское указание на жанровую природу произведения, в большинстве переводов XX в. этот подзаголовок отсутствует. Исключением является перевод 1901 г., в котором переводчик полностью воспроизводит оригинальное название. Но наиболее популярные среди читателей переводы (1950, 1990) представлены читателю с сокращенным названием «Джейн Эйр». Подобное название не дает отсылки к автобиографичности и документальности текста, изменяет оригинальную идею произведения.

Одной из причин такого сокращения авторского названия текста может быть то, что в XX в. и в Англии роман издавался без подзаголовка «автобиография». Определить, когда именно и почему издательства начали убирать подзаголовки, мы не можем, подобное исследование не является целью настоящей работы.

Первым в России XX в. стал перевод 1901 г., опубликованный в журнале «Юный читатель» под названием «Джэни Эйр, история моей жизни, Шарлоты Бронте. Сокращенный перевод с английского» без указания переводчика¹ (поэтому в настоящей работе данный перевод будет обозначаться «перевод 1901 г.» – Ю. Д.).

Перевод 1901 г. был опубликован в иллюстрированном научно-популярном журнале для семьи и школы «Юный читатель». Этот журнал появился в России в конце XIX в., его редактором – издателем сначала была Э. К. Пименова, затем – А. Я. Острогорская–Малкина. Большим успехом пользовалось приложение этого издания: ежемесячно выходившие отдельные книжки, в которых публиковались художественные произведения. «Юный

---

¹ Бронте Ш. Джэни Эйр история моей жизни. Шарлоты Бронте сокращенный перевод с английского // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. СПб., 1901. № 3 – 1 февраля, № 5 – 1 марта.

читатель» в России до 1917 г. был одним из немногих детских журналов, поэтому он пользовался большой популярностью.

Представляется, что общая стратегия перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» 1901 г. была обусловлена, в первую очередь, ориентацией на детскую и юношескую аудиторию – основных читателей журнала «Юный читатель».

Перевод 1901 г. содержит 35 глав, что на три главы меньше текста подлинника. Оригинальный текст романа состоит из 38 глав и не разделен на иные фрагменты. Автор перевода 1901 г. делит весь текст на две части. Каждая часть содержит несколько глав и начинается с первой главы. Первую часть романа в переводе 1901 г. составляют десять глав (с I главы по X главу оригинала). Вторая часть произведения содержит 25 глав (с I главы по XXV главу оригинала), первая глава во второй части перевода в оригинальном тексте является главой XI.

Анализ глав произведения показал, что первая часть перевода, т. е. первые десять глав, в целом соответствуют оригиналу. Для второй части перевода романа характерно частое отступление от авторской структуры текста. Первые четыре главы второй части перевода полностью совпадают с подлинником, далее по тексту отмечается значительное сокращение содержания романа. Если в первой части переводчик сохраняет границы (рамки) глав, то во второй части перевода они нарушены. Некоторые главы переводчик опускает полностью, например, главу IX оригинала, другие существенно сокращает – главы XVIII, XXXIII. Иногда одна глава переводного текста состоит из двух сокращенных глав оригинала, например, из XXVI и XXVII. Наконец, три последние главы романа воспроизведены наиболее полно. В результате количество глав романа в переводе сократилось с 38 до 35.

Что касается деления текста на две части, его можно соотнести с позицией самой Ш. Бронте, сформулированной в начале XI главы: «A new chapter in a novel is something like a new scene in a play» (83) (Новая глава в романе чем-то похожа на новую сцену в пьесе).

В результате этого текст перевода оказался поделенным на две части следующим образом: жизнь Джейн Эйр до и после приезда в Торнфильд, в дом мистера Рочестера. Такое структурирование текста перевода можно объяснить стремлением переводчика организовать текст романа более «прозрачно» и потому более понятно для юношеской читательской аудитории.

В переводе 1901 г. содержание романа передано достаточно подробно. Но часто переводчик использует прием описательного перевода, иногда сокращает довольно большие фрагменты текста. Как уже отмечалось выше, первая часть перевода содержит меньше сокращений и пропусков, чем вторая. До шестой главы переводчик не производит сокращений текста. После шестой главы пропуски становятся чаще и значительнее по размеру, иногда сокращения составляют объемные фрагменты внутри главы, а иногда и целые главы.

Для перевода 1901 г. характерно систематическое опускание или сокращение описания чувств героев и их ощущений в определенный момент или период их жизни. Рассуждения, внутренние монологи, диалоги на различные темы так же часто сокращены либо исключены.

Примером может являться внутренний монолог главной героини, ее рассуждения о предчувствиях. В оригинале этот эпизод занимает значительный фрагмент текста: «Presentiments are strange things! and so are sympathies; and so are signs; and the three combined make one mystery to which humanity has not yet found the key...» (177 – 178) (Предчувствия – странная вещь! Такая же как сочувствие; и такая как знаки, и соединенные втроем создают тайну, к которой человеческая природа еще не подобрала ключ). Однако, эти рассуждения не переданы в версии 1901 г., этот фрагмент оригинала полностью отсутствует в переводе: XI глава переводного текста (XXI глава оригинального текста – Ю.Д.) там, где должен быть этот фрагмент, начинается со слов: «На следующий день после обеда мне доложили, что кто-то хочет меня видеть»¹.

---

¹ Джэни Эйр история моей жизни.... С. 81.

Возможно, по мнению переводчика, подобные пространные диалоги и монологи могли затруднить понимание произведения юным читателем.

Помимо подобных опущений, переводчик версии романа 1901 г. не воспроизводит внутренние монологи главной героини, ее рассуждения, связанные с религиозной тематикой.

Причины такого значительного сокращения оригинального текста усматриваются в целевой направленности перевода.

Приведенные выше примеры сокращений и опущений в переводе не затрагивают сюжетных линий романа. Но есть в переводе сокращения, которые исключают несколько линий развития сюжета произведения.

В романе рассказывается о некоей Селине, матери маленькой Адель. Автор романа знакомит читателя с Селиной через рассказ самой девочки Адель, в другом фрагменте о ней говорит Рочестер. В переложении романа все реплики, относящиеся к этому персонажу (Селине), удалены, таким образом, переводчик полностью исключает героиню и связанную с ней сюжетную линию из текста перевода. Селина – женщина средних лет, парижская певица, которая всегда жила на содержании богатых мужчин. В одной из сцен романа мистер Рочестер рассказывает историю о Селине, в которой она предстает падшей женщиной. И этот персонаж исключен повествования, предназначенного для читателя – подростка.

В XVIII и XIX главах в оригинальном тексте содержится рассказ о цыганке-гадалке, который отсутствует в переводе.

Нет в переложении романа целой главы (оригинал - глава XXVII), в которой состоялся разговор Рочестера и Джейн Эйр после их расстроеной свадьбы. Отсутствие этой главы в переводе затрудняет понимание сложившейся ситуации и искажает истинную сущность и характер героев, в данном случае, мистера Рочестера. Из-за того, что в переводе не передан разговор между влюбленными, мистер Рочестер предстает здесь человеком черствым и глухим к страданиям Джейн. Однако в оригинале все было иначе: мистер Рочестер сделал все, чтобы поговорить с Джейн после случившегося.

Переводчик не включает в свою работу всю историю отношений Джейн Эйр и Сент-Джона, не воспроизводит серьезный диалог между ними. Сент-Джон делает предложение Джейн Эйр, у них происходит длительная дискуссия на серьезную религиозную тему, во время которой Джейн Эйр подвергает сомнению некоторые религиозные и моральные догмы. Делая Джейн Эйр предложение, Сент-Джон выражает свои представления о браке, который, с его точки зрения, должен основываться не на любви, а условиях общей договоренности.

Наконец, переводной текст не воспроизводит рассказ о том, что Джейн Эйр нашла своих родственников.

На наш взгляд, подобные сокращения разрушают целостность того художественного мира романа, который хотела донести до читателя Ш. Бронте.

На протяжении всего повествования в этом переводе вниманию читателя предлагаются пояснения и уточнения некоторых реалий английской культуры, упоминающихся в романе. Например: «Because fifteen pounds is not enough...» (51) (Потому что пятнадцать фунтов не достаточно) - «15 фунтов стерлингов (150 руб.)»¹.

В других случаях переводчик заменяет реалии оригинала русскими вариантами, например, холл – сени, мисс – барыня. Имена собственные в переводном тексте также заменены русскими именами, близкими по звучанию, например, Элен – Елена, Джулия – Юлия, Барбара – Варвара.

Безусловно, подобные пояснения даны в переводе для облегчения понимания текста юным читателем, который может не знать определенные реалии английской культуры.

В целом, перевод 1901 г. передает содержание романа в общих чертах, переводчик максимально приближает текст к реалиям русской культуры, адаптирует его для русского читателя с учетом возрастной категории реципиента.

---

¹ Джэни Эйр история моей жизни... С. 59.

В 1950 г. появляется перевод произведения в исполнении В. О. Станевич. Этот вариант является самой популярной версией романа в России. Появившись в середине XX в., он остается актуальным и сейчас. Данный перевод, отвечающий многим аспектам современной теории перевода, можно считать первым адекватным русскоязычным вариантом произведения, по сравнению со всеми предыдущими версиями.

Количество глав переводного текста соответствует оригиналу. Рамочная конструкция глав не нарушена, переводчик точно следует за автором. В данном переложении романа на русский язык сохранен индивидуальный стиль автора, нет сокращений описания природы, диалогов и монологов героев, сохраняются все сюжетные линии оригинального произведения.

Тем не менее, в переводе имеется большое количество купюр, и большинство сокращений связано с религиозной проблематикой.

Одним из самых ярких примеров подобных сокращений является финальный фрагмент переводного текста. В. О. Станевич заканчивает перевод романа фразой: «Господь призвал к себе своего неутомимого и верного слугу»¹. Однако, в оригинальном тексте эта фраза не является последней, переводчик выпускает несколько заключительных высказываний, в которых передана прямая речь Сент-Джона из письма к Джейн: «"My Master," he says, "has forewarned me. Daily he announces more distinctly, - "Surely I come quickly!" and hourly I more eagerly respond, - "Amen; even so come, Lord Jesus!"» (351) (Мой Творец, говорит он, предупредил меня. Ежедневно он сообщает более ясно: «Непременно я приду скоро!» И ежечасно я более пылко отвечаю: «Аминь, так приди, Господь Иисус!»).

Другим примером пропусков, связанных с темой религии, служит диалог между главной героиней Джейн Эйр и ее подругой в Ловудской школе Хелен Бернс. Разговор, посвященный теме христианского прощения своих обидчиков, переводчик включает в свое повествование, но опускает высказывание Хелен

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. М., 2008. С. 508.

Бернс, в котором девочка говорит о том, что все должны стремиться к смерти как к очищению души и совершенству: «...perhaps again to be communicated to some being higher than man – perhaps to pass through gradations of glory, from the pale human soul to brighten to the seraph!» (57) (возможно быть в контакте с каким-либо высшим существом – возможно преобразиться из бледной человеческой души в сияющего серафима).

Еще одной чертой перевода В. О. Станевич является то, что, говоря о религии, переводчик передает смысл высказывания в более общей форме, нивелируя эмоциональную силу подобных высказываний. Например, в том же диалоге с Хелен Бернс: «Read the New Testament, and observe what Christ says, and how He acts; make His word your rule, and His conduct your example» (57) (Прочти Новый Завет и обрати внимание на то, что говорит Христос, как он поступает, сделай его слова своим правилом, его поведение – примером для себя). В своем переводе В. О. Станевич не передает всю экспрессию данного высказывания, несколько упрощая его: «Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает»¹.

Так, сохраняя все сюжетные линии и общий смысл оригинального произведения, перевод В. О. Станевич, на наш взгляд, лишен экспрессии оригинального текста, связанной с религиозной проблематикой, которой Шарлотта Бронте отводит важное место. Очевидно, что данная особенность этого перевода обусловлена спецификой советской культуры середины XX в.

В 1990 г. очередной перевод романа «Джейн Эйр» выходит в трехтомном собрании сочинений сестер Бронте, где о нем сказано следующее: «перевод В. Станевич (пропуски в тексте восстановлены И. Гуровой)». Ввиду того, что данный перевод носит такой переходный, промежуточный характер, мы сознательно оставляем его за рамками настоящего исследования.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 72.

Но в том же 1990 г. вышел последний, к настоящему моменту, перевод романа, выполненный И. Г. Гуровой. Это самая полная версия романа без пропусков и сокращений.

Однако некоторые переводческие решения И. Г. Гуровой представляются не совсем адекватными английской культуре XIX в.

Например, обращения главной героини к мистеру Рочестеру. В оригинальном тексте Джейн Эйр употребляет слова «Sir» либо «Master»: «Hope of what, sir?» (112), «No, sir, not on that ground;» (114) (Надежда на что, сэр? Нет, сэр, не по этой причине). Русскими соответствиями для слов «Sir» и «Master» являются «сэр», «хозяин», «господин». В своем же переводе И. Г. Гурова использует обращение «патрон»: «Are you up? asked the voice I expected to hear viz., my master's» (168) (Вы встали? - спросил голос, который я ожидала услышать, то есть голос моего хозяина),

Перевод И. Г. Гуровой: «Вы не спите? – спросил голос, который я ожидала услышать, то есть голос моего патрона»¹.

В контексте романа, на наш взгляд, данное существительное не совсем уместно, оно нарушает художественное единство текста.

Также переводчик и иногда искажает реалии английской культуры, заменяя их русскими. Например, выражение «On Midsummer-eve...» (198) переведено следующим образом: «В конце Иванова дня...»². В оригинальном тексте день назван «Midsummer-eve», «канун дня святого Джона». Однако переводчик заменяет эту реалию английской культуры русской. Иванов День в русской культуре – это день «Иван Купала, день Рождества Иоанна Предтечи (24 июня/7 июля), день летнего солнцестояния <...> один из основных народных праздников, объединивший в себе элементы христианского мировоззрения и остатки древних языческих ритуалов»³. В Англии же этот праздник называется день Иоанна Крестителя, или день святого Джона: «24

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. М., 2003. С. 228.

² Там же. С. 269.

³ Энциклопедии & словари (2009 – 2015): коллекция энциклопедий и словарей [Электронный ресурс] – URL: http://enc-dic.com/enc_rus/Ivanov-den-214.html (дата обращения: 04.03.2015).

июня, Рождество св. Иоанна Крестителя (католический). Праздник, популярный у всех католиков, отмечается в день рождества св. Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча) <...> Это день летнего солнцестояния, праздник, связанный с солнечным культом. Отличительная черта дня св. Иоанна (Сен-Жана, Сен-Хуана) - огни, костры, фейерверки, зажигаемые не только в деревнях, но и на площадях больших городов»¹.

Но, несмотря на подобные нюансы, данный перевод отвечает принципам современной теории перевода, передает содержание оригинального произведения, индивидуальный стиль и позицию автора.

3.4. Переводы романа «Джейн Эйр» XX в. в аспекте проблемы повествования

В повествовательной стратегии Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр» мы выделяем три аспекта: общую структуру повествования, позицию нарратора и типы повествователей, роль описательных фрагментов (описание природы, архитектуры, интерьера и др.).

Повествование в романе сочетает в себе эксплицитного и имплицитного нарратора. В этом контексте необходимо специально рассматривать вопросы, связанные с построением «образа говорящего или пишущего лица в литературном творчестве»².

Оригинальная идея повествования в романе состоит в том, что героиня пишет автобиографию, т. е. рассказывает историю своей жизни. Соответственно, все повествование организовано от первого лица. Так, эксплицитный нарратор выражен в грамматических формах первого лица. Все русскоязычные переводы XX в. полностью воспроизводят эту повествовательную особенность.

---

¹ Праздники Великобритании [Электронный ресурс] – URL: <http://www.2uk.ru/holidays/holid14> (дата обращения: 04.03.2015).

² Виноградов В. В. О языке художественной прозы. С. 76.

«I jumped up, took my muff and umbrella...» (84) (Я подскочила, взяла мою муфту и зонт).

Перевод В. О. Станевич: «Я вскочила, взяла свою муфту, зонтик...»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Я вскочила, схватила со столика муфточку с зонтиком...»².

«I judged by your countenance, sir...» (116) (Я судила по выражению вашего лица, сэр).

Перевод В. О. Станевич: «Я сужу по выражению вашего лица, сэр»³.

Перевод И. Г. Гуровой: «Я судила по выражению вашего лица, сэр»⁴.

«After supper he began to ask me many questions...» (340) (После ужина он начал задавать мне много вопросов).

Перевод В. О. Станевич: «После ужина он без конца расспрашивал меня...»⁵.

Перевод И. Г. Гуровой: «После ужина он засыпал меня вопросами...»⁶.

В переводе 1901 г. также сохранена форма повествования от первого лица: «Я надеюсь»⁷, «...я вышла за него...»⁸ и др.

Во всех трех вариантах перевода авторский стиль повествования от первого лица сохранен, в речи героини употребляется форма глагола и личные местоимения первого лица единственного числа: «я», «меня», «мне», «встала», «судила» и т. д. Несмотря на отсутствие самопрезентации эксплицитного нарратора, данную в оригинальном названии, во всех переводах XX в. образ эксплицитного нарратора сохранен.

Наряду с эксплицитным, в романе выражен и имплицитный нарратор.

Имплицитный нарратор в романе выражен, прежде всего, в многочисленных обращениях героини к читателю.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 111.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С.109.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 159.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 155.

⁵ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 491.

⁶ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 467.

⁷ Бронте Ш. Джэни Эйр история моей жизни... С. 232.

⁸ Там же.

«Now, I didn't like this reader» (306) (Теперь мне это не нравилось, читатель).

«Reader, though I look comfortably accommodated...» (83) (Читатель, хотя я выгляжу уютно устроившейся).

«Gentle reader, may you never feel what I then felt!» (254) (Добрый/благородный читатель, желаю тебе никогда не чувствовать того, что чувствовала я тогда).

Представляется, что здесь в произведении возникает образ автора, самой Шарлотты Бронте. Слияние двух образов, Шарлотты Бронте – реального писателя и Джейн Эйр – вымышленного персонажа, происходит в момент обращения к читателю. Существительное «читатель», которое употребляет сама Шарлотта в предисловии к роману и Джейн в своем рассказе является, на наш взгляд, тем повествовательным элементом, в котором эти две повествовательные позиции сливаются воедино. Подобная конструкция нарратива вызывает особый исследовательский интерес: часто в художественном произведении образ реального автора - «это образ, складывающийся или созданный из основных черт творчества поэта»¹. Но в случае с повествованием в романе Ш. Бронте писательница обнаруживает себя в прямом (словесном) выражении, хотя и не присутствует в тексте.

Во всех текстах русскоязычных версий романа XX в. сохраняется форма диалога с читателем, однако, при этом имеется ряд различий, что влечет за собой несколько разное прочтение романа в русской культуре.

Например, для перевода 1901 г. характерно количественное сокращение прямого обращения героини к читателю. Здесь способ взаимодействия автора с читателем в виде диалога почти не отражен. На протяжении всего текста большинство прямых обращений к читателю опущены, такие обращения сохранены только в заключительной части романа:

---

¹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. С. 130.

«Я надеюсь, ты помнишь, читатель, маленькую Адель?»¹

«Дорогой читатель, я вышла за него замуж»²; и др.

Изъятие обращения к читателю значительно изменяет повествовательную структуру оригинального произведения, в переводе не передается в полной мере ощущение доверительного диалога с читателем, который ведет главная героиня, трансформируется оригинальная повествовательная структура, утрачивая выраженность имплицитного нарратора.

Можно предположить, что причиной этих трансформаций стала специфика данного перевода. В оригинальном тексте автор ведет диалог с читателем – взрослым человеком, поэтому переводчик, адаптируя текст для читателя – ребенка, не сохраняет данных прямых к нему обращений.

Переводы В. О. Станевич и И. Г. Гуровой различаются стилистическими особенностями оформления обращений к читателю, что влияет на организацию повествования в двух переводах.

Оригинальный текст предполагает дружеское расположение читателя к героине, потому что Джейн рассказывает не только события, происходящие с ней, но и доверяет читателю свои сокровенные мысли и чувства:

«... and when I draw up the curtain this time, reader, you must fancy...» (83) (и когда я подниму занавеску/штору/занавес в этот раз, читатель, ты должен вообразить).

Перевод В. О. Станевич: «И когда я на этот раз отдерну перед тобой занавес, читатель, вообрази...»³.

Перевод И. Г. Гуровой: «И когда, читатель, я подниму занавес на этот раз, вы должны вообразить...»⁴.

В переводе В. О. Станевич героиня обращается к читателю в более неформальном, доверительном стиле «читатель, вообрази», создается впечатление дружеского диалога. В тексте И. Г. Гуровой обращение более

---

¹ Бронте Ш. Джэни Эйр история моей жизни... С. 232.

² Там же.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 110.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 108.

официальное: «читатель, вы должны вообразить»; тем самым переводчик создает определенную дистанцию между героиней и читателем, утрачивается доверительный тон, нивелируется интимность общения.

Однако, в других эпизодах произведения, особенно в заключительных главах, позиции переводчиков меняются, и уже перевод В. О. Станевич приобретает более формальный стиль диалога с читателем.

«I have told you, reader, that...» (151) (Я говорила тебе, читатель, что).

Перевод В. О. Станевич: «Я уже говорила вам, читатель, что...»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Я уже призналась тебе, читатель, что...»².

До конца произведения подобная стратегия передачи стиля обращений сохраняется в обоих переводах.

«...will you think, reader...» (152) (Подумаешь ты, читатель).

Перевод В. О. Станевич: «...скажете вы, читатель...»³.

Перевод И. Г. Гуровой: «...как подумаешь ты, читатель...»⁴.

«Perhaps you think I had forgotten Mr Rochester, reader...» (311) (Возможно, ты думаешь, что я забыла мистера Рочестера, читатель).

Перевод В. О. Станевич: «Быть может, вы думаете, читатель, <...> я забыла мистера Рочестера?»⁵

Перевод И. Г. Гуровой: «Быть может, читатель, ты решил <...> я забыла мистера Рочестера?»⁶

«And, reader, do you think...» (335) (И ты думаешь, читатель).

Перевод В. О. Станевич: «Может быть, вы думаете, читатель...»⁷.

Перевод И. Г. Гуровой: «Читатель, не думаешь ли ты...»⁸.

Возможно, И. Г. Гурова, перейдя в своем переводе от официального стиля обращений к читателю на «вы» к непринужденному диалогу с ним на «ты»,

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 211.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 205.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 211.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 205.

⁵ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 449.

⁶ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 428.

⁷ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 485.

⁸ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 461.

демонстрирует динамику отношения главной героини к читателю. Чем дальше Джейн рассказывает, тем больше она начинает доверять «собеседнику», возможно, поэтому в переводе все последующие обращения заменены на более дружеский и непринужденный стиль.

По поводу перевода В. О. Станевич трудно предположить причины, по которым переводчик в различных эпизодах изменяет стиль обращений; возможно, В. О. Станевич вообще не занималась проработкой данного аспекта повествования.

Несмотря на подобные неточности, оба перевода в полной мере передают авторский замысел присутствия эксплицитного и имплицитного нарраторов, приближая текст к автобиографическому письму.

Еще одним важным аспектом анализа русскоязычных переводов романа в контексте его повествовательной структуры является тот формат произведения, который был указан Ш. Бронте в подзаголовке, – «автобиография». Соответственно, в тексте есть элементы, характерные для автобиографического текста.

Например, первый абзац 10 главы романа. Свое повествование в начале этой главы Джейн начинает со следующих пояснений: «Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence: to the first ten years of my life I have given almost as many chapters. But this is not be a regular autobiography: I am only bound to invoke Memory where I know her responses will possess some degree of interest; therefore I now pass a space of eight years almost in silence: a few lines only are necessary to keep up the links of connection» (75 – 76) (До этого времени я записала в деталях события моего малозначительного существования: первым десяти годам своей жизни я отдала почти столько же глав. Но это не регулярная/ стандартная/ обычная биография: я только ограничиваюсь просить мою память тогда, когда я знаю, что ее отклик будет обладать какой-либо степенью интереса; по этой причине сейчас я пропущу промежуток восьми лет моей жизни почти в полном молчании: необходимо только несколько строчек чтобы сохранить связь).

В этом абзаце автор сам уточняет, что это «autobiography», «автобиография», но не простое записывание всех событий жизни, «this is not be a regular autobiography», рассказ будет состоять только из фактов, которые могут быть интересны: «will possess some degree of interest». Другим подтверждением этого же является присутствие в тексте таких слов, как «chapter» (глава), «to record» (записывать), «line» (строка).

Однако, не всегда переводчики сохраняют подобные указания на жанровую принадлежность текста. Например, В. О. Станевич заменяет глагол «to record» (записывать/фиксировать какие-либо факты в письменной форме) глаголом «описывать»: «До сих пор я описывала события...»¹. Слово «описывать» в русском языке может в равной степени ассоциироваться как с устным рассказом, так и с письменной речью. В переводе в полной мере не отражено то, что главная героиня не просто описывает события своей жизни, но именно записывает их.

Перевод в исполнении И. Г. Гуровой еще больше искажает смысл этого высказывания: «До сих пор я <...> рассказывала о событиях...»². Переводчик заменяет глагол «to record» (записывать) глаголом «рассказывать». В данном варианте перевода авторский замысел письменного фиксирования героиней событий своей жизни нивелируется, употреблением глагола «рассказывать» переводчик создает иллюзию устного рассказа героини.

Несмотря на это, слово «chapter» (глава) и «line» (строка) сохраняются в обоих переводах: В. О. Станевич: «...почти столько же глав <...> достаточно будет нескольких строк»³, И. Г. Гурова: «...почти такое же количество глав <...> несколько строчек будут достаточным связующим звеном»⁴. Здесь В. О. Станевич наиболее полно отражает смысловую коннотацию глагола «записывать», сохраняя авторский замысел.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 98.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 98.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 98 – 99.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 98

В XI главе также присутствует указание на жанровую принадлежность произведения: «A new chapter in a novel is something like a new scene in a play...» (83) (Новая глава в романе это что-то похожее на новую сцену в пьесе).

Оба перевода точно передают оригинал.

Перевод В. О. Станевич: «Новая глава романа похожа на новое действие в пьесе»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Новая глава в романе похожа на новую сцену в пьесе»².

В последней главе романа также находится прямое указание на то, что весь рассказ Джейн – это письменно оформленный текст: «My tale draws to its close: one word respecting my experience of married life, and one brief glance at the fortunes of those whose names have most frequently recurred in this narrative, and I have done». (Мой рассказ/история/повесть подошла к завершению: одно слово, касающееся моего опыта семейной жизни и один короткий взгляд на судьбы тех, чьи имена чаще всего повторялись в этом рассказе/повести/изложении событий/повествовании, и я закончила).

Слова и фразы: «tale» (рассказ/история/повесть), «narrative» (рассказ/повесть/изложение), «my tale draws to its close» (мой рассказ заканчивается), «I have done» (я закончила) отсылают к образу писателя, заканчивающего свое произведение, в данном случае, автобиографию.

Оба перевода сохраняют данный смысл.

Перевод В. О. Станевич: «Моя повесть подходит к концу»³.

Перевод И. Г. Гуровой: «Моя повесть приближается к концу»⁴.

Еще одной жанровой особенностью произведения как автобиографического романа является постоянная фиксация героиней времени, хронологии. В оригинальном тексте произведения присутствует большое количество точных дат, обозначений времени суток или времени года.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 110.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 108.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 506.

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 481.

Самое начало романа: «There was no possibility of taking a walk that day» (19) (Не было возможности предпринять прогулку в тот день). Уточнением в приведенном примере является «that day» (тот день). Далее приведены месяцы: «November, December, and half of January passed away» (34) (Ноябрь, декабрь и половина января прошли).

Пример использования точной даты: «It was the fifteenth of January...» (35) (Было пятнадцатое января). Часто героиня уточняет время суток: «But the morning passed just as usual...» (127) (Но утро прошло просто как обычно).

Все подобные пояснения и уточнения переданы в обоих переводах в полной мере.

В целом, можно заключить, что, имея некоторые индивидуальные особенности, все три текста русскоязычных версий романа XX в. сохраняют форму диалога с читателем и жанровую принадлежность текста к автобиографии.

Третьей важной особенностью структуры повествования является описание природы, погоды, интерьера, картин и пр. Важность сохранения данной повествовательной стратегии текста оригинала заключается в том, что часто это значимый элемент для понимания настроения, эмоционального состояния, чувств героев и т. д.

Описание своего несчастливого детства в начале романа Джейн Эйр начинается с соответствующего описания погоды: «...the cold winter wind had brought with it clouds so somber, and a rain so penetrating, that further outdoor exercise was now out of the question» (19) (холодный зимний ветер принес с собой такие хмурые тучи и такой пронизывающий дождь, что о дальнейших занятиях на воздухе не могло быть и речи). Радостному настроению Джейн Эйр в одном из эпизодов романа соответствует и пейзаж: «... lovely spring morning <...> the sun was just entering the dappled east, and his light illumined the wreathed and dewy orchard trees and shone down the quite walks under them» (174 – 175) (прекрасное весеннее утро <...> солнце только всходило на пестром востоке и

его свет озарил обвитые и покрытые росой деревья яблоневого сада и осветило тихие дорожки под ними).

В переводе 1901 г. часто такие описания опущены, а в случае их воспроизведения переводчик использует прием описательного перевода, значительно сокращая подобные фрагменты текста. Поэтому сопоставительный анализ перевода и оригинала в данном случае становится невозможным.

В переводах В. О. Станевич и И. Г. Гуровой все описания сохранены. Например, рассказывая о наступлении вечера в день своего наказания в красной комнате Джейн говорит: «Daylight began to forsake the red-room; it was past four o'clock, and the beclouded afternoon was tending to drear twilight» (25) (Дневной свет начал покидать красную комнату, был пятый час, и облачный вечер клонился к печальным/ унылым сумеркам).

Перевод В. О. Станевич: «В красной комнате начинало темнеть; был пятый час, и свет тусклого облачного дня переходил в печальные сумерки»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Дневной свет мало-помалу прощался с Красной комнатой; время шло к половине пятого, и пасмурный день переходил в гнетущие сумерки»².

В приведенном фрагменте Ш. Бронте, описывая наступления вечера, передает настроение главной героини. Фраза «daylight began to forsake the red-room» (дневной свет начал покидать красную комнату) может символизировать исчезающую надежду Джейн на справедливость; и оба перевода полностью передают это настроение. Коннотацию безысходности и грусти передают также выражения «beclouded afternoon», «drear twilight», что также отражено в обоих переводах.

Мрачная атмосфера приюта, куда приехала Джейн, передается в описаниях интерьера этого заведения. Описание столовой, в котором Джейн передает свое первое впечатление от приюта: «The refectory was a great, low-ceiled, gloomy room...» (47) (Столовая была большая, с низким потолком,

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 25.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 29.

темная/мрачная комната). Настроение угнетенности здесь передано словами «low-ceiled» (с низким потолком) и «gloomy» (тёмный, мрачный).

В обоих переводах сохранена атмосфера мрачности.

Перевод В. О. Станевич: «Столовая была большая, низкая, угрюмая комната»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Столовая оказалась огромной мрачной комнатой с низким потолком»².

Прилагательное «gloomy» переведено В. О. Станевич прилагательным «угрюмый», которое больше ассоциируется с характеристикой человека. Для своего описания комнаты И. Г. Гурова выбирает слово «мрачный», и словосочетание «мрачная комната» более органично, на наш взгляд, для описания интерьера.

Следующий пример демонстрирует связь описания пейзажа и эмоционального состояния главной героини, когда она решается найти работу и уехать из приюта: «I went to my window, opened it and looked out. There were the two wings of the building; there was the garden; there were the skirts of Lowood; there was the hilly horizon. My eye passed all other objects to rest on those most remote, the blue peaks; it was those I longed to surmount; all within their boundary of rock and heath seemed prison-ground, exile limits...» (77) (Я подошла к моему окну, открыла его и посмотрела из него. Там были два крыла здания, сад, границы Ловуда, холмистый горизонт. Мои глаза пропустили все другие предметы, чтобы остановиться на тех, которые больше всех удалены; синие вершины, это были те, которые мне страстно хотелось преодолеть, все в пределах их скалистых границ казалось тюремным участком, границами ссылки).

Горизонт, описанный автором, синие вершины – все это олицетворяет свободу и новые жизненные перспективы для главной героини.

Оба переводчика сохраняют это настроение героини.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 58.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 59.

Перевод В. О. Станевич: «Я подошла к окну и открыла его. Вот они, оба крыла столь знакомого мне дома; вот и сад; вон границы Ловуда, а дальше – гористый горизонт... Мои глаза миновали все остальное и остановились на самом дальнем – на голубых вершинах: через них хотелось мне перебраться. Все заключенное в пределах этих скал и пустынных лесов показалось мне тюрьмой»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Я подошла к окну, открыла его и выглянула наружу. Вот два крыла здания, вот сад, вот ограда Ловуда, вот холмистый горизонт. Мой взгляд скользнул мимо всего и остановился на самых дальних голубых вершинах: меня снедало желание преодолеть их. Все в пределах их валунов и вереска казалось тюремным двором и местом ссылки»².

В тексте романа мы встречаем детальные описания картин, комментарии к ним героев, техники рисования и пр.

В 13 главе Джейн описывает свои картины, уделяя особое внимание профессиональным художественным приемам: «These pictures were in water-colours. <...> all the distance was in eclipse; so, too, was the foreground...» (107) (Эти картины были в акварели. Все пространство было в затмении/мраке также как и передний план).

«... a gold bracelet set with gems, that I had touched with as brilliant tints as my palette could yield, and as glittering distinctness as my pencil could impart» (107) (Золотой браслет, украшенный драгоценными камнями, который я тронула блестящими красками, насколько мне позволила моя палитра и придала блистающую четкость на сколько мог позволить мой карандаш).

«... was a woman's shape to the bust, portrayed in tints as dusk and soft as I could combine» (108) (был портрет женской фигуры по грудь в красках таких темных и таких мягких, какие только я могла соединить).

Ключевыми словами в приведенных примерах для понимания смысла высказывания являются pictures, water-colours, foreground, tints, palette, pencil,

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 101.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 100.

portrayed, combine (tints). Оба перевода полностью воспроизводят выраженного таким образом имплицитного нарратора.

В переводе 1901 г. данный фрагмент описания картин полностью удален переводчиком, таким образом, нарушена оригинальная организация повествования. В двух других русскоязычных переводах данная особенность повествования передана, оба перевода воспроизводят художественную тематику высказываний.

Перевод В. О. Станевич: «Рисунки были сделаны акварелью <...> проступал передний план <...> браслет с драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую могла извлечь из своей палитры, и всю ту выпуклость и четкость, на которую был способен мой карандаш. <...> со всей той мягкостью и воздушностью, какую только я могла ей придать, я набросала фигуру женщины, видную по пояс»¹.

Перевод И. Г. Гуровой: «Это были акварели <...> даль тонула в сумраке, впрочем как и передний план <...> золотой браслет, усаженный драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую сумела извлечь из своих красок, и всю ту выпуклую четкость, на какую была способна моя кисть. <...> женская голова и плечи, выписанные такими сумеречными и мягкими тонами, какие только мне удалось подобрать»².

Оба текста перевода сохраняют тонкости описания пейзажей, погоды, интерьеров, в обеих русскоязычных версиях романа передано настроение, эмоции и чувства героини, фоном для которых Ш. Бронте и делает подобные описания.

На основании результатов сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его трех русскоязычных переводов XX в. можно сделать вывод о том, что в переводе В. О. Станевич 1950 г. и в переводе И. Г. Гуровой 1990 г. повествовательные стратегии оригинального текста сохранены в полной мере. Исключением

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. С. 146.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 143.

являются некоторые неточности в аспекте организации предложений и выбранной лексики, что, тем не менее, не подвергает оригинальную повествовательную структуру внутри текста принципиальным изменениям. Однако существенным для восприятия общей идеи романа является факт удаления подзаголовка «автобиография» из названия этих переводов.

Что касается перевода 1901 г., следует отметить, что переводчик, сохраняя оригинальное название и общий смысл повествования – диалог с читателем, производит в тексте перевода значительные сокращения, которые существенно трансформируют авторскую конструкцию нарратива.

Итак, особенности и закономерности вхождения романа «Джейн Эйр» в русскую литературу были обусловлены спецификой каждого периода рецепции творчества писательницы. В XIX в. роман становится популярным на фоне актуализации женского вопроса; в середине XX в. новые переводы произведения свидетельствуют о новой эпохе популярности романа в контексте прозы, организованной как рассказ человека о самом себе, о своей жизни и судьбе. На рубеже XX- XXI вв. роман Ш. Бронте вновь востребован в русской литературе как популярный «женский» нарратив.

Для понимания специфики нарратива романа первостепенное значение имеет его оригинальное название «Jane Eyre. An Autobiography». Это авторское определение жанра обусловило характер всего произведения. В XIX в. произведение представлено пятью переводами, большинство из которых полностью передают авторское указание на жанр: «Дженни Ир: Автобиография» (1849), «Дженни Эйр, или записки гувернантки» (С. И. Кошлакова, 1857), «Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман – автобиография» (В. Д. Владимиров, 1893). В трех из четырех переводов XX в. подзаголовок «автобиография» исчезает. Но, несмотря на это, в русской литературе XX в. полностью переданы особенности нарративной структуры оригинального текста.

ГЛАВА 4. РОМАН Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» В РОССИИ XX – XXI ВВ.

4.1. Особенности повествования в романе «Грозовой перевал»

Эмили – средняя из сестер Бронте, она написала свой единственный роман «Грозовой перевал», который стал сегодня одним из лучших романов мировой классики.

Эмили Бронте большую часть своей жизни провела в доме отца Патрика Бронте. Она не любила уезжать из дома; в Йоркшире, окруженном безлюдной местностью и вересковыми пустошами, Эмили чувствовала себя хорошо и спокойно. По натуре своей она была нелюдима, но, несмотря на внешнюю застенчивость, была сильной личностью, обладала богатой фантазией и, по мнению литературоведов, особым талантом: «Талант Эмили был чересчур оригинален, чересчур самобытен...»¹. «Даже Шарлотту, столь близкую Эмили, ошеломила и напугала исступленная страсть и смелость моральных устоев сестры»². В предисловии к роману «Грозовой перевал» Шарлотта пишет: «Создав яростные и беспощадные натуры, грешные и падшие создания вроде Хитклифа, Эрншо, Кэтрин, Эмили не ведала, что творила»³. «Роман Эмили Бронте при появлении своем возмущал весьма многих читателей яркостью красок в изображении порочных и исключительных характеров; другие же, напротив того, несмотря на выведенные в нем образы ужасных преступников, были увлечены и захвачены замечательным талантом автора»⁴.

В романе «Грозовой перевал» описывается история двух поколений двух семей: сначала - детство Кэтрин Эрншо, Хитклиффа и Изабеллы и Эдгара

---

¹ Петерсон О. Указ. соч. С. 201.

² Эти загадочные англичанки. С. 13.

³ Цит. по: Там же.

⁴ Петерсон О. Указ. соч. С. 186.

Линтонов, затем – их взрослая жизнь, рождение и жизнь их детей. Судьбы семей Эрншо и Линтонов тесно переплетаются между собой.

В центре романа – истории любви дочери хозяина дома Кэтрин Эрншо и приемного мальчика Хитклиффа. Кэтрин и Хитклифф детьми были неразлучны, и в дальнейшем эта детская любовь переросла в сильное чувство, которое владело главными героями всю их жизнь. Их любовь была крайне драматичной, она сопровождалась изменами, потерями, смертями, мстью, но по-прежнему оставалась непреодолимой. Их любви не могла помешать даже смерть: когда Кэтрин умирает, Хитклифф испытывает бесконечные муки, живя надеждой увидеть хотя бы призрак своей возлюбленной. В конце романа умирает и сам Хитклифф.

Важной эстетической особенностью романа Э. Бронте стала особая характерология героев. Его персонажи одержимы и ведомы всепоглощающими страстями. Человеческие чувства и переживания Э. Бронте описывает мастерски, экспрессивно и очень красочно, заставляет читателя сопереживать своим героям. Например, эпизод, в котором Хитклифф, обезумев от горя после смерти своей возлюбленной, идет ночью на кладбище и раскапывает могилу усопшей, настолько интенсивно пронизан поэтикой ужасного, что не может не вызвать соответствующих эмоций и у читателя.

Важное место в романе занимает тема религии. Э. Бронте определяет свое отношение к религии с помощью персонажа романа по имени Джозеф. Джозеф – пожилой человек, слуга в поместье «Грозовой перевал», он читает псалмы и молитвы, следит за религиозным воспитанием детей в доме, прививает детям понятия о моральных ценностях. Однако, писательница наделяет данного героя отрицательными чертами характера. По своей натуре Джозеф человек лицемерный и злой, так читателю предоставляется возможность самому судить о религиозном и моральном состоянии не только подрастающего поколения поместья, но и общества того времени в целом.

Повествовательная структура романа анализируется в трех аспектах: общая структура повествования, изображение нарратора и описания природы, погоды и пр.

«Грозовой перевал» отличает оригинальная организация романного повествования, которое ведется от лица нескольких героев-повествователей.

Здесь, в первую очередь, следует указать на стилизацию речи героев произведения, особенно тех персонажей, от лица которых организовано повествование в романе. Образ такого персонажа складывается не только из его роли в произведении и поведенческих особенностей, но, главным образом, из стиля его речи; здесь важным становится не просто, *что* он говорит, но то, *как* он это говорит. М. М. Бахтин, размышляя о ведущей роли стилизации речи повествователей в художественном произведении, отмечал, что рассказ повествователя может функционировать в различных формах, это может быть устная речь, письменная речь (например, письма или дневниковые записи). Такая чужая речь используется как особая точка зрения, позиция, с которой ведется повествование. Для автора, включающего в свое произведение рассказчика, важна не только его индивидуальная точка зрения на события и героев произведения, но более всего важна способность рассказчика созерцать и изображать то, что он видит.

Повествование в романе «Грозовой перевал» представляет сложную систему рассказчиков, в которой невозможно выделить одного повествователя, одну точку зрения.

В качестве основных рассказчиков в романе выступают арендатор «Мызы скворцов» мистер Локвуд и старая служанка Нэлли Дин, работавшая и в «Грозовом перевале», и на «Мызе скворцов». Об этом пишет, например, Маргарет Вилли: «... the author employs *two* narrators for different parts of her tale: Mr. Lockwood, and his housekeeper, Nelly Dean»¹ (автор привлекает *двух*

---

¹ Willy M. Op. cit. P. 16.

нарраторов для разных частей своего рассказа: мистера Локвуда и Нэлли Дин; курсив М. Вилли – Ю. Д.).

Помимо голосов двух основных рассказчиков, в произведении слышны голоса и других героев, в результате чего создается полифония текста. В основе полифонии художественного текста лежит, прежде всего, самостоятельность голосов героев, их сугубо индивидуальный взгляд на окружающий мир, не зависящий от авторского. Новатором в такой организации повествования, как известно, по мнению М. М. Бахтина, был Ф. М. Достоевский. На примере его произведений М. М. Бахтин раскрывает сущность полифонии художественного текста, показывая, что в произведениях Достоевского, в отличие от произведений других писателей, голоса всех персонажей самостоятельны. По мысли ученого, Достоевский создает художественные образы героев, которые существуют отдельно от автора – создателя этих образов: «... дело идет не об одном авторе-художнике, писавшем романы и повести, а о целом ряде философских выступлений нескольких авторов-мыслителей – Раскольников, Мышкина, Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого инквизитора и других»¹. Идеи Достоевского распадаются на множество часто противоречащих друг другу точек зрения, и в этом контексте важно отметить, что идеи самого Достоевского не всегда занимают лидирующую позицию.

В «Грозовом перевале» голосовая полифония создается при помощи голосов двух основных повествователей романа Нэлли Дин и мистера Локвуда и голосов других героев.

Это становится возможным за счет введения в повествование романа личных писем и дневниковых записей действующих лиц произведения.

Так, например, мы узнаем, что чувствует Изабелла после бракосочетания с Хитклиффом из ее личного письма к Нэлли Дин: «Inform Edgar that I'd give the world to see his face again – that my heart returned to Thrushcross Grange in twenty-four hours after I left it, and is there at this moment, full of warm feelings for him,

---

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 5.

and Catherine!» (805) (Скажи Эдгару, что все бы отдала чтобы вновь увидеть его лицо – что мое сердце вернулось на Мызу скворцов через двадцать четыре часа после того как я покинула ее, и в этот момент оно там, полно теплых чувств к нему и Кэтрин).

Из рассказа Изабэллы, переданного от первого лица, читатель узнает историю героини после ее отъезда из «Мызы скворцов» со всеми подробностями, которые, исходя из того, что произведение полифонично, не мог знать ни один персонаж романа.

Тот же принцип повествования используется писательницей в эпизоде, когда мистер Локвуд, оставшись переночевать в «Грозовом перевале», читает записи Кэтрин Эрншо. Переживания маленькой мисс Эрншо становятся известны читателю со страниц ее дневника. Под «дневником» в произведении подразумеваются книги Кэтрин, на полях которых она записывала свои мысли и чувства в трудные моменты жизни: «An awful Sunday! <...> I wish my father were back again. Hindley is a detestable substitute – his conduct to Heathcliff is atrocious...» (Ужасное воскресенье <...> я хотела бы чтобы отец снова вернулся. Хиндли отвратительная замена – его отношение к Хитклиффу жестокое...).

Записи, сделанные Кэтрин на полях книг, рассказывают о событиях и чувствах героини двадцатилетней давности, о которых не может рассказать ни один герой романа. Благодаря включению этих дневниковых помет, читатель и сам повествователь (мистер Локвуд) узнает об этих событиях от самой Кэтрин.

Повествовательная концепция «Грозового перевала» не предполагает автора, ведущего свой рассказ с позиции полного знания всех ситуаций, которые происходят с героями, и всех чувств, присущих различным персонажам. Обо всех этих подробностях читатель узнает из прямой речи героев, вплетенной в произведение в различных формах (письмо, дневник и пр.) Как указывал М. М. Бахтин, сознанию героя полифонического произведения писатель может противопоставить только сознания других героев.

Передавая повествование различным героям, Э. Бронте создает дистанцию между реальным автором произведения и рассказчиком, события и персонажей читатель воспринимает через призму сознания и мировоззрения рассказчика, «часто сюжетная динамика новеллы оказывается преломленной <...> сквозь призму сознания и стилистического оформления посредника – рассказчика (Medium). Тогда художественный мир автора представляется <...> как своеобразно отраженный в плоскости субъективного восприятия рассказчика»¹.

Репрезентативно подобная дистанция проявляется в одном из эпизодов в рассказе Локвуда. Герой «Грозового перевала» Хитклифф характеризуется писательницей как злой, нелюдимый человек. При первом знакомстве с ним мистер Локвуд решает, что Хитклифф просто скромн; но после определенных событий Локвуд принципиально меняет свое мнение о нем. Данный пример наглядно демонстрирует субъективное мнение рассказчика Локвуда, которое является прямо противоположным авторскому. Э. Бронте предоставляет рассказчику право на собственную точку зрения, складывающуюся в результате проживания героем определенных ситуаций.

Каждый отдельно взятый персонаж, каждая позиция важны для архитектоники произведения, так формируется полифоничность и диалогичность текста. Как писал М. М. Бахтин, герой такого произведения – это не просто набор определенных характерологических черт, отличающих его от других, но, прежде всего, это «особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности»². Поэтому в эпизоде знакомства мистера Локвуда с Хитклиффом первый, руководствуясь лишь тем, что видит и слышит, сделал свой субъективный вывод относительно Хитклиффа. По мысли М. М. Бахтина, восприятие читателя в такой ситуации

---

¹ Виноградов В. В. О языке художественной прозы. С. 42.

² Там же. С. 54.

складывается не просто из созерцания объективной действительности, но действительности субъективной, представленной глазами героя.

В произведении, в котором повествование ведется от лица кого-либо из героев, естественно, что все происходящее воспринимается сквозь призму сознания и жизненной позиции данного героя. Такая повествовательная структура не может и не должна включать в себя элементы полного контроля и знания ситуации. Некоторые эпизоды событий произведения могут ускользать от внимания рассказчика. Чтобы добиться эффекта присутствия рассказчика в определенных ситуациях и не сделать его всезнающим повествователем, Э. Бронте прибегает к различным приемам.

Одна из главных повествователей романа Нэлли Дин судит о происходящем с позиции осведомленной рассказчицы и непосредственной участницы событий. Например, Нэлли Дин в одной из сцен не смогла расслышать весь разговор между мистером Эрншо и его женой: «... and all that I could make out, amongst her scolding, was tale of his seeing it starving, and houseless...» (744) (все, что мне удалось разобрать среди ее брани, был рассказ о том как его увидели умирающим от голода и бездомного).

Многослойность и структурная сложность повествования Э. Бронте сводится не только к полифонии текста произведения, создаваемой при помощи писем, дневников, рассказов, передаваемых основными рассказчиками и их прямой речью, но важным является и то, каким образом писательница структурирует все эти компоненты повествования.

Важным компонентом данной системы, на наш взгляд, является синхронизация событий романа во времени.

Начинается и заканчивается повествование словами мистера Локвуда, время и события в его изложении синхронизированы таким образом, что в начале и заключении романа автор описывает картину настоящего, но в основную часть произведения включает рассказ о далеком прошлом. События, о которых идет речь в начале и в финале произведения, совпадают по времени с самим рассказом Локвуда.

В первой и в одной из последних глав указаны годы; согласно этим датам, от начала произведения до конца проходит один год: с 1801 по 1802. Однако, указанные даты не являются начальными и конечными для описанных в романе событий. Они фиксируют только временную рамку рассказа мистера Локвуда: в 1801 г. он приехал арендовать поместье «Мыза скворцов», а в 1802 г. заезжал в «Мызу скворцов» и «Грозовой перевал» еще раз, будучи проездом недалеко от деревни Гиммертон. Читателю представлен рассказ Локвуда, события его жизни на протяжении одного года. За этот период герой успевает поселиться и пожить в поместье «Мыза скворцов», уехать оттуда, лично познакомиться с хозяином поместья Хитклиффом и другими обитателями «Грозового перевала» и узнать от служанки Нэлли всю историю жизни обитателей.

Повествовательная концепция романа не ограничена голосом Локвуда. Голоса рассказчиков в произведении постоянно меняются, создавая яркую динамику повествования. «Читателю приходится приспосабливаться к довольно частым переходам от одного рассказчика к другому, от одной манеры повествования к другой, к разному восприятию происходящего. Все это заставляет читателя не быть пассивным созерцателем событий, заставляет его занять какую-то свою, определенную позицию»¹. Но благодаря различным отступлениям и уточнениям, рассказ всегда привязан к определенному лицу, месту или времени.

Начинает роман мистер Локвуд рассказом о своем первом визите в «Грозовой перевал», своих впечатлениях о нем и догадках о судьбах жителей этого поместья. Вернувшись в поместье «Мыза скворцов», которое он арендовал у Хитклиффа, Локвуд просит Нэлли Дин рассказать историю «Грозового перевала» и жизни его обитателей. Служанка начинает подробный рассказ о семьях Эрншо и Линтон. Часто повествование прерывается диалогом между Нэлли Дин и мистером Локвудом, таким образом, писательница возвращает читателя из череды бурных событий прошлого в спокойную

---

¹ Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте ... дис. ... канд. филол. наук. С.194.

домашнюю атмосферу настоящего, в ситуацию диалога двух героев. Создается контраст между двумя реальностями: события из рассказа служанки и события текущей реальности, резко различаются время, место и действующие лица. Отвлекающие от главного рассказа диалоги сигнализируют о том, что это живой разговор двух героев в ситуации неподготовленной импровизации.

Проблема стилизации речи художественного произведения под живой диалог подробно описана у В. В. Виноградова, и в данном контексте ученый употребляет понятие сказа. «Сказ – это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествоющего типа, это – художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения»¹. В художественной прозе речь организуется таким образом, чтобы производить впечатление разговорной, а не письменной. Для достижения этой цели речь рассказчика должна обладать определенными указаниями автора на конкретные условия и обстоятельства, сопутствующие разговорному стилю. Сказ в данной ситуации необходим «как экран, отражающий психологический образ рассказчика, сквозь призму сознания которого преломляется сюжетная динамика»².

На протяжении более половины произведения подразумевается живой диалог Локвуда и Нэлли Дин, большая часть которого – это рассказ экономки о прошлом. С 4 главы по главу 15 повествование полностью принадлежит Нэлли Дин, за исключением эпизодов диалога с Локвудом и нескольких вpletений прямой речи других героев в форме писем и дневников. В одном из эпизодов романа Нэлли, рассказывая об одном разговоре с Хитклиффом, прерывает рассказ и собирается уйти: «Thus interrupting herself, the housekeeper rose, and proceeded to lay aside her sewing» (Так, прерывая саму себя экономка поднялась, отложила свое шитье).

---

¹ Виноградов В. В. О языке художественной прозы. С. 49.

² Там же. С. 51.

В 15 главе рассказчик Локвуд сообщает, что далее он сам будет передавать рассказ служанки, а также уточняет, что рассказ будет сокращен.

Однако, уточнение того, что все дальнейшее повествование ведется арендатором со слов экономки, встречается лишь один раз в 18 главе романа. В общем, нарратив Локвуда имеет мало отличий от рассказа, переданного от лица самой Нэлли Дин.

В последних главах произведения нарративная конструкция повествования еще более усложнена: рассказ одного из героев передается другому со слов третьего. В 30 главе романа Локвуд передает рассказ Нэлли Дин, услышанный ею от новой ключницы поместья «Грозовой перевал» Зиллы: «Nobody», said Zillah, «ever approached her door...» (902) (Никто, сказала Зилла, когда-либо не приближался к ее двери.) Так, читателю предлагается текст, пересказанный дважды разными персонажами (рассказ Зиллы в пересказе Нэлли Дин, воспроизведенный Локвудом).

В 32 главе рассказ Локвуда синхронизирован с настоящим – это второй приезд Локвуда в поместья спустя 7 месяцев. Здесь происходит диалог Нэлли Дин и Локвуда, в котором Нэлли рассказывает гостю о событиях, случившихся после его отъезда из «Мызы скворцов». Локвуду становится известно о смерти мистера Хитклиффа и о том, каким образом развиваются отношения между Кэтрин и Хэртоном. Финальные слова романа принадлежат Локвуду.

Описанная выше архитектура повествовательной структуры определяет особую значимость главных рассказчиков романа – мистера Локвуда и Нэлли Дин. Образы этих персонажей имеют решающее значение для восприятия всего произведения, т. к. видение всех событий, происходящих в романе, описания героев и пр. представлены с позиции этих персонажей. Однако, в тексте романа отсутствует их авторское описание, их образы складываются из речи героев, их мировоззренческих взглядов.

В одном из своих трудов М. М. Бахтин¹ говорит о целостности образа героя в художественном произведении. Он отмечает, что, создавая, образ героя, писатель интонирует не отдельные моменты его характера, а реагирует на него как на целое. Все идеи, точки зрения, поступки и пр. героя важны для писателя как составляющие, характеризующие черты единого образа. М. М. Бахтин принципиально различает в подобном контексте мир реальный, где люди могут реагировать на отдельные черты характера или поступки того или иного человека, и мир художественного произведения, где образ персонажа – это единство всех его характерологических черт, которыми он наделен писателем.

Образ мистера Локвуда становится известен читателю по манере его рассказа и по немногочисленным кратким его самохарактеристикам, описаниям некоторых особенностей своей личности. Локвуд предстает перед читателем высокомерным, ироничным и нелюдимым человеком, обладающим, однако, чувством юмора.

Образ Нэлли Дин также важен для структуры повествования в романе. Особенность повествовательной манеры Нэлли Дин заключается в том, что, рассказывая о событиях, происходивших в поместьях «Грозовой перевал» и «Мыза скворцов» много лет назад, Нэлли полностью абстрагирована от их оценки с позиции настоящего. Она описывает свои чувства, эмоции, отношение к тем событиям и героям с позиции «себя в прошлом», т. е. с точки зрения непосредственного их участника, не делая выводов о прошлом, спустя время.

За счет этого повествование обретает динамичный характер, погружает читателя в мир прошлого: «I thought I prevented another explosion by my compliance; and I thought, too, it might create a favourable crisis in Catherine's mental illness...» (817) (Я думала, что я предотвратила еще один скандал, также я думала, что это может стать причиной благоприятного перелома в душевной болезни Кэтрин).

---

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества.

В системе образов романа Нэлли Дин является в роли умудренной опытом и житейской мудростью женщины, которая резко контрастирует с другими слугами двух поместий. Из суждений Локвуда о Нэлли Дин и ее собственных рассуждений можно сделать вывод о том, что героиню отличает других здравомыслие, грамотность, начитанность и другие положительные качества.

Ее образ играет совершенно особую роль во всем повествовании и поэтике произведения: помимо того, что основная часть повествования ведется от ее лица, героиня занимает важное место в системе персонажей романа, хотя, на первый взгляд, не выступает в роли основного действующего лица.

Исход многих ситуаций, в которых оказываются герои произведения, прямо или косвенно зависит от Нэлли Дин. Рассказывая историю жителей «Грозового перевала» и «Мызы скворцов» мистеру Локвуду, Нэлли часто акцентирует внимание на своей значимости. Например, рассказывая о споре между еще маленькими Хитклиффом и Хиндли, Нэлли говорит: «Hindley threw it, hitting him on the breast, and down he fell, but staggered up immediately, breathless and white; and, had not I prevented it, he would have gone just so to the master...» (745) (Хиндли бросил это, ударив его в грудь, он упал, но сразу же встал шатаясь задыхающийся и бледный, и, если бы я этого не предотвратила, сразу же пошел бы к хозяину). Из фразы Нэлли «если бы я этого не предотвратила, сразу же пошел бы к хозяину» становится очевидным, что, вмешавшись в дела хозяйских детей, она не допустила справедливого исхода конфликта.

Многие другие сюжетные ситуации романа также зависят от решений и поведения Нэлли. Смерть Кэтрин (старшей), страдания Эдгара Линтона, отношения Кэтрин (младшей) и Гэртона и некоторые другие развивались с ее непосредственным участием.

Роль, которую играют описания природы, погоды, интерьеров, картин, архитектуры и пр., также велика в этом романе. В самом его названии «Wuthering Heights» (to wuther – диал. дуть сильно с завыванием; height –

высота, холм, возвышенность) прочитывается характер и эмоциональная сила произведения. В романе присутствует много упоминаний о природе северной Англии, с большой любовью эти пейзажи перенесены писательницей на страницы романа. Помимо этого, в произведении детально воспроизведены элементы декора и архитектуры.

В целом, для своего романа Эмили Бронте избирает сложную структуру повествования в плане выбора нескольких рассказчиков, хронологии, включения других повествовательных форм (письма и дневники других героев), описаний природы и погоды.

4.2. Специфика переводов романа «Грозовой перевал» XX-XXI вв.

Впервые «Грозовой перевал» был переведен на русский язык в 1956 г. Надеждой Вольпин, и долгое время этот перевод оставался единственным. Только в 2009 г. появляется новая русскоязычная версия произведения Ульяны Сапциной.

С точки зрения структуры текста, оба перевода содержат 34 главы, что соответствует оригиналу. В содержательном плане оба перевода передают общий смысл и стиль произведения, сохраняя все сюжетные линии авторского текста.

Однако в обеих версиях романа имеются расхождения с подлинным текстом. В процессе общего сопоставительного анализа были выявлены случаи, характерные для обоих переводов, которые либо значительно затрудняют понимание того или иного эпизода, либо искажают суть оригинального текста.

Следует подчеркнуть, что подобные неточности связаны, прежде всего, с воспроизведением художественных образов романских героев, что, думается, существенно влияет на восприятие романа русским читателем. Система художественных образов важна для восприятия произведения в его целостности.

Одним из примеров подобного искажения образа героя может являться речь служанки Нелли Дин, когда она описывает свое первое впечатление, произведенное Хитклиффом: «He seemed a sullen, patient child...» (744) (Он казался замкнутым/сердитым/угрюмым, терпеливым ребенком).

В переводе У. Сапциной это высказывание переведено следующим образом: «Он казался замкнутым и терпеливым ребенком...»¹, что по смыслу соответствует оригиналу.

Н. Вольпин переводит эту фразу иначе: «Он казался тупым, терпеливым ребенком...»². Прилагательное «sullen» переведено как «тупой», но в английском языке у данного слова нет подобного значения (возможные варианты: замкнутый, сердитый, угрюмый, печальный, мрачный; зловещий; гнетущий). Такая неточность в описании героя существенно меняет его художественный образ, в оригинале романа Хитклифф нигде не характеризуется как тупой или глупый человек.

Образ героя в художественном произведении складывается не только из описания и изображения его другими героями или автором, но, в значительной степени, за счет специально организованной прямой речи. По утверждению М. М. Бахтина, в процессе создания художественного произведения писатель ведет тщательную работу над речью героев. Прямая речь героя и речь автора находятся в разных плоскостях. Слово персонажа может нести различную информацию. Из прямой речи героя становится понятна степень его образованности, социальной и территориальной принадлежности, характер и пр. Поэтому для нарративной конструкции текста произведения становится принципиально важным перевод речи героя.

Приведем несколько примеров, демонстрирующих, как неточности при переводе прямой речи героя отчасти искажают восприятие его образа русским читателем. В эпизод, описывающем ссору Кэтрин и Хитклиффа по поводу приезда в «Грозовой перевал» Изабеллы и Эдгара Линтонов, введена

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал. М., 2009. С. 34.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 517.

следующая реплика Кэтрин: «That they what?» cried Catherine...» (763) (Что они что? - кричала Кэтрин).

Перевод Н. Вольпин: «Что они... что?» - вскричала Кэтрин...»¹.

Перевод У. Сапциной: «А что они?» - переспросила Кэтрин...»².

Английский глагол «to cry» имеет следующие значения: кричать; вопить, воскликнуть, вскрикнуть, плакать, рыдать, лить слёзы. В переводе У. Сапциной неточно передана интонация высказывания, слово «cry» - кричать переводчик заменяет более нейтральным по экспрессивности глаголом - «переспросить», что, в свою очередь, нивелирует эмоциональную напряженность диалога. Кэтрин и Хитклифф испытывают друг к другу сильные чувства, но девушке становится интересным общество другого молодого человека – Эдгара Линтона, что вызывает у Хитклиффа ревность. Оба героя достаточно эмоциональны, о чем и свидетельствуют их диалоги, однако, в данном эпизоде в переводе У. Сапциной искажена эмоциональная суть происходящего, сглажен драматизм ситуации, скрыта от читателя предельная напряженность внутренних переживаний героев.

В эпизоде, где Нелли Дин уговаривает Хитклиффа пойти и помириться с Кэтрин после ссоры, она говорит ему: «You must go up and offer to kiss her, and say — you know best what to say» (755) (Ты должен пойти наверх и предложить поцеловать ее, и сказать – ты лучше знаешь, что сказать).

Перевод Н. Вольпин: «Ты поднимешься наверх и попросишь разрешения поцеловать ее и скажешь... ты знаешь сам, что сказать»³.

Перевод У. Сапциной: «Поднимись к ней, пообещай, что поцелуешь ее, и скажи...сам придумай что...»⁴.

Словосочетание «offer to kiss her» Н. Вольпин переводит как «попросишь разрешения поцеловать ее, что вполне соответствует сложившейся ситуации. В переводе же У. Сапциной «offer to kiss her» переведено как «пообещай, что

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 544.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 60.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 533.

⁴ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 49 – 50.

поцелуешь ее». Подобный перевод искажает смысл ситуации, создается впечатление, что мисс Кэтрин страстно ожидает поцелуя Хитклиффа, что в корне расходится с концепцией их взаимоотношений вообще и с характеристикой данного случая в частности.

В романе присутствует персонаж Джозеф, который характеризуется Эмили Бронте именно за счет стилистической окрашенности его речи. Прямая речь этого героя изобилует многочисленными диалектизмами. Старый слуга говорит на территориальном Йоркширском диалекте, но переводчики не всегда передают эту особенность речи героя. Например, эпизод, когда Джозеф не хочет впускать мистера Локвуда в «Грозовой перевал», он говорит: «What are ye for?» he shouted. 'T' maister's dahni' t' fowld. Goa rahnd by th' end ut' laith, if yah went tuk spake tull him» (727) (перевод на современный английский язык: «What do you want?» he shouted. «The master's down in the fold [sheep pen]. Go round the end of the barn if you want to speak to him»¹; (пословный перевод: чего вы хотите? Кричал он, хозяин внизу в загоне для овец. Пройдите вокруг конца амбара, если вы хотите поговорить с ним).

Перевод Н. Вольпин: «Чего вам? – закричал он. – Хозяин там, на овчарне. Пройдите кругом в конец двора, если у вас к нему дело»².

Перевод У. Сапцина: «Чего вам? – крикнул он. – Хозяин к овцам ушел. Коли вы к нему, так кругом двора обойдите»³.

Частым переводческим решением при передаче диалектной лексики является ее замена просторечными выражениями. «Перевод, таким образом, использует здесь применительно к соответствующим словам подлинника наличие определенной словообразовательной категории русского языка и связанный с нею стилистический оттенок»⁴. Подобный прием позволяет

---

¹ The Reader's Guide to Wuthering Heights: Joseph's speech. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wuthering-heights.co.uk/josephs-speech.php> (дата обращения: 06.08.14).

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 493.

³ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 10.

⁴ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. С. 387.

передать авторский замысел, т. к. часто на диалекте говорят люди малообразованные.

Авторы обоих переводов пытаются сохранить стилистику речи слуги Джозефа. Так, Н. Вольпин достигает подобного эффекта, используя выражение «Чего вам?». Однако далее речь слуги передана нейтрально, без стилистических особенностей. В своем переводе У. Сапцина в большей степени сохраняет просторечный стиль высказывания Джозефа, употребляя для этого такие слова и выражения как «чего вам», «к овцам ушел», «коли», «кругом обойдите».

Неточно переданные особенности речи героев неизбежно приводят к определенному искажению их характеров и понимания их внутреннего мира; также подобные неточности могут стать причиной неправильного понимания места персонажа в системе образов всего произведения.

Данный анализ русскоязычных переводов романа «Грозовой перевал» показал, что в целом, оба перевода можно считать полными и адекватными оригинальному тексту. Однако в обоих переводах имеются расхождения с подлинным текстом, связанные, в первую очередь, с передачей изображения образов героев. Но указанные расхождения с авторским текстом не являются трансформирующими элементами, приводящими к неверному толкованию общего содержания и смысла произведения в целом.

4.3. Переводы романа «Грозовой перевал» XX – XXI вв. в аспекте проблемы повествования

Напомним, что наша концепция особенностей повествовательной структуры произведения включает в себя три основных аспекта: общая нарративная конструкция произведения, способ выражения нарратора и роль описаний (природы, интерьеров и пр.)

Для анализа общей нарративной конструкции романа важной становится не только устная речь героев, т. к. почти все повествование в романе – это устный рассказ или диалог. Речи рассказчика в произведении всегда присущи черты устного сказа. «Рассказчик, хотя бы и пишущий свой рассказ и дающий ему известную литературную обработку, все же не литератор – профессионал, он владеет не определенным стилем, а лишь социально и индивидуально определенной манерой рассказывать, тяготеющей к устному сказу»¹.

Вся концепция повествования в романе выстроена на устном рассказе героев, поэтому первостепенное значение приобретают образы мистера Локвуда и Нэлли Дин. Они выступают посредниками между читателем и художественным миром романа, видение всех событий, описание героев и пр. представлены с их позиций.

При этом повествование в романе Эмили Бронте организовано таким образом, что авторское описание Локвуда и Нэлли становится невозможным. Образы этих персонажей заключены, в основном, в их речи.

Мистер Локвуд считает себя гораздо выше людей, с которыми он общается в «Грозном перевале», и открыто об этом рассуждает: «Living among clowns and misanthropists, she probably cannot appreciate a better class of people, when she meets them» (908) (Живя среди деревенщин и мизантропов, возможно, она не могла оценить людей выше классом, когда встречала их).

Перевод Н. Вольпин: «Живя среди мужланов и мизантропов, она едва ли была способна оценить людей высшего разряда, когда встречалась с такими»².

Перевод У. Сапциной: «Возможно, жизнь среди мужланов и мизантропов не приучила ее ценить тех, кто отличается от них»³.

Очевидно, что употребляя выражение «a better class of people» (лучший/более высокий класс людей), Локвуд имеет в виду себя, что характеризует его как человека с высокой самооценкой. Однако У. Сапцина не

---

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 221.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозной перевал. С. 745 – 746.

³ Бронте Э. Грозной перевал. С. 255.

передает этой характеристики героя, заменяя данное выражение нейтральной фразой «кто отличается от них», что меняет представление о Локвуде.

Также Локвуд в романе предстает человеком, не любящим выставлять свои чувства напоказ, о чем он прямо говорит в одном из своих размышлений: «He'll love and hate equally under cover, and esteem it a species of impertinence to be loved or hated again. No, I'm running on too fast: I bestow my own attributes over liberally on him» (724 – 725) (И любить, и ненавидеть он будет скрытно и посчитает дерзостью, если его самого будут любить или ненавидеть. Нет, я поспешил: я щедро наделил его своими собственными качествами).

Перевод Н. Вольпин: «Он и любить, и ненавидеть будет скрытно и почтет за дерзость, если его самого полюбят или возненавидят. Но нет, я хватил через край: я слишком щедро его наделяю своими собственными свойствами»¹.

Перевод У. Сапциной: «Он не выказывает ни любви, ни ненависти и сочтет неуместными эти же чувства, направленные на него. Нет, я, пожалуй, поспешил наделить его моими собственными свойствами»².

Описание этой особенности природы Локвуда передают оба переводчика, но в своем переводе У. Сапцина снова нейтрализует эмоциональную сторону высказывания. Фразу оригинального текста «to esteem it a species of impertinence» (расценить это как вид дерзости) У. Сапцина заменяет выражением: «сочтет неуместными». Английское существительное «impertinence» имеет в русском языке следующие значения: дерзость/наглость/нахальство/неуважение/грубость. В переводе У. Сапциной не воспроизводится этот оригинальный смысл высказывания.

Наряду с такими чертами характера, как высокая самооценка и замкнутость, Локвуд обладает чувством юмора. Это проявилось в первых главах романа, где он рассказывает о своем первом впечатлении о поместье «Грозовой перевал» и его обитателях. Некоторые эпизоды в его изложении выглядят комично, резко контрастируют с общим характером повествования,

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 489.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 7.

направленного на описание мрачной, странной и скучной жизни обитателей «Грозового перевала».

Мистер Локвуд, соблюдая правила приличия в качестве гостя, несколько раз пытался завязать разговор с молодой хозяйкой Кэтрин Хитклифф, но каждый раз его инициатива встречала упорное молчание невежливой хозяйки. Не оставляя своих попыток завязать разговор Локвуд попадает в комическое положение:

«A beautiful animal!» I commenced again. «Do you intend parting with the little ones, madam?»

«They are not mine», she said the amiable hostess, more repellingly than Heathcliff himself could have replied.

«Ah, your favourites are among these!» I continued, turning to an obscure cushion full of something like cats.

«A strange choice of favourites!» she observed scornfully.

Unluckily, it was a heap of dead rabbits. I hemmed ones more, and drew closer to the hearth, repeating my comment on the wildness of the evening (727).

(– Прекрасное животное! – начал я снова. – Намереваетесь вы расстаться с одним маленьким, мадам?

– Они не мои, – сказала она любезная хозяйка более отталкивающе, чем сам Хитклифф мог ответить.

– А, ваши любимцы среди этих? – я продолжил, указывая на непонятную диванную подушку, полную чего-то похожего на кошек.

– Станный выбор любимцев, – она заметила презрительно.

К несчастью это оказалась куча мертвых кроликов. Я кашлянул еще раз и подвинулся ближе к очагу, повторяя свое замечание о бушующей погоде вечера).

Перевод Н. Вольпин: « - Отличная собака – начал я снова. – Не думаете ли вы раздать щенят, сударыня?»

– Они не мои, – молвила любезная хозяйка таким отстраняющим тоном, каким не ответил бы и сам Хитклифф.

– Ага, вот это, верно, ваши любимцы? – продолжал я, указывая на кресло в темном углу, где, как мне показалось, сидели кошки.

– Станный предмет любви, – заметила она с презрением.

Там, как на грех, оказались сваленные в кучу битые кролики. Я еще раз кашлянул и, ближе подсев к очагу, повторил свое замечание о дурной погоде»¹.

Перевод У. Сапциной:

«– Хороша! – снова заговорил я. – Собираетесь раздать щенят, мадам?

– Они не мои, – отозвалась радушная хозяйка еще более неприязненным тоном, чем тот, которым общался со мной сам Хитклифф.

– А-а, значит, ваши питомцы – эти? – наудачу спросил я, указав в сторону какой-то подушки в углу – мне показалось, что на ней устроились кошки.

– Тоже мне питомцы! – пренебрежительно процедила она.

Увы, на подушке лежала груда кроличьих тушек. Новым возгласом скрыв неловкость, я пересел поближе к очагу и повторил, что погода испортилась»².

В данном эпизоде оба перевода передают комичность ситуации и иронический тон Локвуда.

Так создается портрет одного из рассказчиков – мистера Локвуда, самоуверенного, ироничного человека с чувством юмора, не привыкшего выставлять свои эмоции напоказ, и оба перевода передают особенности характера Локвуда. Однако в переводе У. Сапциной часто нейтрализована эмоциональная сторона некоторых высказываний.

Образ Нэлли Дин также складывается из ее собственных высказываний и размышлений, а также из замечаний о ней мистера Локвуда.

Локвуд восхищается ее образованностью и складом ума: «Excepting a few provincialisms of slight consequence, you have no marks of the manners which I am habituated to consider peculiar to your class. I am sure you have thought a great deal more than the generality of servants think. You have been compelled to cultivate your reflective faculties for want of occasions for frittering your life away in silly trifles»

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 493 – 494.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 11.

(759). (Не считая небольшого влияния провинциальности, у вас нет признаков тех манер, которые я привык наблюдать у людей вашего класса. Я уверен, что вы мыслили глубже, чем мыслят большинство слуг. Вы были вынуждены развивать свою склонность к размышлениям из-за желания не растрачивать свою жизнь по мелочам).

Перевод Н. Вольпин: «Кроме кое-каких местных особенностей говора, в вас не подметишь и намека на те манеры, какие я привык считать свойственными людям вашего сословия. Я уверен, что вы на своем веку передумали куда больше, чем обычно приходится думать слугам. Вы поневоле развивали свои мыслительные способности, потому что лишены были возможности расточать свою жизнь в глупых пустяках»¹.

Перевод У. Сапциной: «Если не считать легкого налета провинциальности, у вас нет и тени тех манер, которые я привык видеть у людей вашего сословия. Уверен, что мыслите вы гораздо глубже, чем обычная прислуга. Вам пришлось развивать мыслительные способности, потому что на глупости вы не разменивались»².

Автор романа выделяет Нэлли Дин среди остальных слуг, это же становится очевидным и для стороннего наблюдателя, такого, как Локвуд. Сама Нэлли считает себя образованной и мудрой женщиной: «I certainly esteem myself a steady, reasonable kind of body <...> I have undergone sharp discipline, which has taught me wisdom: and then, I have read more than you would fancy, Mr. Lockwood. You could not open a book in this library that I have not looked into, and got something out of also...» (759) (Конечно, я считаю себя уравновешенным, разумным человеком <...> жесткая дисциплина, через которую я прошла, научила меня мудрости, и потом, я прочитала больше, чем вы могли бы вообразить, мистер Локвуд. Вы не сможете открыть ни одну книгу в библиотеке, в которую бы я не заглядывала также не взяла из нее что-нибудь).

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 538.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 55.

Перевод Н. Вольпин: «Я, конечно, почитаю себя положительной, разумной женщиной <...> я прошла суровую школу, которая меня научила уму-разуму. И потом, я читала больше, чем вы думаете, мистер Локвуд. Вы не найдете в этой библиотеке книги, в которую я не заглянула бы и не извлекла бы из нее чего-нибудь...»¹.

Перевод У. Сапциной: «Конечно, я считаю себя уравновешенной и здравомыслящей <...> Мудрости меня научили жестокие уроки, и потом, я прочитала столько, что вы себе и представить не можете, мистер Локвуд. В этой библиотеке не найдется ни одной книги, которую бы я не открыла с пользой для себя...»².

В обеих русскоязычных версиях романа полностью передан характер этого центрального, по нашему мнению, персонажа, оба переводчика сохраняют авторский замысел, который важен в контексте повествовательной структуры всего произведения.

Полагаем, что Эмили Бронте не случайно наделяет Нэлли Дин подобными чертами характера. Возможно, ввиду того, что служанке передана основная часть повествования, для писателя было важно завоевать доверие и расположение читателя, вложив его рассказ в уста образованного и мыслящего человека.

В начале своего рассказа мистеру Локвуду Нэлли дает понять, что с самого детства ее место в хозяйском доме было особым, она была близка семье хозяев, всегда находилась в кругу хозяйских детей: «...I got used to playing with the children...» (743) (я привыкла играть с детьми).

С самого детства Нэлли чувствовала свой особый статус. Например, в эпизоде, когда старый мистер Эрншо впервые привел маленького Хитклиффа в дом, никто из членов семьи не хотел его принимать, и Нэлли Дин, вопреки приказу хозяина, уложила мальчика спать не в комнате, на площадке лестницы: «...and I had no more sense, so I put it on the landing of the stairs, hoping it might be

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 538 – 539.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 55.

gone on the morrow» (744) (я имела не больше чувств, так, я положила его на лестничной площадке, надеясь, что к утру он, может быть, уйдет).

Перевод Н. Вольпин: «... я тоже оказалась не разумней и уложила его на площадке лестницы в надежде, что, может быть, к утру он уйдет»¹.

Перевод У. Сапциной: «... и я по глупости оставила его у лестницы, надеясь, что к утру он уйдет»².

Данный эпизод демонстрирует, что Нэлли считала себя вправе принимать собственные решения. Однако в переводе У. Сапциной подобный подтекст теряется, из перевода не понятно, что это было самостоятельное решение служанки уложить мальчика на лестнице. Такое искажение смысла происходит ввиду того, что переводчик заменяет выражение «to have no more sense», которое в данном контексте предполагает, что Нэлли не имела сочувствия так же, как и остальные члены семьи, недовольные появлением Хитклиффа в доме. Однако, нивелируя подобный смысл, У. Сапцина переводит эту фразу «по глупости». У читателя возникает ощущение не того, что служанка самостоятельно решает этот вопрос, а, наоборот, того, что она по глупости уложила ребенка спать не туда, куда нужно. В переводе утрачивается смысл, который предполагает, что Нэлли считает себя вправе принимать самостоятельные решения.

Будучи служанкой, Нэлли часто дает советы, критикует и поучает своих хозяев, активно участвуя в их личной жизни. Одним из ярчайших примеров подобного вмешательства служанки в жизнь своих господ является эпизод, когда у Кэтрин Линтон (жены Эдгара Линтона) развивается серьезное психическое расстройство. Нэлли Дин догадывается о том, что здоровье Кэтрин находится под угрозой, однако она не просто решает скрыть этот факт от ее мужа Эдгара, который находится в ссоре с женой и ничего не подозревает, но и сама не предпринимает никаких действий, чтобы спасти Кэтрин. Потерянное время и бездействие усугубляют здоровье хозяйки и превращают ее болезнь в

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 517.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 34.

смертельное заболевание. В это время Нэлли размышляет над ситуацией следующим образом: «I wasted no condolences on miss <...> nor did I pay attention to the sighs of my master» (795) (Я не растрчивала попусту свое сочувствие мисс <...> также не обращала внимания на вздохи своего господина).

Перевод Н. Вольпин: «Я не пыталась утешить барышню <...> и не обращала внимания на вздохи господина»¹.

Перевод У. Сапциной: «Я не тратила попусту время, утешая мисс <...> пропускала мимо ушей вздохи хозяина»².

Оба перевода в данном случае передают попустительство со стороны Нэлли по отношению к здоровью Кэтрин, полностью отражают особенности поведения служанки, которые становятся сюжетообразующими элементами.

Важна для повествовательной структуры романа и его временная составляющая.

В этом смысле особенность повествовательной манеры Нэлли Дин заключается в том, что, рассказывая о событиях, происходивших в поместье «Грозовой перевал» и «Мыза скворцов» почти 30 лет назад, она описывает все из позиции «себя в прошлом».

Например, в одном из эпизодов романа Нэлли говорит: «I thought I prevented another explosion by my compliance; and I thought, too, it might create a favourable crisis in Catherine's mental illness» (817) (Я думала, что я предотвратила еще один скандал, также я думала, что это может стать причиной благоприятного перелома в душевной болезни Кэтрин). В момент рассказывания этой истории Локвуду Нэлли уже знала, что Кэтрин умрет от этого заболевания, однако, повествуя об этом, Нэлли доносит до слушателя только то, что она чувствовала и знала в тот самый момент.

Эта особенность повествования передана в обоих переводах романа, что, в свою очередь, сохраняет оригинальный стиль произведения.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 588 – 589.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 103.

Перевод Н. Вольпин: «Я думала, что своим притворством предупреждаю новый взрыв; и еще я думала, что, может быть, встреча произведет благотворный кризис в душевной болезни Кэтрин»¹.

Перевод У. Сапциной: «Я думала, что мое соучастие поможет избежать нового скандала, а еще надеялась, что в душевной болезни Кэтрин наступит благоприятный перелом»².

Неожиданный поворот в структуре повествования происходит в начале 15 главы. Локвуд сообщает читателю, что дальнейшее повествование будет вести он сам, восстанавливая и пересказывая события со слов Нэлли Дин: «I have now heard all my neighbour's history <...> I'll continue it in her own words, only a little condensed» (817) (Сейчас я уже услышал всю историю моего соседа <...> я продолжу ее (историю - Ю. Д.) ее (Нэлли – Ю. Д.) собственными словами, только немного сжато/кратко).

Уточнение, что рассказ будет продолжен словами Нэлли, важно для общей структуры оригинального текста. Оба перевода передают это пояснение Локвуда.

Перевод Н. Вольпин: «Буду продолжать ее собственными словами...»³.

перевод У. Сапциной: «Продолжу повествование ее словами...»⁴.

Несмотря на желание мистера Локвуда сократить рассказ служанки, он признает, что она является хорошей рассказчицей: «She is, on the whole, a very fair narrator, and I don't think I could improve her style» (817) (В целом, она очень хорошая рассказчица и я не думаю, что мог бы улучшить ее стиль).

Н. Вольпин точно передает смысл высказывания: «В общем, она отличная рассказчица, и едва ли я мог бы улучшить ее слог»⁵.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 619.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 132.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 619.

⁴ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 133.

⁵ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 619.

Но в переводе У. Сапциной теряется основная мысль высказывания: «В целом она рассказывает прекрасно, от моего вмешательства ее слог не станет лучше»¹.

Смысл фразы «от моего вмешательства ее слог не станет лучше» заключается в том, что Локвуд планирует предпринять все возможное для улучшения стиля Нэлли, но это, по его мнению, вряд ли поможет. У читателя создается впечатление, что Нэлли является неважной рассказчицей, что, в свою очередь, противоречит начальной фразе этого же высказывания: «она рассказывает прекрасно». Таким образом, в переводе У. Сапциной не передается основная идея дальнейшего повествования, которая заключается в том, что это будет рассказ Нэлли в пересказе Локвуда, который будет говорить ее словами.

Этого стиля автор романа и придерживается в течение всего последующего рассказа. После смены основного рассказчика трудно идентифицировать, что повествование ведется Локвудом. На протяжении многих глав не встречается никаких ссылок на то обстоятельство, что это уже не рассказ Нэлли Локвуду, а его собственный рассказ.

Такое уточнение есть лишь в XVIII главе романа: «The twelve years, continued Mrs Dean, following that dismal period, were the happiest of my life...» (838) (Двенадцать лет, продолжала миссис Дин, следующие за этим тягостным периодом, были самыми счастливыми в моей жизни).

В обеих русскоязычных версиях присутствует это объяснение Локвуда, что является важным, т. к. отражает авторский замысел повествования.

Перевод Н. Вольпин: «...за этой горестной порой, – продолжала миссис Дин...»².

Перевод У. Сапциной: «...за этой полосой невзгод, продолжала миссис Дин...»³.

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 133.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 647.

³ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 161.

В остальном рассказ Локвуда мало отличается от его беседы с Нэлли Дин, приведенной в первых главах романа. Часто в повествовании встречаются рассуждения и реплики Нэлли Дин о чем-либо, точно и подробно переданные Локвудом. Часто исчезает ощущение, что это не слова самой Нэлли, а всего лишь пересказ ее слов Локвудом. Примером может служить следующий фрагмент: «I used to draw a comparison between him and Hindley Earnshaw, and perplex myself to explain satisfactorily why their conduct was so opposite in similar circumstances. They had both been fond husbands, and were both attached to their children; and I could not see how they shouldn't both have taken the same road, for good or evil. But I thought in my mind, Hindley, with apparently the stronger head, has shown himself sadly the worse and the weaker man» (835) (Раньше я проводила сравнение между ним и Хиндли Эрншо и сама приходила в недоумение как удовлетворительно объяснить, почему их отношение было таким противоположным в схожих обстоятельствах. Они оба были нежными мужьями и были привязаны к своим детям, и я не могла понять, почему они не должны были выбрать один и тот же путь добра или зла. Но я размышляла, что Хиндли, очевидно, был с более крепкой головой (словарь Лингво: быть с крепкой головой – способность пить не пьянея – Ю. Д.) и показал себя, к сожалению, как более плохой и слабый человек).

В обоих переводах также передается данная особенность повествования, но для данного фрагмента текста переводы различны. Отличие заключается в разных вариантах перевода первой фразы «I used to draw a comparison». Английская грамматическая конструкция «used to do smth.» (раньше делал(а) что-либо) в русском языке имеет значение прошедшего времени, связанного с настоящим, эта связь заключается в том, что раньше человек делал что-либо постоянно или имел привычку делать что-либо, но на настоящий момент он этого не делает/избавился от прошлой привычки.

В переводе Н. Вольпин эта конструкция переведена следующим образом: «Я, бывало, сравниваю...»¹; глагол «сравнивать» переводчик употребляет в настоящей форме, что противоречит оригинальному тексту и искажает концепцию повествовательной структуры Эмили Бронте.

В переводе У. Сапциной оригинальная особенность повествования сохраняется: «Раньше я часто сравнивала...»².

Помимо подобных рассуждений и уточнений, затрудняющих понимание того, что это пересказ, в рассказе Локвуда присутствуют многочисленные реплики от лица Нэлли Дин к Локвуду, имитирующие ситуацию непосредственного диалога:

«Do you believe such people *are* happy in the other world, sir?» (823) (Вы верите, сэр, что такие люди счастливы в другом мире? курсив Э. Бронте – Ю. Д.).

«But you'll not want to hear my moralising, Mr Lockwood;...» (835) (Но вы не (за)хотите слушать мои рассуждения о морали, мистер Локвуд).

«This, however, is not making progress with my story» (843) (Это, однако, не сдвинет мой рассказ дальше).

Все подобные уточнения полностью передаются в текстах переводов романа.

В заключительных главах произведения нарративная конструкция еще более усложнена.

В 30 главе романа Локвуд передает рассказ Нэлли Дин, услышанный ею от новой ключницы поместья «Грозовой перевал» Зиллы. В тексте рассказа самой Нэлли, передаваемого читателю Локвудом, присутствуют ссылки на то, что об этих событиях она узнает со слов Зиллы: «Zillah has told me something of the way they go on, otherwise I should hardly know who was dead and who living» (900) (Зилла рассказала мне кое-что о том, как они живут, иначе я вряд ли бы могла узнать, кто мертв, а кто жив).

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 644.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 157.

Эта особенность повествования передана в обоих переводах.

Перевод Н. Вольпин: «Зилла мне рассказала кое-что об их житье-бытье, а то я бы и не знала, пожалуй, кто там у них жив, кто помер»¹.

Перевод У. Сапциной: «От Зиллы я узнала о некоторых порядках, заведенных в доме, а в остальном понятия не имею, как они живут и живы ли еще»².

Так, читателю предлагается текст, пересказанный дважды разными персонажами: рассказ Зиллы в пересказе Нэлли Дин, воспроизведенный Локвудом.

В финале 30 главы Локвуд сообщает, что рассказ Нэлли на этом завершился, 31 глава вновь начинается с повествования самого Локвуда, рассказывающего о своих воспоминаниях о первом своем пребывании в «Грозовом перевале» и «Мызе скворцов».

В 32 главе писательница возвращает читателя в реальное время – это уже второй приезд Локвуда в поместья спустя 7 месяцев. Во время второго приезда арендатора на «Мызу скворцов» между ним и Нэлли происходит разговор, в котором Нэлли рассказывает Локвуду о событиях, случившихся в поместьях после его отъезда.

Так, Локвуду становится известно о смерти мистера Хитклиффа и о том, как развиваются отношения между Кэтрин и Гэртоном. Финальные слова романа принадлежат Локвуду. Прежде чем покинуть окрестности поместий он направляется на кладбище, где отыскивает могилы Кэтрин и Эдгара Линтон и Хитклиффа. Свое повествование Локвуд заканчивает размышлениями о мирном сне упокоенных: «I lingered round them, under that benign sky: watched the moths fluttering among the heath and harebells; listened to the soft wind breathing through the grass; and wondered how anyone could ever imagine unquiet slumbers for the sleepers in that quiet earth» (929) (Я задержался среди них (могил) под этим добрым небом: смотрел на мотыльков, порхающих среди

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 735.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 246.

вереска и колокольчиков; слушал слабое дуновение ветра в траве и удивлялся как кто-то мог когда-нибудь представить себе беспокойный сон для спящих под этой спокойной землей).

Важной особенностью нарративной конструкции романа является тот факт, что большая часть повествования – это устная речь. Принципиальными для восприятия читателем устной речи являются так называемые «особенные сигналы», «посредством которых у читателя возбуждается представление о речи, как о создаваемой в условиях не письма, а произношения <...> В самом деле, воображая речь звучащей, читатель мысленно должен перенестись в обстановку говорения, воспроизвести ее детали»¹. В качестве подобных сигналов могут выступать различные характеристики речи, внешность героев, описание обстановки и пр.

Например: «...she said, rising and reaching from the chimney – piece two of the painted canisters» (727) (она сказала, поднимаясь и потянувшись за двумя расписными жестяными банками с камина).

Перевод Н. Вольпин: «...сказала она и, встав, сняла с камина две яркие жестянки»².

Перевод У. Сапциной: «...сказала хозяйка, встала и потянулась за двумя пестрыми жестянками, стоящими над очагом»³.

«She kissed me gently: I was all flour making the Christmas cake...» (753) (Она поцеловала меня осторожно, я вся была в муке, делая рождественский пирог).

Перевод Н. Вольпин: «Она осторожно поцеловала меня: я месила тесто для рождественского пирога и была вся в муке...»⁴.

Перевод У. Сапциной: «Мне достался опасливый поцелуй: я пекла рождественский пирог и была вся в муке...»⁵.

---

¹ Виноградов В.В. О теории художественной речи. С. 142 – 143.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 494.

³ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 11..

⁴ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 530.

⁵ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 47.

«A book lay spread on the still before her, and the scarcely perceptible wind fluttered its leaves at intervals» (818) (Развернутая книга спокойно лежала перед ней, и едва ощутимый ветер трепал ее страницы время от времени).

Перевод Н. Вольпин: «Раскрытая книга лежала перед ней на подоконнике, и еле уловимый ветер время от времени переворачивал страницы»¹.

Перевод У. Сапциной: «Перед ней на подоконнике лежала раскрытая книга, почти незаметный ветерок изредка перелистывал ее страницы»².

Примеры указаний на устную импровизированную речь находим также в следующих эпизодах. В одном из них Нэлли, рассказывая об одном разговоре с Хитклиффом, прерывает рассказ и собирается уйти: «For shame, Heathcliff!» said I. «It is for Got to punish wicked people <...> But, Mr Lockwood, I forget these tales cannot divert you. <...> and your gruel cold, and you nodding for bed! <...> «Sit still, Mrs Dean» I cried, «do sit still, another half-hour!» (758) (Постыдись, Хитклифф! - сказала я. - Это для Бога - наказывать злобных людей <...> Но, мистер Локвуд, я забыла, эти истории не могут развлечь вас <...> Ваша каша остыла и вы дремлете <...> Посидите еще, миссис Дин, воскликнул я, посидите еще полчаса!)

Перевод Н. Вольпин: «Постыдись, Хитклифф, - сказала я, - пусть Бог наказывает злых людей <...> Но я забыла, мистер Локвуд, что эти рассказы для вас совсем не занимательны <...> и каша совсем остыла и вам уже пора в постель – вы дремлет. <...> Перебив такими словами самое себя, ключница поднялась и стала складывать свое шитье <...> Посидите, миссис Дин – попросил я – Посидите еще полчаса!»³

Перевод У. Сапциной: «Как не стыдно, Хитклифф! – воскликнула я. – Наказывать виновных в Божьей власти <...> Ох, мистер Локвуд, я и забыла, что такими рассказами вас не повеселить <...> а ваша еда давно остыла, да и в сон

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 620.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 134.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 537.

вас уже клонит! <...> Прервав свою повесть, экономка встала и принялась собирать шитье <...> - Посидите еще, миссис Дин – воскликнул я, - хотя бы полчаса!»¹

Здесь служанка прерывает свой рассказ, и читатель возвращается из событий прошлого в настоящее. Это становится возможным за счет введения в повествование следующих уточнений: «я забыла, мистер Локвуд» (фраза, которая произносится вдруг, прерывая рассказ), «каша остыла, и вы дремлете», «прерывая саму себя», «экономка поднялась, отложила свое шитье», «посидите еще, миссис Дин – воскликнул я». Подобные уточнения способствуют восприятию читателем обстановки как реальных бытовых условий устного диалога. Писательница возвращает читателя из бурных событий прошлого в спокойную домашнюю атмосферу настоящего, в ситуацию диалога двух героев.

Как правило, подобные уточнения оригинального текста не претерпевают принципиальных изменений в тексте перевода, что мы видим из приведенных примеров.

В ситуации имитирования устного высказывания семантическая окраска речи зависит не только от обстановки и других внешних факторов, но и от эмоционального настроения рассказчика. Рассмотрим несколько примеров на предмет сохранения переводчиками эмоционального настроения героев.

В эпизоде, когда Джозеф не хочет впускать Локвуда в «Грозовой перевал» в оригинальном тексте ярко выражена эмоциональная окраска диалога: «Whet are you for?» he shouted. <...> Is there nobody inside to open the door?» I hallooed, responsively» (727) (современный английский язык: «What do you want?», подстрочный перевод: что вы хотите? Закричал он <...> есть кто-нибудь внутри, чтобы открыть дверь, прокричал я громко в ответ).

Перевод Н. Вольпин: «Чего вам? – кричал он. <...> Есть кто-нибудь в доме, кто мог бы открыть дверь? – кричал я в свой черед»².

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 54.

² Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 493.

Перевод У. Сапциной: «Чего вам? - крикнул он <...> А доме совсем некому отпереть дверь? – поинтересовался я»¹.

В приведенном примере экспрессия диалога и эмоциональная напряженность создается посредством глаголов «to shout» (кричать), «to halloo» (громко кричать, привлекать внимание). Выбор подобных глаголов рассказчиком (автором) обусловлен ситуацией (слуга Джозеф не впускает гостя мистера Локвуда в имение), и диалог приобретает черты реальной разговорной ситуации в условиях определенного бытового общения. Однако, переданная в первом варианте перевода экспрессия, вторым переводчиком не воспроизводится. Глагол «to halloo» (громко кричать) У. Сапцина переводит глаголом «поинтересоваться», что приводит к сглаживанию эмоциональной остроты диалога.

В целом, в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» сказ закреплен за двумя рассказчиками, и восприятие событий и героев произведения во многом зависит от концепции их речи, их субъективного видения. Большинство повествовательных стратегий в обоих случаях переводного текста сохраняются, также в обоих переводах сохранены отвлекающие от главного рассказа диалоги, сигнализирующие о том, что это живой разговор двух героев в ситуации неподготовленной импровизации. Однако У. Сапцина часто сглаживает эмоциональность некоторых диалогов или состояний героев.

Для «Грозового перевала» характерна спокойная, с одной, и гнетущая, с другой стороны, атмосфера. Подобного эффекта Эмили Бронте достигает при помощи описаний погоды, природы и интерьеров. В «Грозовом перевале» нет развернутых описаний природы или погодных явлений, в тексте произведения они встречаются редко и, в основном, невелики по объему. Подобные описания почти всегда являются фоном для развертывания тех или иных событий и настроения героев.

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 10.

В первой главе автор описывает поместье «Грозовой перевал», что предваряет события и, в какой-то степени, нравы героев романа: «Wuthering» being a significant provincial adjective, descriptive of the atmospheric tumult to which its station is exposed in stormy weather» (723) («Грозовой» показательное/символичное провинциальное/местное прилагательное, описывающее атмосферные волнения, от которых дом не защищен в бурную/штормовую погоду из-за своего расположения).

Авторское описание Н. Вольпин переводит следующим образом: «Эпитет «грозовой» указывает на те атмосферные явления, от ярости которых дом, стоя на юру, нисколько не защищен в непогоду»¹.

Перевод У. Сапциной: «Поместье мистера Хитклиффа именуется «Грозовой перевал», поскольку расположено так, что в ненастную погоду оказывается во власти бушующих стихий»².

Для своего объяснения названия поместья Эмили Бронте не случайно, на наш взгляд, выбирает словосочетание «atmospheric tumult», существительное «tumult» в английском языке имеет значения: шум и крики; грохот, суматоха, суета, сильное душевное волнение, возбуждение; смятение чувств, буйство. Данное слово имеет сильную эмоциональную нагрузку и прямую синонимическую связь с бурным выражением чувств; это слово символично для понимания характеров героев и эмоциональной напряженности событий произведения.

В обеих русскоязычных версиях отражен авторский замысел, о чем свидетельствуют прилагательные, которые выбирают переводчики: «ярость атмосферных явлений», «во власти бушующих стихий».

Далее приводится описание самого дома: «...the narrow windows are deeply set in the wall, and the corners defended with large jutting stones» (724) (узкие окна глубоко посажены в стену, а углы защищены большими выступающими камнями). Архитектура строения также не выглядит

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 488.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 6.

привлекательной, все сделано в ущерб эстетичности постройки, но для защиты дома от непогоды. Здесь также усматривается символическую связь с характерами обитателей дома, которые, несмотря на трудности, закалены так, что их сложно сломить. В обоих переводах сохраняется настроение мрачности и силы.

Перевод Н. Вольпин: «...окна ушли глубоко в стену, а углы защищены большими каменными выступами»¹.

Перевод У. Сапциной: «...окна посажены глубоко в толще стен, над углами нависают массивные каменные карнизы»².

В основном, описания природы и погодных явлений имеют прямые соответствия с событиями романа. Например, вечер, когда умирает отец Кэтрин Эрншо, описывается следующим образом: «He died <...> one October evening <...> A high wind blustered round the house, and roared in the chimney...» (747) (Он умер одним октябрьским вечером <...> сильный ветер бушевал вокруг дома и выл в трубе).

Перевод Н. Вольпин: «В один октябрьский вечер <...> он мирно скончался <...> Ветер бушевал вокруг дома и выл в трубе дико и грозно»³.

Перевод У. Сапциной: «Однажды октябрьским вечером он мирно скончался <...> Поднявшийся ветер неистово и грозно ревел в дымоходе»⁴.

В данном эпизоде погода соответствует мрачному настроению героев, вызванному смертью старого мистера Эрншо. В обоих переводах сохраняется атмосфера мрачности. Однако, в своем варианте перевода У. Сапцина сокращает описание, не воспроизводя фразу «a high wind blustered round the house» (сильный ветер бушевал вокруг дома). На наш взгляд, так теряется значимость данного описания, ее смысл состоит в том, что ветер бушевал не только снаружи (вокруг дома), но и проникал внутрь (гудел в трубе), чем подчеркивается особый драматизм сложившейся ситуации.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 488.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 6.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С.521.

⁴ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 38.

В следующем примере, наоборот, описывается радостное событие – рождение ребенка, которое сопровождается прекрасной погодой, что передается в обоих переводах: «On the morning of the fine June day, my first bonny little nursing <...> was born» (760) (Утром прекрасного июньского дня родился мой первый крепкий/здоровый маленький питомец).

Перевод Н. Вольпин: «Утром одного ясного июньского дня родился мой первый маленький питомец»¹.

Перевод У. Сапциной: «Мой первый маленький воспитанник <...> появился на свет утром ясного июньского дня»².

Вечер, в который Хитклифф убежал из «Грозового перевала», описывается Эмили Бронте с особой экспрессией и драматизмом: «It was a very dark evening for summer: the clouds appeared inclined to thunder <...> There was a violent wind, as well as thunder, and either one or the other split a tree off at the corner of the building: a huge bough fell across the roof, and knocked down a portion of the east chimney-stack, sending a clatter of stones and soot into the kitchen fire» (774) (Это был очень темный вечер для лета, появились тучи, расположенные к грому <...> это был неистовый/яростный ветер, такой же как и гром, и не то один, не то второй раскололи дерево на углу здания: большая/громоздкая ветка упала на крышу и сбила часть восточной дымовой трубы, послав/отправив нам сильный грохот камней и сажи в кухонный камин; курсив Эмили Бронте - Ю. Д.).

Перевод Н. Вольпин: «Вечер и впрямь был очень темным для летней поры; тучи, казалось, несли грозу <...> Ветер был злющий, и гром гремел, а не то от ветра, не то молнией расщепило ель за углом нашего дома; большущий сук свалился на крышу и отшиб с восточной стороны кусок дымовой трубы, так что в топку на кухне посыпались, громяхая, камни и сажа»³.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 539.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 56.

³ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 558.

Перевод У. Сапциной: «Для лета ночь и вправду была слишком темной, сгустились грозовые тучи <...> а над «Грозовым перевалом» бушевали стихии. Или яростный ветер, или удар молнии сломали дерево возле угла дома, большущая ветка рухнула на крышу и сбила часть дымовой трубы с восточной стороны, так что в кухонный очаг посыпались обломки и сажа»¹.

Этот вечер стал переломным моментом в судьбах Кэтрин и Хитклиффа, что отражается в описании непогоды: «*It was a very dark evening for summer*» (вечер необычайно темный для лета); т. е. в жизни героев происходит что-то такое, что никогда не случалось или что-то очень необычное. Этот важный контекст сохранен в обоих переводах.

Описывая гром и ветер, Эмили Бронте использует прилагательное «*violent*» (интенсивный, сильный, резкий, неистовый, яростный, жёсткий, ожесточённый, насильственный), это слово несет интенсивную эмоциональную нагрузку, и, употребляя словосочетания «*violent wind*», «*violent thunder*» для описания погоды этого вечера, автор акцентирует внимание на особенной силе разбушевавшейся грозы, что также важно для понимания ситуации. Данное описание символизирует отчаяние и горе Кэтрин, которая потеряла Хитклиффа.

В переводе Н. Вольпин подобная экспрессия выражена фразой «ветер был злощущий, и гром гремел», но в переводе У. Сапциной описание силы грозы и ветра вообще отсутствует. Переводчик опускает фразу «*there was a violent wind, as well as thunder*», прибегая к описательному переводу: «а над «Грозовым перевалом» бушевали стихии». В следующей фразе переводчик все же пытается воспроизвести экспрессию оригинального текста, употребляя прилагательное «яростный», «или яростный ветер, или удар молнии», однако, так, по нашему мнению, снижается эмоциональная сила описания.

Также в данном эпизоде символично расщепленное грозой дерево, упавшая на дом ветка и обломки, посыпавшиеся через дымоход. Это может

---

¹ Бронте Э. Грозовой перевал. С. 73.

предвещать что-то, что разрушит (сломанная труба и обломки) прежнюю жизнь героев. Оба текста перевода передают эти события.

Далее в этом же эпизоде Нэлли говорит: «But the uproar passed away in twenty minutes, leaving us all unharmed; excepting Cathy, who got thoroughly drenched...» (774) (Но шум прошел через двадцать минут, никого не повредив, кроме Кэти, которая промокла до нитки).

Оба перевода сохраняют содержание данного эпизода.

Перевод Н. Вольпин: «Но гроза за двадцать минут отгремела, никому из нас не причинив вреда; только Кэти промокла до нитки...»¹.

Перевод У. Сапциной: «Но гроза закончилась через двадцать минут, не навредив никому, кроме Кэти...»².

Сохранение смысла в данном эпизоде имеет особо важное значение, поскольку речь здесь идет не просто о том, что Кэтрин промокла под дождем, но о том, что больше всех пострадала она, о том, что вся символика происходящего относится именно к ней. В сломанной сильнейшим ветром трубе видится образ болезни и смерти Кэтрин, причиной которой отчасти является Хитклифф.

Наряду с описаниями природных явлений и погоды, которые напрямую отражают настроения или состояния героев, в романе присутствует эпизод, в котором повествование выстроено на контрасте: «Next morning – bright and cheerful out of doors – stole softened in through the blinds of the silent room, and suffused the couch and its occupant with a mellow tender glow» (823) (Следующее утро – яркое и веселое/радостное снаружи смягченно прокралось сквозь занавески в безмолвную комнату и залило мягким, нежным светом софу и то, что было на ней).

Перевод Н. Вольпин: «Следующее утро – яркое и веселое на дворе – прокралось, смягченное шторой, в безмолвную комнату и залило кровать и тело на кровати мягким, нежным светом»¹.

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 559.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 73.

Перевод У. Сапциной: «Следующее утро, такое солнечное и радостное снаружи, но приглушенное жалюзи в тихой комнате, озарило ложе и ту, что занимала его, приятным, нежным светом»².

Описание погоды в приведенном фрагменте резко контрастирует с событиями и общей атмосферой. Автор описывает смерть Кэтрин и страдания ее мужа Эдгара, однако, это происходит на фоне прекрасного утра. Возможно, подобный прием применяется Эмили Бронте, чтобы показать, что смерть Кэтрин – это, своего рода, начало новой эпохи, новой жизни для героев романа. Несмотря на горе от потери, жизнь для героев романа продолжается, что подчеркивается словами «morning – bright and cheerful», «a mellow tender glow». Однако Эмили все же акцентирует внимание на том, что это утро не может восприниматься героями печальных событий в полной мере. Автор уточняет, что утро яркое и радостное только снаружи (bright and cheerful out of doors - яркое и радостное снаружи), а для героев оно - только мягкий свет сквозь занавески в комнате с покойницей (stole softened in through the blinds of the silent room); но, несмотря на это, свет этот нежный и мягкий: «a mellow tender glow».

Возможно, так интерпретируется надежда на будущее, на счастливое продолжение жизни в лице новорожденной Кэти.

Подобное противопоставление мрачных событий и радостного утра в приведенном эпизоде привносят в него больше драматизма и ощущения реальности жизни, где, несмотря на горе, природа может дарить тепло и яркость солнечного утра.

Несмотря на отсутствие в произведении специальных описаний картин или процесса их создания, в романе все же присутствует краткий эпизод, относящийся к художественному творчеству.

В 3 главе присутствует реплика Локвуда, относящаяся к рисованию как к искусству. Увидев набросок слуги Джозефа, сделанный Кэтрин, Локвуд говорит: «I was greatly amused to behold an excellent caricature of my friend Joseph

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 627.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 141.

– rudely yet powerfully sketched. An immediate interest kindled within me for the unknown Catherine» (733) (Меня очень развеселила увиденная великолепная карикатура моего друга Джозефа, набросанная грубо, но все же сильно. Внезапный интерес зажегся во мне к незнакомой Кэтрин).

Перевод Н. Вольпин: «...я не без удовольствия увидел превосходную карикатуру на моего друга Джозефа – набросанную бегло, но выразительно. Во мне зажегся живой интерес к неведомой Кэтрин»¹.

Перевод У. Сапциной: «...я с удовольствием узрел превосходную карикатуру на уже знакомого мне Джозефа – набросанную бегло, но с явным мастерством. С немедленно пробудившемся интересом к неизвестной Кэтрин...»².

Автор романа не только Кэтрин наделяет талантом к рисованию, но наделяет и Локвуда способностью оценить ее наброски. Талант Кэтрин подтверждается фразами «excellent caricature», «powerfully sketched», но важным является и тот факт, что Локвуд, увидев рисунок Кэтрин, проникается к ней живым интересом, и ее талантливый набросок побуждает Локвуда к чтению ее дневниковых записей. Этот фрагмент имеет важное значение для понимания характеров Кэтрин и Локвуда, а также для всей повествовательной структуры романа.

Оба переводчика, на наш взгляд, не просто передают смысл и содержание приведенного фрагмента, но с большим вниманием подходят к его переводу. Н. Вольпин в своем переводе употребляет выражения «превосходная карикатура», «выразительно набросанная». У. Сапцина, переводя тот же фрагмент, также пишет «превосходная карикатура» и «набросанная с явным мастерством», больше внимания акцентируя на художественном мастерстве Кэтрин, а также на том, что Локвуд смог это понять и оценить.

Исходя из результатов сопоставительного анализа русскоязычных переводов романа Э. Бронте «Грозовой перевал», можно заключить, что оба

---

¹ Бронте Ш. Джейн Эйр. Бронте Э. Грозовой перевал. С. 502.

² Бронте Э. Грозовой перевал. С. 19.

перевода точно передают содержательную и эмоциональную сторону оригинального текста. Все повествовательные особенности оригинального текста, определенные в качестве основных для нарративной структуры романа, сохранены в обеих версиях русскоязычных переводов. Особенность повествовательной структуры, воплощенная писательницей в форме устного диалога, образы основных рассказчиков, тип наррации и значимость описаний природы, погоды, картин и пр. функционируют в текстах русскоязычных переводов XX в. адекватно тексту оригинала.

Однако перевод У. Сапциной, осуществленный уже в контексте русской массовой женской литературы начала XXI в., в ряде случаев нивелирует художественные особенности оригинального текста.

ГЛАВА 5. РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА ЭНН БРОНТЕ «НЕЗНАКОМКА ИЗ УАЙЛДФЕЛЛ- ХОЛЛА»

5.1. Особенности повествования в романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла»

Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» самой младшей сестры Энн Бронте был издан в 1848 г. В России первый и единственный перевод романа был выполнен И. Гуровой в 1990 г.

В центре романа – история жизни Хэлен Хантингдон, ее неудачного первого замужества и новой любви к Гилберту Маркхему. Молодая Хэлен Хантингдон под именем Хэлен Грэхем поселяется в поместье Уайлдфелл-Холл, которое расположено недалеко от Линден-Кар. Женщина живет в старинном доме со своим маленьким сыном Артуром. Приезд Хэлен Грэхем порождает массу слухов и догадок о ней и об ее жизни у местных жителей, новый арендатор Уайлдфелл-Холла кажется им загадочной и таинственной. Молодой фермер Гилберт Маркхем влюбляется в Хэлен и всеми способами пытается добиться ее расположения. К Гилберту и другим жителям Хэлен относится настороженно, держит дистанцию в общении, редко принимает приглашения на приемы. Однако, мистеру Маркхему удается подружиться с ее сыном Артуром, и Хэлен Грэхем начинает общаться с ним больше, чем с другими. Спустя некоторое время после знакомства Хэлен дает Гилберту прочесть свой дневник, который она начала вести до приезда в Уайлдфелл-Холл. Из дневника Гилберт узнает все подробности жизни Хэлен до и после ее замужества с Артуром Хантингдоном, а также обстоятельства, при которых Хэлен сбежала от своего мужа и поселилась в Уайлдфелл-Холле. Затем, узнав о том, что Артур Хантингдон при смерти, Хэлен уезжает к мужу, чтобы быть рядом в последние моменты его жизни. Через год после отъезда Хэлен из поместья и смерти ее

мужа Гилберт едет к ней в поместье Стэнинглей, где влюбленные вновь встречаются и женятся.

Помимо истории любви и жизни Хэлен и Гилберта, красной нитью через все произведение проходит тема пьянства. На примере жизни Артура Хантингдона и его друзей, которые постоянно напивались, приучали к алкоголю детей и грубо обращались с женщинами, Энн Бронте показывает, какие последствия для человека, семьи и общества может иметь пристрастие к алкоголю. Н. Михальская в своей вступительной статье к книге Э. Бронте пишет: «Со стороны Энн Бронте понадобилась большая смелость, чтобы ввести в роман тему разрушительных последствий алкоголизма, для того, чтобы без прикрас, со всей правдивостью рассказать историю гибели распада семейных отношений, складывающихся на основе любви и уважения супругов друг к другу. Раскрыть эту тайну викторианского дома было нелегко: о ней предпочитали умалчивать. Энн, на личном опыте знавшая, какое горе приносит пьянство, бесстрашно обратилась к этой проблеме, включив ее в круг своего пристального внимания»¹.

В своем переводе И. Гурова передает все сюжетные линии, сохраняет основное деление текста на 53 главы, воспроизводит названия каждой из них.

С точки зрения структуры повествования текст условно можно разделить на три части: повествование мистера Маркхема в письмах к другу, повествование от лица Хэлен в виде ее дневниковых записей, повествование от лица Хэлен в письмах к ее брату. Все нарративные компоненты соединены в единый текст рассказом Гилберта Маркхема. Гилберт компокует фрагменты текста, дает разъяснения, что и откуда он берет для своего рассказа, часто вниманию читателя представлены подлинные документы, о чем также становится ясно из речи Гилберта.

Так все повествование в романе Энн Бронте организовано как письменный текст. Повествование ведется от лица двух героев, Гилберта

---

¹ Михальская Н. П. Третья сестра Бронте // Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения. С. 15.

Маркхема и Хэлен Хантингдон. В начале и финале произведения вниманию читателя представлены личные письма Гилберта своему другу, в которых он рассказывает историю своей любви к Хэлен, в середине произведения способ повествования меняется, и в текст вводится дневник Хэлен, со страниц которого читатель узнает историю ее жизни со слов самой героини, а также ее письма к брату. Характер такого повествования – доверительный, читателю становятся известны ход мыслей героини, ее мировоззрение, намерения и т. д. Окружающий мир и людей читатель видит ее глазами, а то, что недоступно сознанию Хэлен, остается за рамками видения и читателя.

Повествование о событиях романа в письмах Гилберта Маркхема выстроено в ретроспективе, кроме первых строк первого письма, где Гилберт обращается к Холфорду в настоящем времени, описывая события, происходящие в настоящий момент: «It is a soaking, rainy day, the family are absent on a visit, I am alone in my library and have been looking over certain musty old letters» (1065) (Стоит мокрый дождливый день, семья уехала в гости, я нахожусь один в своей библиотеке и просматриваю некоторые заплесневелые старые письма). Весь остальной рассказ Гилберта посвящен событиям, происходившим несколько лет назад.

Что касается рассказа Хэлен, то здесь события описаны непосредственно в момент, когда они происходили в жизни героини, и для достижения подобного эффекта Энн Бронте выбирает форму дневниковых записей. Внимание читателя представлено повествование о событиях прошлого, поскольку, когда Маркхем читает дневник Хэлен, описываемые в нем события уже в прошлом, - с позиции героини как непосредственного участника событий прошлого. Такая организация повествования дает полное представление о чувствах, эмоциях и переживаниях героини в момент самих событий.

Например, описывая неловкое положение, в котором она оказалась из-за поведения своего мужа, Хэлен пишет в своем дневнике: «he laughed incessantly, and while I blushed for all I saw heard of him, I was glad that he chose to talk to his companion in so low a tone that no one could hear what he said...» (1236) (он

смеялся непрерывно, и несмотря на то, что я краснела от стыда от всего, что я видела и слышала от него, я была рада тому, что он выбрал для разговора со своим товарищем такой тихий тон, что никто не мог слышать, что он говорил).

На протяжении дневниковых записей Хэлен тон и экспрессия ее высказываний меняется в зависимости от ситуации. В 31 главе, рассказывая о дурном влиянии друзей на ее мужа Артура, Хэлен пишет: «They encourage him daily to overstep the bounds of moderation, and, not infrequently, to disgrace himself by positive excess» (1233) (Они подстрекают его ежедневно переступить границы умеренности, и часто он позорил себя излишествами). Здесь Хэлен выбирает нейтральную лексику, говоря о пагубной привычке мужа к алкоголю.

Однако, в дальнейшем, когда выходки Артура становятся вопиющими, Хэлен, не сдерживая эмоций, говорит о нем и его друзьях в другом тоне, употребляет более экспрессивную, грубую лексику: «Hence, was I obliged to stay among these human brutes, watching an opportunity to get my child away from them...» (1284) (Впредь я была вынуждена оставаться среди этих животных с человеческими лицами /тупыми/грубыми людьми/скотами, выжидая возможность убрать своего ребенка от них).

Повествование в романе «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» представляет собой сложную и, в то же время, интересную систему повествования. Возможно, этим обстоятельством объясняется повышенный интерес к нему российских исследователей конца XX-начала XXI в. В диссертационных исследованиях, посвященные творчеству Энн Бронте, повествовательным принципам в романах писательницы уделено значительное внимание.

В частности, М. Н. Рябков в своей диссертации «Роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» как женский текст» подробно обращается к особенностям повествования в романе. Ввиду того, что текст главной героини Хэлен – это ее дневник, М. Н. Рябков анализирует функцию и роль личного дневника в произведении. Автор размышляет об изменении роли и функции дневника в произведении по мере развития реалистического романа. Исследуя проблему гендера (женский текст), М. Н. Рябков затрагивает важные вопросы,

относящиеся к сфере повествовательных конструкций романа. Автор диссертационного исследования рассматривает дневник Хэлен как текст, представленный «как минимум в двух плоскостях – автора дневника и автора романа <...> Энн Бронте присваивает своим мыслям и взглядам чужое авторство, формально в романе не оставляя для себя самой даже функции нарратора»¹.

Итак, для своего романа Энн Бронте избирает форму повествования от первого лица. В «Незнакомке из Уайлдфелл-Холла» автор всегда акцентирует внимание читателя на том, что все события, о которых рассказывается в романе, пересказаны не по памяти, а подкреплены конкретными документами (письма, дневники). На документальность нарратива указывают не только точные даты в рассказе, но и прямые указания героев на то, что они используют те или иные письменные документы.

5.2. Функционирование повествовательных конструкций в тексте письма

Начинается роман письмом Гилберта к своему другу Хлدفорду. Вступительная часть произведения и первая глава оформлены в виде письма: указано, кому адресовано письмо, присутствует личное обращение, в конце письма стоит прощальная фраза и подпись, характерные для эпистолярного жанра. Начинается роман следующим образом: «To J. Halford, Esq.» (1065) (Джону Холфорду эсквайру).

Затем идет обращение Гилберта к другу: «Dear Halford» (1065) (Дорогой Холфорд). Конец первой главы подразумевается как конец первого письма к Холфорду и заканчивается, соответственно следующими словами: «Yours immutably, Gilbert Markham» (1073) (Неизменно ваш, Гилберт Маркхем).

---

¹ Рябков М. Н. Указ. соч. С 107.

В своем переводе И. Гурова сохраняет оригинальную структуру начала романа: «Дж. Холфорду, эсквайру. Дорогой Холфорд!»¹ «Неизменно твой Гилберт Маркхем» (166).

Это является важным для понимания авторской идеи текста и его повествовательной структуры. Первой главе романа предшествует краткий фрагмент в виде письма, который предваряет все дальнейшее повествование, из которого читатель узнает, о чем и в каком жанре будет дальнейшее повествование. Гилберт Маркхем сообщает, что рассказ будет о его молодости, т. е. он будет описывать события, которые происходили много лет назад. Здесь же герой говорит о том, что свой рассказ он будет выстраивать, не только полагаясь на свою память, но и на свой старый дневник, который он хранит до сих пор: «Among the letters and papers I spoke of, there is a certain faded old journal of mine, which I mention by way of assurance that I have not my memory alone...» (1065) (Среди писем и бумаг, о которых я говорил, есть некий блеклый мой старый дневник, который я упоминаю как гарантию, что имею не только мою память).

Перевод И. Гуровой: «Среди упомянутых мною бумаг покоится старый выцветший мой дневник, который послужит тебе ручательством» (158).

Подтверждением, того, что Гилберт в своем рассказе пользуется дневником, который он вел в тот период своей жизни, о котором он рассказывает, могут служить многочисленные упоминания точных дат, дней и иногда даже конкретного часа, что соответствует стилю ведения дневника.

«You must go back with me to the autumn of 1827» (1067) (Ты должен вернуться со мной назад к осени 1827 г.)

Перевод И. Гуровой: «Ты должен вернуться со мной к осенним дням 1827 года» (158).

«Two days after...» (1077) (Спустя два дня).

Перевод И. Гуровой: «Два дня спустя...» (171).

---

¹ Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-холла: Роман; Стихотворения. С. 157. Далее сноски на это издание даны в тексте работы с указанием в круглых скобках номера страницы.

В основном, в русскоязычной версии романа стиль, имитирующий дневниковые записи, сохранен переводчиком. Но иногда И. Гурова отступает от оригинального текста. Следующий пример демонстрирует, как подобные отступления затрудняют понимание текста романа.

Восьмую главу Гилберт начинает следующим образом: «Six weeks had past away It was a splendid morning about the close of June» (1105) (Прошло шесть недель, было великолепное утро, где-то в конце июня).

Перевод И. Гуровой: «Прошло полтора месяца. В конце июня <...> выдалось великолепное солнечное утро» (201).

В приведенном примере переводчик заменяет фразу оригинального текста «six weeks» фразой «полтора месяца». Несмотря на то, что по количественному значению дней эти фразы можно считать эквивалентными друг другу, на наш взгляд, подобная замена нивелирует отношение героя к событиям, происходящим с ним в конкретный отрезок времени. Гилберт очень внимательно и аккуратно относится ко всему, что связано с его жизнью и жизнью Хэлен, он влюблен в новую жительницу «Уайлдфелл-Холла», и в рассказе об этом для него важен каждый день и каждая неделя, которые он проживал в своих эмоциональных порывах. Поэтому герой с большим вниманием и точностью описывает своему другу ежедневные или еженедельные события. Именно эта особенность отношения Гилберта к описываемым событиям отражена автором фразой «six weeks» (шесть недель), и, заменяя ее фразой «полтора месяца», переводчик не передает смысл того, что для Гилберта по-настоящему важно.

В следующем примере, описывая события, Гилберт предельно уточняет время: «In little more than twenty minutes...» (1123) (Немного больше, чем через двадцать минут).

Это в полной мере отражено в переводе.

Перевод И. Гуровой: «Через какие-то двадцать минут с небольшим» (223).

Для понимания нарративной конструкции оригинального текста важными являются следующие уточнения Гилберта Маркхема. Начиная свое повествование, он пишет следующее: «To begin then, at ones, with Chapter 1-for it shall be a tale of many chapters» (1065) (Чтобы сразу начать с первой главы, эта повесть будет состоять из многих глав).

На наш взгляд, это одно из важных уточнений в романе от лица самого героя о стиле повествования. С первого взгляда создается впечатление, что Гилберт будет описывать события своей молодости в письмах к другу, но его собственные уточнения в самых первых строках романа отсылают нас не к повествовательной структуре писем, но к структуре романа, оформленного (написанного) как письма. Не случайно герой употребляет такие слова и выражения как «Chapter 1», «tale of many chapters».

В русскоязычной версии произведения это, на наш взгляд, передано не полностью. Уточнение рассказчика И. Гурова переводит следующим образом: «...приступаю к первой главе, ибо глав будет еще много» (158). Сохраняя слово «chapter» (глава), переводчик опускает слово «tale» из оригинальной фразы «tale of many chapters». Существительное «tale» является здесь ключевым для понимания структуры повествования. На русский язык слово «tale» может быть переведено как «рассказ/повесть», соответственно, дословный перевод словосочетания «tale of many chapters» должен быть следующий: «повесть, содержащая много глав». Такое словосочетание отсылает читателя к образу письменного текста, повести или романа, однако в переводе это не отражено. С нашей точки зрения, фраза «ибо глав будет еще много» не передает авторскую идею, смысл высказывания героя - рассказчика.

Продолжая концептуальный замысел повествования в форме личных писем к другу, в начале второй главы Энн Бронте приводит краткий фрагмент, свидетельствующий об этой переписке. Вторая глава начинается словами Гилберта, отвечающего на письмо Холфорда, которое пришло от друга в ответ на его первое письмо. Отсюда мы узнаем, что ответил Холфорд: «I perceive, with joy, my most valued friend, that the cloud of your displeasure has past away

<...> and you desire the continuation of my story...» (1074) (Я с радостью осознаю, мой самый ценный друг, что облако твоей досады миновало <...> и ты желаешь продолжения моей истории).

Русскоязычный перевод: «С большой радостью, мой самый дорогой друг, я убедился, что облако твоей досады уплыло прочь <...> и ты желаешь узнать продолжение моей истории» (166).

Создается впечатление диалога между рассказчиком и его другом. Все дальнейшее повествование ведется Гилбертом без имитации ответных писем. Но на протяжении всего повествования, кроме введенного в него дневника Хэлен, Гилберт ведет диалог с Холфордом, высказывая ему свои предположения, делясь впечатлениями, задавая вопросы. Несмотря на отсутствие самих писем друга, на протяжении всего произведения сохраняется впечатление, что это не просто рассказ, но дружеская переписка. Приведем несколько примеров подобного диалога с Холфордом: «...but halt – I will not bore you...» (1108) (Но стоп – я не буду докучать тебе).

Перевод И. Гуровой: «Но довольно! Я не стану докучать тебе» (205).

«To tell you all the questionings and conjectures – the fears, and hopes, and wild emotions that jostled and chased each other through my mind <...> would almost fill a volume in itself» (1127) (Чтобы рассказать тебе все вопросы, догадки, страхи и надежды и бурные эмоции, которые проносились в моем мозгу, это все заняло бы том/книгу).

Перевод И. Гуровой: «Потребовался бы целый том, чтобы описать тебе вопросы, предположения, страхи и надежды, которые теснились в моем мозгу» (227).

«Well, Halford, what do you think of all this? And while read it, did you ever picture to yourself what my feelings would probably be...» (1314) (Ну что, Хлдорд, что ты думаешь обо всем этом? И когда ты читал представлял ли ты себе какие возможно, были мои чувства).

Перевод И. Гуровой: «Ну, Холфорд, что ты обо всем этом скажешь? А пока ты читал, думал ли о том, какие чувства обуревали меня» (443).

«I can give you a few extracts from the rest of the letter...» (1339) (Я могу дать тебе несколько отрывков из остального письма).

Перевод И. Гуровой: «Перепишу для тебя еще несколько отрывков из этого письма» (471).

Все реплики, касающиеся диалога с другом, полностью переданы в переводе романа. Эта особенность повествования важна в контексте понимания всей нарративной структуры произведения.

Как мы уже упоминали выше, подобное ведение диалога с Холфордом отсутствует только в той части текста произведения, где повествование ведется от лица Хэлен, т. е. где Гилберт, по его собственным словам, предоставляет Холфорду сам дневник героини.

Документальность и достоверность событий важна для автора произведения, на это указывают многочисленные уточнения и пояснения самого Гилберта. Вначале он упоминает, что использует свой дневник, затем он присылает Холфорду дневник или содержание дневника Хэлен, в финале произведения цитирует фрагменты из писем Хэлен, о чем также он прямо поясняет Холфорду. Очевидно, что, создавая роман, Энн Бронте не просто выстраивала структуру повествования в виде письменного текста, но стремилась сделать этот текст как имитацию документального.

5.3. Функционирование повествовательных конструкций в тексте дневника

С 16 главы повествование в романе принадлежит Хэлен, читателю представлен личный дневник самой героини, мы слышим ее голос, историю ее жизни от первого лица, без посредников.

В конце 15 главы Гилберт Маркхем дает прямые пояснения своему другу Холфорду относительно дневника Хэлен: «I know you would not be satisfied with an abbreviation of its contents, and you shall have the whole, save, perhaps, a few

passages here and there <...> It begins somewhat abruptly, thus...» (1143) (Я знаю, что ты не удовлетворишься сокращенным вариантом его (дневника) содержания, но ты должен иметь его целиком, возможно, убраны будут несколько эпизодов. Он начинается отчасти прерывисто следующим образом).

В переводе И. Гурова передает уточнения Гилберта следующими словами: «...ты, я знаю, не удовлетворишься кратким пересказом, а потому получишь его целиком. Изъяты будут лишь отдельные места <...> начинался он прямо с середины вот так...» (246).

В переводе полностью сохраняется важная для понимания повествовательной структуры информация, что содержание дневника будет передано полностью, и это имеет документальное подтверждение. Однако фраза в русскоязычном переводе «с середины» несколько затрудняет понимание смысла. В оригинальном тексте речь идет о том, что из дневника будут удалены некоторые фрагменты, не представляющие важности для общего смысла, слово «abruptly» имеет в русском языке значения: с перерывами/с промежутками/ прерывисто. Фраза в переводном тексте «с середины» означает, что текст предоставлен не с промежутками, не полностью, а только с середины, что создает впечатление, будто пропущена какая-то значительная часть текста.

Для большей достоверности рассказа Гилберт также уточняет, что этот дневник, принадлежавший Хэлен, находится у него: «I have it now before me...» (1143) (Сейчас он передо мной, здесь).

И. Гурова точно следует за оригинальным текстом: «Сейчас он лежит передо мной...» (246).

Подобное уточнение важно, поскольку читатель узнает, что услышит рассказ от первого лица автора дневника.

Из речи Гилберта не ясно, как он собирается передавать другу содержание дневника. Заканчивая повествование 15 главы, Гилберт пишет: «... we will reserve its commencement for another chapter, and call it:...» (мы оставим его начало до другой главы, и назовем ее...). Далее идет название 16 главы

романа: «The Warnings of Experience» (Предостережения опытности). Так дневник Хелен оказывается поделенным на главы романа. Вновь, как это было и с письмами героя, дневниковое повествование героини оборачивается, в конечном счете, романским повествованием.

Относительно хронологического аспекта повествования в романе отметим, что рассказ Гилберта Маркхема в письмах другу организован ретроспективно.

Исключением является первое письмо и финальный фрагмент последнего, где Гилберт пишет в настоящем времени.

В первом письме Гилберт говорит: «It is a soaking, rainy day, the family are absent on a visit, I am alone in my library and have been looking over certain musty old letters...» (1065) (Стоит мокрый дождливый день, семья уехала в гости, я нахожусь один в своей библиотеке и просматриваю некоторые заплесневелые старые письма).

Перевод И. Гуровой: «За окном моросит докучливый дождь, семейство мое уехало в гости, а я сижу один в библиотеке, перебираю пожелтелые письма и некоторые другие старые бумаги...» (158).

Финал произведения представляет собой финальные строки последнего письма Маркхема, где речь идет о событиях настоящего: «I need not tell you how happily my Helen and I have lived and loved together, and how blessed we still are in each other society, and in the promising young scions that are growing up about us. We are just now looking forward to the advent of you and Rose, for the time of your annual visit ...» (1376) (Мне не нужно говорить тебе, как счастливо моя Хэлен и я жили и любили друг друга и как счастливо мы до сих пор находимся в обществе друг друга и обществе подающего надежды молодого поколения. Мы с нетерпением ждем вашего с Розой прибытия во время вашего ежегодного визита к нам).

Перевод И. Гуровой: «Что до меня, то вряд ли надо рассказывать тебе, как счастливо и в какой любви мы жили и живем с моей Хелен, сколько радости находим в обществе друг друга и в подрастающем вокруг нас молодом

поколении. А сейчас мы с большим нетерпением ожидаем твоего с Розой ежегодного визита...» (512).

В русскоязычном переводе романа оригинальная структура временной синхронизации повествования сохраняется.

Весь остальной рассказ Гилберта посвящен событиям, происходившим несколько лет назад. Что касается повествования от лица Хэлен, то здесь события описаны непосредственно в тот момент, когда они происходили в жизни героини. Для достижения подобного эффекта Энн Бронте и выбирает форму дневниковых записей. Вниманию читателя представлено повествование о прошлых событиях в жизни Хэлен с ее позиции в качестве непосредственного участника событий. Такой способ повествования дает читателю полное представление о чувствах, эмоциях и переживаниях героини в момент самих событий, происходит полное погружение читателя в прошлое.

Дневниковые записи содержат многочисленные указания на даты, введенные в повествование от лица Хэлен. В отличие от подобных уточнений в рассказе Гилберта, в дневнике Хэлен даты указаны гораздо чаще. Описание каждого события сопровождается определенной записью в дневнике.

Дневник начинается следующими словами: «June 1st, 1821 – We have just returned to Staningley...» (1143) (1 июня, 1821 года – мы только что вернулись в Стейнинггли).

Перевод И. Гуровой: «1 июня 1821 года. Мы только что вернулись в Стейнинггли» (246) (здесь и далее курсив И. Гуровой – Ю. Д.).

«The next day, I accompanied my uncle and aunt to a dinner party...» (1151) (На следующий день я в компании моего дяди и тети пошла на званый обед).

Перевод И. Гуровой: «На следующий день я отправилась с дядей и тетушкой на обед...» (256).

«August 25th – I am now quite settled down to my usual routine...» (1157) (25 августа – я сейчас немного остепенилась и вернулась к своим обычным занятиям).

Перевод И. Гуровой: «25 августа. Мало-помалу я вернулась к прежним своим занятиям...» (262).

«Today is the first of September...» (1157) (Сегодня первое сентября).

Перевод И. Гуровой: «Нынче первое сентября...» (263).

«December 25th, 1823 – Another year is gone.» (1215) (25 декабря 1823 года. Прошел еще год).

Перевод И. Гуровой: «25 декабря 1823 года. Вот миновал еще год» (327).

Часто, описывая происходящее в момент сильного эмоционального напряжения, Хэлен прибегает более интенсивному (частому) записыванию событий в дневник. Иногда героиня записывает только даты, что указывает на почти ежедневное обращение к дневнику: «6th. <...> Seventh» (1249), «9th. Yesterday, when Rachel came...» (1251) (Шестое. Седьмое. Девятое. Вчера, когда пришла Рейчел).

Это полностью отражено в переводе: «Шестое. <...> Седьмое» (368), «Девятое. Вчера, когда Рейчел пришла...» (370).

Иногда - даже время суток: «Evening. Breakfast passed well over...» (1158) (Вечер. Завтрак прошел хорошо).

Перевод И. Гуровой: «Вечер. Завтрак прошел благополучно» (378).

Это связано с тем, что Хэлен в это время переживала одно из самых сильных потрясений в жизни – измену мужа, поэтому она так часто делала записи в своем дневнике. Дневник, который героиня вела на протяжении всех лет жизни с мужем, играет для Хэлен огромную роль, он представляет ценность для героини не только тем, что содержит описание событий, переживаний и чувств героини, но важнее для Хэлен становится само обращение к дневнику.

Значение подобного отношения Хэлен к дневнику мы узнаем из эпизода, когда Хэлен узнала об измене Артура Хантингдона. Ночью в этот день она не смогла уснуть и сделала следующую запись в своем дневнике: «I got my desk and sat down in my dressing-gown to recount the events of the past evening. It was better to be so occupied than to be lying in bed torturing my brain with collections of the far past and anticipations of the dreadful future. I have found relief in describing

the very circumstances that have destroyed my peace, as well as the little trivial details attendant upon their discovery. No sleep I could have got this night would have done so much towards composing my mind <...> when I cease writing, I find my head aches terribly» (1258) (Я села за письменный стол в домашнем халате для того, чтобы подробно изложить события прошедшего вечера. Было лучше быть занятой этим делом, чем лежать в постели, мучая свой мозг всеми недавними событиями и антипатиями ужасного будущего. Я нашла облегчение в описании всех обстоятельств, которые разрушили мой мир, так же, как и все мелкие обычные детали, сопровождающие их открытие).

Героиня, не имея возможности излить свои чувства кому-либо, делает это при помощи дневниковых записей, и это становится неотъемлемой частью ее жизни. В контексте повествовательной структуры текста романа дневниковые записи Хэлен – это основной компонент, организующий содержательную и формообразующую сторону повествования.

В русскоязычном тексте данная особенность передана полностью И. Гуровой: «...села в халате к столу, чтобы записать события прошедшего вечера. Все-таки это было лучше, чем метаться без сна, мучая свой бедный мозг воспоминаниями о былом и мыслями о страшном будущем. Я нашла облегчение, описывая те самые обстоятельства, которые погубили мой душевный мир, и мельчайшие подробности того, как я сделала это открытие. Никакой сон не дал бы мне такое успокоение <...> И все же стоит мне положить перо, как виски сжимает невыносимая боль...» (378).

Помимо упоминаний дат, в тексте присутствуют и другие элементы, указывающие на то, что это письменный дневниковый текст. Часто такими элементами становятся фразы героини, характерные для дневникового письма. Примером могут служить следующие выражения, которые мы находим в дневнике Хэлен: «...etc., etc. I shall not trouble myself to put down all that passed between us» (1151) (и так далее, и так далее. Я не буду волновать себя, записывая все, происходящее между нами).

Перевод И. Гуровой: «И так далее, и так далее. Не стану утруждать и записывать дальнейшую нашу беседу» (255).

«*And was I glad? – Yes, delighted...*» (1221) (Была ли я рада? Да, восхищена).

Перевод И. Гуровой: «Правда ли, что я рада? Да. И безумно» (335).

«*September 30th. Our guests have been here a week or two; but I have had no leisure to pass any comments upon them till now*» (1232) (30 сентября. Наши гости пробыли здесь уже неделю или две, но у меня до настоящего момента не было свободного времени дать некоторые комментарии относительно них).

Перевод И. Гуровой: «*30 сентября*. Наши гости здесь уже вторую неделю, но у меня только теперь выпала свободная минута написать о них» (348).

«*January 10th, 1827. While writing the above, yesterday evening, I sat in the drawing-room. Mr Huntingdon was present...*» (1293) (10 января 1827 года. В то время когда я писала вышесказанное вчера вечером, я сидела в гостиной. Мистер Хантингдон был там).

Перевод И. Гуровой: «*10 января 1827 года*. Все это я писала вчера вечером в гостиной, где был и мистер Хантингдон...» (419).

«*I will return to my chronicle for the purpose of recording sayings and doings, the last of the kind I hope I shall ever have cause to describe*» (1208) (Я вернусь к своей летописи/дневнику для того чтобы записать такие высказывания и действия, которые, я надеюсь, я больше никогда не должна буду описывать).

Перевод И. Гуровой: «...я вернулась к своей летописи, чтобы запечатлеть слова и дела такого рода, каких, надеюсь, мне больше никогда не доведется заносить на ее страницы» (319).

В тексте перевода указание дат, дней, т. е. начало очередной записи в дневнике, И. Гурова выделяет курсивом, что видно из приведенных выше примеров. В тексте оригинала подобного выделения нет. На наш взгляд, такой прием переводчика еще более структурирует текст, придает ему форму дневника.

Часто текст создается Энн Бронте таким образом, что у читателя рождается впечатление, будто Хэлен записывает свои мысли и переживания, действительно, непосредственно в момент письма, например, подбирает более подходящие слова, некоторые слова особенно выделяет, некоторые фразы заключает в скобки, и пр. В отличие от дат, в оригинале романа подобное выделение часто уже изначально обозначено курсивом.

«...that present success should add one little to this conscious power (his insolent self-confidence, I ought to say)...» (1252) (данный успех, должно быть, добавит немного к этой осознаваемой власти (к его высокомерной самоуверенности, я должна сказать).

Перевод И. Гуровой: «...этот успех укрепит в нем сознание своей власти (его наглую самоуверенность, следовало бы мне написать)...» (372).

«...he allowed – and even urged me...» (1230) (он разрешил – и даже заставил меня).

Перевод И. Гуровой: «...он разрешил...нет, даже настаивал...» (345).

«...I will write no more about *that*» (Я больше не буду писать об этом).

Перевод И. Гуровой: «Но об *этом* я писать не стану!» (357)

«At first (in compliance with his sweet lady's injunctions, I suppose), he...» (1267) (Сначала (в соответствии с запретами его милой дамы, я полагаю) он).

Перевод И. Гуровой: «Вначале (вероятно, памятуя о наставлениях дамы своего сердца) он...» (388).

Перечисленные нами выше особенности повествовательной манеры Энн Бронте, которые важны для восприятия текста как письменного, полностью сохраняются в тексте перевода. И. Гурова точно воспроизводит все подобные элементы, выделяя, где это необходимо, курсивом определенные слова в соответствии с оригиналом.

Еще одним источником, которыми пользуется Гилберт для своего рассказа, являются письма Хэлен к брату Фредерику. В финале произведения нарратив состоит из речи (рассказа) Гилберта и цитирования этих писем Хэлен. Приводя тот или иной фрагмент письма или письмо целиком, Гилберт всегда

проговаривает это. Например, пересказывая содержание одного из писем, в подтверждение подлинности его слов Гилберт уточняет: «And so I kept it; otherwise, Halford, you could never have become so thoroughly acquainted with its contents» (1338) (И таким образом я сохранил его, иначе, Холфорд, ты бы никогда не смог получить такое основательное ознакомление с его содержанием).

Перевод И. Гуровой: «И оно осталось у меня. Иначе, Халфорд ты бы не прочел его здесь от слова и до слова» (470).

В другом эпизоде, прежде чем начать рассказ со слов Хэлен из ее письма, Гилберт также уточняет: «The next day but one, there came another letter. That too was put into my hands without a remark, and these are its contents - ...» (1349) (Только на следующий день пришло другое письмо. Это также было отдано мне в руки без высказываний/слов, и вот его содержание).

Перевод И. Гуровой: «На второй день пришло еще одно письмо. Оно так же было молча вложено мне в руку, и вот его содержание...» (482).

Описания природы и погодных явлений также имеют важное значение для понимания всей романной повествовательной структуры. В романе часто присутствует описание пейзажей или погоды, которое, так или иначе, соответствуют настроениям и переживаниям героев. Однако Энн Бронте не просто проводит аналогию между настроениями или чувствами героев и погодными явлениями, но часто героини сами прямо говорят о своих подобных эмоциях.

В эпизоде, когда Хэлен делится с Гилбертом своим настроением, живя в «Уайлдфелл-Холле» она говорит: « I am sitting alone, hearing the bleak wind moaning round me and howling through the ruinous old chambers, no books or occupations can repress the dismal thoughts and apprehensions that come crowding in...» (1095) (Я сижу одна, слушая унылые завывания ветра вокруг меня и воющие звуки в развалинах старых комнат, ни книги или занятия не могут подавить мрачные мысли и опасения, которые накапливаются).

Перевод И. Гуровой: «...и я сижу и слышу, как за стенами воет ветер и стонет в заброшенных комнатах, ни чтение, ни другие занятия не могут отогнать унылые мысли и дурные предчувствия» (190).

Образ ветра, завывающего в пустом доме и снаружи, навевает скуку и тревогу, но автор романа не оставляет эту аналогию только интуиции читателя, а дает развернутые пояснения в виде объяснения своего состояния самой героини: «*dismal thoughts and apprehensions that come crowding in*».

Следующие примеры также свидетельствуют о том, что Энн Бронте, описывая природу или погоду, часто прямо говорит от лица своих героев, что подразумевается под теми или иными описаниями.

Хэлен, узнав об измене мужа, описывает свое состояние в первые минуты следующим образом: «...*a gust wind swept over me, which, while it scattered the dead leaves, like blighted hopes, around, cooled my forehead, and seemed a little to revive my sinking frame*» (1255) (порыв ветра взметнулся надо мной, который разбросал опавшие листья, как разрушенные надежды вокруг, он охладил мой лоб, и, казалось, привел немного в чувства мое внезапно ослабевшее тело).

Перевод И. Гуровой: «Потом сильный порыв ветра подхватил сухие листья и разметал их, как обманутые надежды, но он остудил мой горящий лоб и чуть-чуть оживил мое изнемогающее тело...» (375).

«*It was a clear, frosty morning. The very fact of sitting exalted aloft, surveying the snowy landscape and sweet, sunny sky, inhaling the pure, bracing air, and crunching away over the crisp, frozen snow, was exhilarating enough in itself...*» (1365) (Это было ясное морозное утро. Одного того, что я сидел высоко и наблюдал заснеженный пейзаж и милое солнечное небо, вдыхал чистый, бодрящий воздух и ехал по хрустящему, замерзшему снегу, перемалывая его, было достаточно, чтобы возбуждать меня).

Перевод И. Гуровой: «Утро было ясное, морозное. Одного того, что я восседал высоко над окружающим снежным пейзажем, любовался прекрасным солнечным небом, вдыхал чистый бодрящий воздух и слушал хруст снега под

колесами, было бы достаточно, чтобы привести меня в радостное возбуждение...» (500).

«...the bud, though plucked, would not be withered, only transplanted to a fitter soil to ripen and blow beneath a brighter sun...» (1213) (так сорванный бутон не будет увядать только если его пересадить в подходящую почву, для того чтобы он созревал и цвел под ярким солнцем).

Перевод И. Гуровой: «...сорванный нежный росток не увянет, а лишь пересаженный в более благодатную почву дивно расцветет под более ярким солнцем» (325).

«...the tiny epitome of your father, but stainless yet as that pure snow, new fallen from Heaven...» (1213) (миниатюрное изображение своего отца, но пока еще не запятнанный, чистый, как снег, только что упавший с небес).

Перевод И. Гуровой: «...крохотное подобие своего отца, но пока еще чистый, как свежесвыпавший снег» (325).

Наряду с описаниями погоды и природы, в тексте романа присутствуют многочисленные эпизоды, описывающие изобразительное искусство. Хэлен обладает талантом художницы, но в контексте повествования важно, что другой герой – Гилберт Маркхем - может это понимать и оценивать. Например, рассматривая картины Хэлен, Гилберт говорит: «The picture was strikingly beautiful...» (1107) (Картина была поразительно красива).

Перевод И. Гуровой: «Картина была поразительно хороша» (203).

«...and copying, with a spirited, though delicate touch, their various ramifications» (1094) (и, копируя энергично, тем не менее, деликатными прикосновениями их различные разветвления).

Перевод И. Гуровой: «...тщательно срисовывала сложные узоры их ветвей резкими, но изящными штрихами» (189).

Выражения Гилберта «spirited», «delicate touch» указывают на то, что он разбирается в силе и характере мазков или штрихов, которые художник наносит на холст.

В русскоязычном переводе романа сохраняются все компоненты повествовательной конструкции, которые важны для понимания всего произведения и для определения его места в системе всех произведений всех сестер Бронте в русской литературе XX в.

Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» становится известен русскому читателю лишь в конце XX в., т. е. только на этапе русской рецепции творчества сестер Бронте рубежа XX –XXI вв. Произведение Энн Бронте оказалось созвучно эстетике и поэтике именно этого периода; роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», организованный, в основной своей части как документальная мемуарная женская проза, оказался актуальным для массовой женской литературы, популярность которой приходится именно на рубеж XX –XXI вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская литература XX-XXI вв. располагает переводами всех произведений трех сестер Бронте. Появившийся в России середины XIX в. на волне интереса к женской проблематике роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» открыл для русской литературы творчество всех сестер Бронте.

Русскоязычная литературно–критическая, переводческая и научная рецепция творчества сестер Бронте – это многоэтапный процесс, представляющий собой три основных периода: середина-конец XIX в., середина-конец XX в. и рубеж XX-XXI вв. В каждую эпоху бытование творчества сестер Бронте в русской литературе имеет свои особенности и закономерности.

При первом появлении перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в России в середине XIX в. его успех был обусловлен рядом социально–культурных вопросов, в частности, постановкой проблемы женской эмансипации.

В русской литературе середины XX в. романы сестер Бронте приобретают особую популярность и актуальность среди читателей и исследователей в контексте «литературы 60-х».

На рубеже XX- XXI вв. творчество сестер переходит в принципиально новое для себя качество: романы английских писательниц оказываются востребованными массовой литературой, в частности, женской. Помимо популярности художественного наследия писательниц, сами фигуры Шарлоты, Эмили и Энн Бронте часто становятся персонажами современных женских романов.

Российское литературоведение также активно продолжает изучение творчества сестер Бронте. В XX в. оно рассматривалось преимущественно в контексте вопросов художественного метода. XXI в. характеризуется уходом исследователей в сторону изучения гендерного аспекта в романах сестер.

Наряду с этим, российские исследователи XXI в. обращаются к проблематике формы текстов сестер Бронте.

Причины подобного интереса к романам сестер Бронте в русской культуре и литературе XX – XXI вв. усматриваются в особой организации повествования, в новаторском изображении повествующего героя. Поэтому важно изучение нарративных особенностей романов в текстах русскоязычных переводов.

Три проанализированных в настоящем исследовании романа сестер Бронте демонстрируют многообразие повествовательных стратегий, здесь встречаются различные жанровые направления и организована полифония разных текстов. Тем не менее, именно в этом особом внимании к проблематике организации повествования усматривается единство творчества сестер Бронте, воплощенное в форме их произведений. Феномен сестер Бронте - это не только наследование писательского таланта, о котором пишут другие исследователи, но, прежде всего, особый подход сестер к повествованию. Именно в тщательно продуманных и обработанных повествовательных схемах произведений отчетливо проявляется основная особенность их творчества, позволяющая говорить о едином творческом феномене сестер Бронте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Английская литература: очерки и исследования / М. П. Алексеев. – Л.: Наука, 1991. – 469 с.
2. Аникин Г. В. История английской литературы / Г.В. Аникин, Н. П. Михальская. – М.: Высшая школа, 1985. – 431 с.
3. Аникст А. А. История английской литературы / А. А. Аникст. – М.: Учпедгиз, 1956. – 464 с.
4. Анисимов К. В. Литературный канон и осколки имперского нарратива в начале XX века (случай И.А. Бунина) // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1 (38). – С. 78 – 83.
5. Анисимов К. В. Мемуарно-публицистические тексты И.А. Бунина: риторическая стратегия автора и ее истоки // Литература и документ: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – С. 79 – 90.
6. Ануфриева М. А. Переводческая деятельность И.И. Введенского как отражение жанрово-стилевого развития русской прозы 1840 – 1860-х гг.: дис. ... канд. филол. наук / М. А. Ануфриева. – Томск, 2009. – 23 с.
7. Ахматова А. А. Сочинения в 2 т. / Вступ. статья М. Дудина, сост. и подгот. текста и коммент. В. Черных. – М.: Панорама, 1990. – Т. 1. Стихи и поэмы. – 526 с.
8. Базилевич В. М. Обличительный характер произведений Шарлотты Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Базилевич. – Львов, 1954. – 15 с.
9. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
10. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

11. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
12. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
14. Бахтин М. М. Тетралогия / М. М. Бахтин. – М.: Лабиринт, 1998. – 608 с.
15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство. – 1979. – 424 с.
16. Бахтин М. М.: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры: в 2 т. / М. М. Бахтин; сост. и коммент. К. Г. Исупова; библиография О. Ю. Осьмухиной, Т. Г. Юрченко, О. Е. Осовского, Н. Б. Панковой. – СПб.: РХГИ, 2002. – Т. 2. – 712 с.
17. Бирх-Пфайфер Ш. Ловудская сирота: Жан Эйр: комедия в 4 д. / Ш. Бирх-Пфайфер. – Пер. Д. А. Мансфельда. – М.: Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной, 1889. – 83 с.
18. Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
19. Брандес М. П. Стилистический анализ: на материале нем. яз. / М. П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1971. – 202 с.
20. Бронте Ш. Вильетт: роман / Ш. Бронте // Библиотека для чтения. – 1853. Т. 120. – С. 1 – 145. – Т. 121. – С. 1 – 164. – Т. 122. – С. 1 – 122, 193 – 267. Отд. 2: Иностранная словесность.
21. Бронте Ш. Городок / Ш. Бронте. Пер. Л. Орел и Е. Суриц; Вступ. ст. Н. П. Михальской. – М.: Художественная литература, 1983. – 559 с.
22. Бронте Ш. Джейн Эйр / Ш. Бронте. – М.: Эксмо, 2008. – 512 с.
23. Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман / Ш. Бронте; Грозовой перевал: Роман / Э. Бронте. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2003. – 811 с.

24. Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман; Стихотворения / Ш. Бронте – М.: Художественная литература, 1990. – 447 с.
25. Бронте Ш. Дженни Эйр: Ловудская сирота: роман – автобиография в 2-х частях / Ш. Бронте. – Пер. В. Д. Владимирова // Моя библиотека. – СПб.: Изд-во М.М. Ледерле и Ко, 1893. – 590 с.
26. Бронте Ш. Джэни Эйр история моей жизни. Шарлоты Бронте сокращенный перевод с английского // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. – СПб., 1901. – № 3 – 1 февраля, № 5 – 1 марта.
27. Бронте Ш. Наставница, или пансион в Брюсселе // Пантеон. – 1856. – Т. 25. – Кн. 1. – Раздел 9. – С. 1 – 42. – Т. 26. Кн. 3. – Раздел 13. – С. 43 – 74. – Т. 26. – Кн. 4. – Раздел 10. – С. 75 – 100. – Т. 27. – Кн. 5. – Раздел 8. – С. 101–174.
28. Бронте Ш. Наставница, или пансион в Брюсселе / Ш. Бронте. Пер. Н. Новосильского. – СПб., 1860. – 476 с.
29. Бронте Ш. Учитель / Ш. Бронте. М.: АСТ, 2013. – 320 с.
30. Бронте Ш. Учитель: роман / Ш. Бронте // Отечественные записки. – 1857. – Т. 115. – Отд. 1. – № 11. – С. 107 – 202. – № 12. – С. 621. – 730.
31. Бронте Ш. Учитель: роман / Ш. Бронте. Пер. Н. Флейшман. – СПб.: Мир и семья. – 95, 1997. – 371 с.
32. Бронте Ш. Шэрли / Ш. Бронте. Пер. И. Грушецкой и Ф. Мендельсона. – М.: Гослитиздат, 1963. – 632 с.
33. Бронте Ш. Шэрли: повесть // Библиотека для чтения. – 1851. – Т. 105. – Январь. – С. 1 68. – Феврвль. – С. 167 – 226. Т. 106. – Март. С. 1 – 122. – Апрель. – С. 153 – 214. – Т. 107. – Май. – С. 1 – 172. Отд. 2: Иностранная словесность.
34. Бронте Ш. Эмма Браун / Ш. Бронте, К. Бойлен. Пер. Е. Никитиной. – Харьков; Белгород: Клуб Семейного Досуга, 2008. – 480 с.
35. Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения / Э. Бронте. – М.: Художественная литература, 1990. – 527 с.

36. Бронте Э. Грозовой перевал / Э. Бронте. – М.: Издательский Дом «Ридерз Дайджест», 2009. – 287 с.
37. Бронте Э. Грозовой перевал: Роман; Стихотворения / Э. Бронте. – М.: Художественная литература, 1990. – 430 с.
38. Бронте, Энн: [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бронте,_Энн. (дата обращения: 15. 04. 2014)
39. Будагян А. А. Творческий путь Шарлотты Бронте: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Будагян. – Ереван, 1950. – 183 с.
40. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Флинта: «Наука», 2003. – 235 с.
41. Васильева И. Н. Сестры Бронте в России. Прихоти судьбы // Бронте Ш. Эмма. М., 2000. – С. 365 – 376.
42. Введение в литературоведение / под общ. ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа; Изд. центр «Академия», 1999. – 556 с.
43. Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 2003. – 388 с.
44. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений [учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов] / сост. Ю. А. Бельчиков; Предисл. Ю. В. Рождественского. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
45. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1971. – 240 с.
46. Виноградов В. В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. – М., Л.: Наука, 1930. – 193 с.
47. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Художественная литература, 1959. – 650 с.
48. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

49. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. [учебник – 3-е изд.] / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
50. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 512 с.
51. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
52. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
53. Волков И. Ф. Теория литературы / И. Ф. Волков. – М.: Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.
54. Гарбовский Н. К. Теория перевода: [учебник] / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
55. Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода / Г. Р. Гачечиладзе. – Тбилиси: Изд. Тбил. ун-та, 1970. – 285 с.
56. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. – 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1980. – 255 с.
57. Гениева Е. Ю. Неукротимый дух // Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман; Стихотворения / Ш. Бронте. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 5 – 14.
58. Гениева Е. Ю. Тайное души // Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман / Ш. Бронте; Грозовой перевал: Роман / Э. Бронте. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 5 – 14.
59. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1977. – 450 с.
60. Гражданская З. Т. Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» // Бронте Ш. Джейн Эйр. – М., 1988. – С. 5 – 12.
61. Гражданская З. Т. Сестры Бронте // История английской литературы. – М.: АН СССР, 1955. – Т. 2, вып. 2. – С. 347 – 380.

62. Гритчук М. А. Реализм Шарлотты Бронте («Джейн Эйр» и «Шерли»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Гритчук. – М., 1957. – 14 с.
63. Гритчук М. А. Эстетические взгляды Ш. Бронте // Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. – 1958. – Т. 130. – Вып. 3. – С. 107 – 119.
64. Гришман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа / М. М. Гришман. – М.: Высшая школа, 1991. – 160 с.
65. Гурьева Т. Н. Новый литературный словарь / Т. Н. Гурьева. – Ростов н/Дону, 2009. – 364 с.
66. Демидова О. Р. О стилистических особенностях первого русского перевода романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» / О. Р. Демидова // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. – Л., 1989. – Вып. 6. – С. 163 – 169.
67. Демидова О. Р. С чужого языка: английский женский роман в русской культуре XIX века // Адам и Ева: альманах гендерной истории. – СПб., 2003. – С. 255 – 268.
68. Демидова О. Р. Уроки эмансипации Английский женский роман и формирование «женского политического» в России XIX века. Электронный ресурс // Интернет-журнал «Космополис» №2 (4), лето 2003. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/demidova-zhenskij-roman.htm> (дата обращения: 08.04.2014).
69. Демидова О. Р. Уроки эмансипации: английский женский роман и формирование «женского политического» в России XIX в. [Электронный ресурс] // Космополис: интернет-журнал, №2(4), лето 2003. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/demidova-zhenskij-roman.htm> (дата обращения: 08.04.2014).
70. Демидова О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.): дис. ... канд. филол. наук. / О. Р. Демидова. – Л., 1990. – 242 с.

71. Демидова О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.): автореф. дис. ...канд. филол. наук / О. Р. Демидова. – Л., 1990. – 16 с.
72. Демидова О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России: 1849 – 1989. Библиография переводов и критической литературы / О. Р. Демидова // Oxford Slavonic Papers. – NS. – Vol. XXIX. – 1996. – P. 44 – 60.
73. Дженни Ир: Автобиография // Библиотека для чтения – СПб., 1849. – Том 94 – С. 151 – 172.
74. Дженни Эйр или записки гувернантки. Сочинение Курер-Белль. Перевод С. К...вой // Библиотека для дач, пароходов и железных дорог. Собрание романов, повестей и рассказов новых и старых, оригинальных и переводных – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1857. – в 3-х частях.
75. Дженни Эйр. Перевод с английского И. И. Введенского // Отечественные записки. – СПб., 1849. – Т. 64. – С. 175 – 250. – Т. 65. – С. 67 – 158, 179 – 262. – Т. 66. – С. 65 – 132, 193 – 330.
76. Дженнь Эйр, роман Коррер Белля // Современник. – СПб., 1850. – Т. 21. – № 6. – Отд. 4. – С. 31 – 38.
77. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Наука, 1972 – 1990. – Т. 5. – 405 с.
78. Дружинин А. В. Коррер – Белль и его роман: «Шерли» // Библиотека для чтения. – СПб., 1853. – Т. 117. – Ч. 2. – Февраль. – Отд. 5. – С. 17 – 40.
79. Дружинин А. В. Коррер Белль и его два романа «Shirley» и «Jean Eyre» // Библиотека для чтения. – СПб., 1852. – Т. 116. – Ч. 2. – Декабрь – Отд. 5. – С. 23 – 54.
80. Елисеева И. А. «Вымышленная биография» Энн Бронте как тип автобиографического романа: дис. ... канд. филол. наук / И. А. Елисеева. – Орск, 2012. – 189 с.

81. Елистратова А. А. Наследие английского романтизма и современность / А. А. Елистратова. – М., 1960. – 432 с.
82. Есин Б. А. Литературоведение. Культурология.: Избранные труды / Б. А. Есин. – М.: Флинта: наука, 2003. – 352 с.
83. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 520 с.
84. Жизнь Шарлоты Бронте (Коррер Белля), автора «Джейн Эйр», «Шерли» и «Вильет» // Русский вестник. – 1857. – Т. 9. Май. – Кн. 2. – С. 109 – 119.
85. Зарубежный роман в системе литературного направления: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. Я. Потемкина. – Днепропетровск: Днепропетр. Гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией, 1989. – 148 с.
86. Ивашева В. В. Век нынешний и век минувший... Английский роман XIX века его современном звучании / В. В. Ивашева. – 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1990. – 479 с.
87. Изер В. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание: Лекции, прочитанные на филологическом факультете Московского университета / В. Изер. Пер. с англ. – М., 2009. – 208 с.
88. Индивидуально – художественный стиль и его исследование / под общ. ред. проф. В. А. Кухаренко. – Киев – Одесса: Вища школа, 1980. – 168 с.
89. Ионкис Г. Магическое искусство Эмили Бронте // Бронте Э. Грозовой перевал: Роман; Стихотворения. М.: Художественная литература. 1990. – С. 5 – 18.
90. История зарубежной литературы XIX века [учеб. для филол. спец. вузов] / под ред. Н. А. Соловьевой. – М.: Высшая школа, 1991. – 637 с.
91. Кайда Л. Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритм обратной связи / Л. Г. Кайда. – М.: Флинта, 2002. – 152 с.
92. Кашкин И. А. Ложный принцип и неприемлемые результаты // И. А. Кашкин. Для читателя-современника. – М., 1977. – С. 371 – 403.

93. Кеттл А. Введение в историю английского романа / А. Кеттл. – М.: Прогресс, 1966. – 445 с.
94. Кеттл А. Эмилия Бронте «Грозовой перевал» (1847) // А. Кеттл Введение в историю английского романа. – М.: Прогресс, 1966. – С. 160 – 179.
95. Книга Бронте Энн «Незнакомка из Уайлдфелл - Холла». Ранняя критика / [Электронный ресурс] – URL: http://books.academic.ru/book.nsf/60000288/Незнакомка+из+Уайлдфелл-Холла%3A+Роман#cite_ref-TWN-1_71-1 (дата обращения: 17.09.2012).
96. Ковалев О. А. Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского: монография / О. А. Ковалев. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 316 с.
97. Кожевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35. – № 1. – С. 55 – 66.
98. Кожевникова Н. А. О соотношении речи автора и персонажа // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М.: Наука, 1977. – С. 7 – 98.
99. Кожевникова Н. А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 97 – 163.
100. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. – М.: Институт русского языка РАН, 1994. – 335 с.
101. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 262 с.
102. Комиссаров В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 216 с.
103. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
104. Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск: БГУ, 1972. – 244 с.

105. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. – Ижевск, 1992. – 236 с.
106. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
107. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004 – 656 с.
108. Кто такой Коррер - Белль? // Современник. – 1850. – Т. 21. – № 5. – Отд. 6. – С. 131.
109. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина) / В. И. Кулешов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 350 с.
110. Латышев Л. К. Технология перевода [уч. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.)] / Л. К. Латышев. – М.: НВИ ТЕЗАУРУС, 2001. – 280 с.
111. Левидов А. М. Образ – автор – читатель / А. М. Левидов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1983. – 350 с.
112. Левидова И. М. Переписка семьи Бронте // Иностранная литература. – М., 1956. – № 2. – 247 с.
113. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России / Ю. Д. Левин. – Л.: Наука, 1990. – 288 с.
114. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. – Л.: Наука, 1985. – 299 с.
115. Левый И. Две главы из книги «Искусство перевода» // Мастерство перевода: Сборник статей 1966 / ред. кол К. И. Чуковский. – М.: Советский писатель, 1968. – 446 с.
116. Левый И. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 397 с.
117. Лейдерман Л. Н. Современная русская литература 1950 – 1990-е годы: в 2 т. / Л. Н. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – Т. 1, 2.

118. Лейтес А. Введение в общую теорию художественного перевода // Мастерство перевода: Сборник статей 1964 / ред. кол. К. И. Чуковский. – М.: Советский писатель, 1965. – 257 с.
119. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2003. – 1600 с.
120. Литературные новости в Англии: Дженни Ир: Автобиография // Библиотека для чтения. – 1849. – Т. 94. – Ч. 2. – Отд. 7. – Апрель. – С. 151 – 172.
121. Лондонская почта: Биография Шарлоты Бронте // Библиотека для чтения. – 1857. – Т. 144. – Июль. – С. 148 – 155.
122. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 2002. – 768 с.
123. Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958. – 1993). История русской прозы. Теория литературы. / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 1997. – 848 с.
124. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
125. Митрофанова Е. Б. Роковая тайна сестер Бронте: Роман / Е. Б. Митрофанова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 688 с.
126. Михайлова М. С. Демократическая направленность и реализм романов Ш. Бронте: дис. ... канд. филол. наук. / М. С. Михайлова. – М., 1954. – 307 с.
127. Михальская Н. П. Третья сестра Бронте // Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения. М.: Художественная литература, 1990. – С. 5 – 16.
128. Мортон А. Л. Талант на границе двух миров // Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота. – М.: Прогресс, 1970. – С. 170 – 190.
129. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. А. Скобелев, Л. Е. Кройчик. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 288 с.

130. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / Изд-во «Русский язык». – 8-е изд. М.: Рус. яз., 2001. – 880 с.
131. Назаренко Н. И. Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 3. – С. 65 – 70.
132. Наумова О. А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте: дис. ... канд. филол. наук / О. А. Наумова. – М., 1990. – 204 с.
133. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. / Л. Л. Нелюбин. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.
134. Никанорова Т. М. Творчество сестер Бронте в русской и советской критике // Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе 19-20 веков. – Красноярск, 1987. – С. 11 – 27.
135. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы [учебное пособие] / Н. А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 с.
136. Новикова Е. Г. Проблематика перевода в программе деконструкции Жака Деррида // Вестник ТГУ. Филология. – № 3 (35). – 2015. – С. 179 – 188.
137. Новикова Е. Г. Садовая беседа Ф. М. Достоевского и В.В. Набокова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3 (4). – С. 82–88.
138. Осьмухина О. Ю. Сказ // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 236 – 237.
139. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
140. Петерсон О. Семейство Бронте. (Керрер, Эллис и Актон Белль) / О. Петерсон. – СПб., Типография И.Н. Скороходова, 1895. – 232 с.
141. Повзун Е. В. Поэтика романов Джейн Остин и сестер Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Повзун. – Минск, 2008. – 25 с.
142. Полякова Е. А. Художественный мир Энн Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Полякова. – Нижний Новгород, 2012. – 25 с.

143. Праздники Великобритании [Электронный ресурс] – URL: <http://www.2uk.ru/holidays/holid14> (дата обращения: 04.03.2015).
144. Рикер П. Конфликт интерпретаций / П. Рикер. – М.: Academia-центр, Медиум, 1995. – 416 с.
145. Роулэнд Л. Д. Засекреченные приключения Шарлоты Бронте / Л. Д. Роулэнд. – М.: АСТ, 2010. – 476 с.
146. Русская литература XX века. В 2 ч. / под. ред. В. В. Агеносова. – Ч. 2., М., Дрофа, 2001. – С. 251
147. Русские писатели о литературе (XVIII – XX вв.): в 2 т. / под ред. С. Д. Балухатого – М.: Советский писатель, 1939. – Т. 1, 2.
148. Рябков М. Н. Роман Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» как женский текст: дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Рябков. – Екатеринбург, 2004. – 250 с.
149. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. / И. Л. Савкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 440 с.
150. Сестры Бронте // Русский вестник. – 1900. – Т. 265. – №2. – С. 723 – 729.
151. Сироштан С. В. Романтические традиции в американской лирике 1850-80-х годов: Эмили Дикинсон и Эмили Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Сироштан. – СПб., 2004. – 18 с.
152. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
153. Смерть Коррер Белля // Библиотека для чтения. – 1855. – Т. 131. – Май – Отд. 7. – С. 72 – 76.
154. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.). – М.: «Советская Энциклопедия», 1981. – 1600 с. с илл.
155. Соколова Е. А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте: дис. ... канд. филол. наук./ Е. А. Соколова. – М., 1995. – 185 с.

156. Соколова Н. И. Шарлотта Бронте. Эстетика. Концепция личности в творчестве: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Соколова. – М., 1990. – 16 с.
157. Соркина Р. И. Художественно-стилистические средства создания образа (Джейн Эйр) / Р. И. Соркина // Ученые записки ЛГУ. – 1958. № 260. – Серия филологических наук. – Вып. 48. – С. 171 – 182.
158. Спарк М. Эмили Бронте – жизнь и творчество // Бронте Э. Грозовой перевал: Роман; Стихотворения. М.: Художественная литература. 1990. – С. 363 – 425.
159. Суворин А. С. Недельные очерки и картинки // С. – Петербургские ведомости. – 1870. – 21 июня (3 июля). – №168. – С. 2.
160. Сыскина А. А. Критическая и переводческая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Сыскина. – Томск, 2013. – 240 с.
161. Татаринцов В. «Бабье лето» английской литературы // Бронте Ш. Джейн Эйр. – М.: Эксмо, 2008. – С. 5 – 12.
162. Теория литературы: в 2 т. / под. ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2004. – Т. 1. – 513 с.
163. Теория литературы: в 2 т. / под. ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2004. – Т. 2. – 369 с.
164. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 448 с.
165. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М.: ГИХЛ, 1928 – 1958. – Т. 30: Произведения 1882-1898 гг. – 605 с.
166. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. – М.: Художественная литература, 1978. – 1985. – Т. 19 – 20: Письма, 1882 – 1894. – 1985. – 575 с.
167. Тугушева М. П. Шарлотта Бронте: очерк жизни и творчества / М. П. Тугушева. – М.: Художественная литература, 1982. – 191 с.

168. Тур Е. Мисс Бронте, ее жизнь и сочинения // Русский вестник. – 1858. – Т. 18. – Декабрь. – Кн. 2. – С. 501 – 575.
169. Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
170. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса: («Архиерей» А.П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
171. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): [для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие] / А. В. Федоров. – 5 –е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
172. Федоров А. В. Язык и стиль художественного произведения / А. В. Федоров. – Л.: Гослитиздат, 1963. – 132 с.
173. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
174. Фокс Р. Роман и народ / Р. Фокс. – М.: Художественная литература, 1960. – 247 с.
175. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А–сас1, 1994. – 408 с.
176. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002. – 438 с.
177. Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Б. Хардак. – М., 1972. – 26 с.
178. Хардак Д. Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века): дис. ... канд. филол. наук / Д. Б. Хардак. – М., 1972. – 243 с.
179. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа / М. Б. Храпченко. – 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1986. – 439 с.
180. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – М.: Художественная литература, 1986. – 446 с.

181. Цебрикова М. Англичанки – романистки // Отечественные записки. – 1871. – Т. 198. – № 9. – Сентябрь – С. 403 – 459.
182. Чернышевский Н. Г. Дневник. Ч. 1. 1848 – 1849 / Н. Г. Чернышевский. – М.: Мысль, 1986. – 375 с.
183. Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. – СПб.: Авалон; Азбука-Классика, 2014. – 448 с.
184. Чуковский К.И. Сочинения: в 2 т. / К. И. Чуковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 2: Критические рассказы. – 622 с.
185. Ш. Бронте and Another Lady. Эмма: роман / Ш. Бронте. Пер. Т. Казавчинской и В. С. Кулагиной-Ярцевой. – М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001. – 448 с.
186. Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840 – 1870-х годов: Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джорж Элиот: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. В. Шамина. – Казань, 2006. – 23 с.
187. Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840 – 1870-х годов: Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джорж Элиот: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шамина. – Саранск, 2005. – 235 с.
188. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 356 с.
189. Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Полное собрание сочинений: в 20 т. / Н. Щедрин. – М.: ГИХЛ, 1937. – Т. 5. – 386 с.
190. Эйхенбаум Б. М. Литература: Теория, критика, полемика / Б. М. Эйхенбаум. – Л.: Прибой, 1927. – 303 с.
191. Энциклопедии & словари (2009 – 2015): коллекция энциклопедий и словарей [Электронный ресурс] – URL: http://enc-dic.com/enc_rus/Ivanov-den-214.html (дата обращения: 04.03.2015).
192. Эти загадочные англичанки / сост. Е. Ю. Гениева. – М.: Прогресс, 1992. – 505 с.
193. Эткин Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е. Г. Эткин. – Л.: Наука, 1973. – 247 с.

194. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16 – 24.
195. Ярич И. Г. Бронте / И. Г. Ярич. – Одесса.: Друк, 2004. – 215 с.
196. Allen W. The English novel. A short critical history / W. Allen. – London: Penguin, 1958. – 376 p.
197. Barker J. The Brontës: A Life in Letters / J. Barker. – New York, Overlook Press, 1998. – 414 p.
198. Beer P. «Reader, I married him»: A Study of the Women Characters of Jane Austen, Charlotte Bronte and George Eliot / P. Beer. – The Macmillan Press Ltd., 1974. – 213 p.
199. Benson E. F. Charlotte Bronte / E. F. Benson. – New York, 1932. – 313 p.
200. Bentley Ph. The Brontës and their world / Ph. Bentley. – New York, 1969. – 144 p.
201. Bjerke S. Reviewing Margaret Atwood Gendered Criticism in American Book Reviews: [Электронный ресурс] – URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/26259/siljebjerkeMA.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
202. Campbell M. Strange World of the Brontës / M. Campbell. – Wilmslow, Cheshire: Sigma Press, 2001. – 237 p.
203. Cecil D. Early Victorian novelists / D. Cecil. – London Constable, 1934. – 332. p.
204. Chapman R. The Victorian Debate: English Literature and Society, 1832 – 1901 / R. Chapman. – London: Oxford University Press, 1968. – 317 p.
205. Chase R. The Brontës: A centennial observance // Kenyon Review, vol. IX, № 4. – 1947. – P. 487 – 506.
206. Chitham E. Bronte facts and Bronte problems / E. Chitham, T. Winnifriith. – London, 1983. – 142 p.
207. Chitham E. The Birth of Wuthering Heights. Emily Bronte at work / E. Chitham. – London: Macmillan, 1998. – 217 p.

208. Craik W. A. The Brontë novels / W. A. Craik. – London: Methuen, 1968. – 266 p.
209. Critics on Charlotte and Emily Brontë / ed. by J. O'Neill. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1968. – 115 p.
210. Demidova O. R. The Reception of Charlotte Brontë's Work in Nineteenth-Century Russia // The Modern Language Review. – 1994. – Vol. 89. – № 3. – P. 689 – 696.
211. Dinsdale A. The Brontës at Haworth / A. Dinsdale, S. Warner. – London: Frances Lincoln, 2006. – 160 p.
212. Drew P. Charlotte Brontë as a critic of Wuthering heights // Nineteenth Century Fiction, vol. XVIII, – № 4, – 1964. – P. 365– 381.
213. Drew P. Charlotte Brontë as a critic of Wuthering heights // Nineteenth Century Fiction, vol. XVIII, № 4, – 1964. – P. 365– 381.
214. Eagleton T. Myths of Power: A Marxist Study of the Brontes / T. Eagleton. – London, 1975. – 148 p.
215. Evenings with our younger poet. Poems, by Currer, Ellis, and Acton Bell // Dublin University Magazine. – 1846. [Электронный ресурс] – URL: https://books.google.ru/books?id=Pec_AQAAMAAJ&pg=RA1-PA391&dq=eclectic+magazine+dublin+university+1846+ellis++bell&hl=ru&sa=X&ved=0CCcQ6AEwAGoVChMI_eHR6pGSxgIVAhIsCh3IuQNv#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.06.15.).
216. Evenings with our younger poet. Poems, by Currer, Ellis, and Acton Bell // Dublin University Magazine. – 1846: [Электронный ресурс] – URL: https://books.google.ru/books?id=Pec_AQAAMAAJ&pg=RA1-PA391&dq=eclectic+magazine+dublin+university+1846+ellis++bell&hl=ru&sa=X&ved=0CCcQ6AEwAGoVChMI_eHR6pGSxgIVAhIsCh3IuQNv#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.06.15.)
217. Fraser R. Charlotte Brontë: A Writer's Life / R. Fraser. – New York: Pegasus Books, 2008. – 543 p.

218. Gaskell E. C. The Life of Charlotte Brontë: 2 vol. / E. C. Gaskell. – London, 1857. – Vol. 1,2.
219. Gerin W. Charlotte Brontë. The evolution of genius / W. Gerin. – London: Oxford University Press, 1967. – 617 p.
220. Glen H. Charlotte Brontë. The Imagination in History / H. Glen. – New York: Oxford University Press, 2004. – 336 p.
221. Goodridge F. Emily Brontë: Wuthering heights / F. Goodridge. – London: Hodder Arnold, 1964. – 314 p.
222. Green D. Patrick Brontë: Father of Genius / D. Green. – London: The History Press Ltd, 2008. – 384 p.
223. Harrison A. Anne Brontë – Her Life and Work / A. Harrison, D. Stanford. – London: Methuen & Co, 1959. – 252 p.
224. Heilman R. B. Charlotte Brontë, reason and the moon // Nineteenth Century Fiction, – vol. XIV, – № 4, – 1960. – P. 283 – 302.
225. Hewish J. Emily Brontë. A critical and biographical study / J. Hewish. – London, New York: Palgrave Macmillan, 1969. – 204 p.
226. Hinkley L. L. The Brontës, Charlotta and Emily / L. L. Hinkley. – New York: Kraus Reprint, 1970. – 376 p.
227. Ingham P. The Brontës / P. Ingham. – Oxford University Press, 2008. – 304 p.
228. Jane Eyre. Harper's Library of Select Novels. Review of New Books // Ladies' National Magazine. – March. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=251> (дата обращения: 08.06.2014).
229. Jane Eyre. An Autobiography. Boston: William D. Ticknor & Co // Graham's Magazine. – Philadelphia. – May. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=243> (дата обращения: 08.06.2014).
230. Jane Eyre. An Autobiography. Boston: William D. Ticknor & Co // Graham's Magazine. – Philadelphia (May 1848): [Электронный ресурс] – URL:

<http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=243> (дата обращения: 08.06.2014)

231. Kettle A. Wuthering heights. In introduction to the English novel / A. Kettle. – vol. 1, – Chapter V. – London, 1951. – P. 139 – 55.

232. Langland E. Anne Brontë: The Other One / E. Langland. – London: Macmillan, 1989. – 172 p.

233. Lewes G. H. Jane Eyre; an Autobiography. Recent Novels: French and English // Fraser's Magazine. – V. XXXVI. – № CCXVI. – December. – London. – 1847. – pp. 690 – 694.

234. Lewes G. H. Review of Jane Eyre, by Charlotte Brontë // Westminster Review. – London. – January. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=248> (дата обращения: 08.06.2014).

235. Lewes G. H. The Leader. December, 28. – 1850. – P. 953.

236. Martin R. B. The accents of persuasion: Charlotte Brontë's novels / R. B. Martin. – London: Faber & Faber, 1966. – 188 p.

237. Peters M. Unquiet Soul: A Biography of Charlotte Brontë / M. Peters. – New York: Hodder & Stoughton, 1975. – 460 p.

238. Poems. By C., E. and A. Bell. Poetry of the million // Athenaeum. Journal of English and Foreign Literature, Science, and the fine Arts. – № 975. – July 4. – 1846. – p. 682.

239. Review of Jane Eyre, by Charlotte Brontë // Living Age. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=249> (дата обращения: 08.06.2014).

240. Rigby E. (Lady Eastlake) Vanity Fair. – and Jane Eyre.// Quarterly Review. Vol. LXXXIV. – (December 1848): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=252> (дата обращения: 08.06.2014).

241. Schreiber S. Die Geschwister Brontë / S. Schreiber. – München: Dt. Taschenbuch Verlag, 1998. – 158 p.
242. Selected Works of the Brontë Sisters – London: Wordsworth Editions Limited, 2005. – 1376 p.
243. Shorter C. The Brontes and their circle / C. Shorter. – London: J.M. Dent & Sons, 1917. – 475 p.
244. Smith M. Selected Letters of Charlotte Brontë / M. Smith – Oxford University Press, USA, 2007. – 312 p.
245. Spark M. The Bronte letters / M. Spark. – London: Macmillan, 1966. – 208 p.
246. Stevenson W. H. Emily and Ann Brontë / W. H. Stevenson. – London: Methuen, 1968. – 116 p.
247. Stoneman P. Brontë Transformation. The Cultural Dissemination of Jane Eyre and Wuthering Heights / P. Stoneman. – Hemel Hempstead: Harvester Wheatshead, Prentice Hall, 1996. – 400 p.
248. Tayler I. Holy ghosts. The male muses of Emily and Charlotte Brontë / I. Tayler. – New York: Columbia Univ. Press, 1990. – 342 p.
249. The Brontes: The critical heritage. – Routledge and Kegan Paul. – 2010. – 475 p.
250. The Brontës: A Collection of Critical Essays / ed. by I. Gregor. – New York: Prentice Hall, 1970. – 180 p.
251. The Reader's Guide to Wuthering Heights: Joseph's speech: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wuthering-heights.co.uk/josephs-speech.php> (дата обращения: 06.08.14).
252. Traversi D. Wuthering heights after a hundred years // Dublin Review, vol. 222 – № 445 – 1949. – P. 154 – 168.
253. Unsigned Review of Jane Eyre, by Charlotte Brontë // Harbinger. – New York. – 15 April. – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=245> (дата обращения: 08.06.2014).

254. Unsigned Review of Jane Eyre // Douglas Jerrold's Shilling Magazine. – 1847.– November – № 6: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=242> (дата обращения: 15.06.15.).
255. Unsigned Review of Jane Eyre // Douglas Jerrold's Shilling Magazine. – № 6 – (Nov. 1847): [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=242> (дата обращения: 15.06.15.)
256. Visick M. The genesis of Wuthering heights / M. Visick. – Hong Kong and London: University Press, 1958. – 88 p.
257. W. J. W. Charlotte Brontë: Elizabeth Barrett Browning // Notes and Queries. – 5th ser. – January. – 1878: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=246> (дата обращения: 08.06.2014).
258. Watson M. R. Form and substance in the Brontë novels // From Austen to Conrad / ed. by R. C. Rathburn, M. Steinmann. – Jr.Minneapolis, 1958. – P. 106 – 117.
259. Whipple E. P. Novels of the Season // North American Review – October – 1848: [Электронный ресурс] – URL: <http://faculty.plattsburgh.edu/peter.friesen/default.asp?go=250> (дата обращения: 08.06.2014).
260. Wilkes J. Women Reviewing Women in Nineteenth-Century Britain: The Critical Reception of Jane Austen, Charlotte Brontë and George Eliot: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ashgate.com/isbn/9780754663362>
261. Willy M. Brontë: Wuthering heights / M. Willy. – London: Macmillan, 1966. – 79 p.
262. Wilson R. All Alone: The Life and Private History of Emily Jane Brontë / R. Wilson. – Kessinger Publishing, LLC, 2003. – 332 p.
263. Winifred G. Charlotte Bronte: The evolution of genius / G. Winifred. – Oxford University Press, 1967. – 617 p.

264. Wise T. J. and Symington J. A. The Brontës: their lives, friendship and correspondence in 4 vols / T. J. Wise. – London, 1932.

265. Woolf V. Jane Eyre and Wuthering heights // The Common Reader. London, 1925. – P.196 – 204.

266. Wright W. The Brontës in Ireland; or, Facts stranger than fiction / W. Wright. – London: Hodder and Stoughton, 1894. – 317 p.